

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 3 (15)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 3 (15)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования
Российской Федерации

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Жириков И.Г.

доктор исторических наук, профессор

Исаков В.А.

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.А.

кандидат исторических наук, профессор

Карпачев С.П.

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

ответственный секретарь

доктор исторических наук, профессор

Осиновский И.Н.

доктор исторических наук, профессор

Пашенцев Е.Н.

доктор исторических наук, профессор

Ртищева Г.А.

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Ефимова В.В.</i> «Архангельский мефистофель»	8
<i>Карпачев С.П.</i> Иностранцы в русском масонстве: вторая половина XVIII века	18
<i>Лобачева И.Н.</i> Социодемографические характеристики тульского купечества в период конца 50–80-х гг. XIX вв.	25

Новейшая история России

<i>Юрьев А.И.</i> Органы власти Временного правительства и Советы рабочих и солдатских депутатов после Февральской революции 1917 года	35
<i>Мусаева У.К.</i> Плюсы и минусы «национальной музейной политики»: краеведческий музей в Евпатории (20–30-е годы XX века)	41
<i>Захарченко А.В., Рябов В.В.</i> Производственная деятельность НКВД СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны	49
<i>Хатанзейская Е.В.</i> Городская повседневность Архангельска первых военных лет: основные стратегии выживания населения, голод и смертность в 1941–1942 годы	58

Всеобщая история

<i>Крыкин С.М.</i> Греческий эмпорий среди фракийских земель?	73
<i>Аверин С.В.</i> Индийская армия в битве за Эль-Аламейн (июль – ноябрь 1942 года).....	82

Методика преподавания истории

Банников С.В., Михайловский Ф.А., Новикова С.Н. Типология уроков в современной школе согласно требованиям ФГОС 95

Критика. Рецензии. Публицистика

Супрун М.Н. Английский историк о партизанском движении на северо-западе России (рецензия на книгу Alexander's Hill «The War Behind the Eastern Front: The Soviet Partisan Movement in the North-West Russia 1941–1944» (London – New York: Frank Cass, 2005. 195 p.))..... 107

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки», 2014, № 3 (15)..... 112

Требования к оформлению статей..... 115

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Efimova V.V.</i> Mephistopheles of Arkhangelsk	8
<i>Karpachyov S.P.</i> Foreigners in Russian Freemasonry: 2 nd Half of the XVIII Century	18
<i>Lobacheva I.N.</i> Social-Demographic Characteristics of Tula Merchants in the Period from the End of the 50 th to the 80 th of the XIX Century	25

Modern History of Russia

<i>Yuriev A.I.</i> The Authorities of the Provisional Government and the Soviets of Workers and Soldiers Deputies after the February Revolution of 1917	35
<i>Musaeva U.K.</i> Pros and Cons of a «National Museum Policy»: Local History Museum in Yevpatoria (20–30 years of the XX Century)	41
<i>Zakharchenko A.V., Ryabov V.V.</i> Production Activity of the USSR's NKVD before and during the Great Patriotic War, 1941–1945	49
<i>Khatanzeiskaia E.V.</i> The Everyday Life in Arkhangelsk for the First Years of the Great Patriotic War: the Main Survival Strategies of the Population, the Starvation and Mortality during 1941–1942.....	58

General History

<i>Krykin S.M.</i> Greek Emporium in the Middle of Thracians Territories?	73
<i>Averin S.V.</i> Indian Army in the Battle of El Alamein (July – November of 1942).....	82

Methodology of Teaching History

<i>Bannikov S.V., Mikhailovsky F.A., Novikova S.N.</i> Typology of Lessons in the Modern School According to the Requirements of the FSES.....	95
--	----

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Suprun M.N.</i> English Historian about Partisan Movement in the North-West Russia (Review of the Book by Alexander Hill «The War Behind the Eastern Front: The Soviet Partisan Movement in the North-West Russia 1941–1944» (London – New York: Frank Cass, 2005. 195 p.)).....	107
---	-----

«MCTTU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2014, № 3 (15)	112
---	-----

Style Sheet	115
--------------------------	-----

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

В.В. Ефимова

«Архангельский мефистофель»¹

На примере правителя канцелярии архангельского, вологодского и олонцкого генерал-губернатора А.А. Шамарина показано, какое влияние на управление мог оказывать чиновник, занимавший подобную должность.

Ключевые слова: местное управление; неформальная иерархия должностей.

На необходимость, при изучении истории государственного управления, уделять более серьезное внимание на неформальную иерархию должностей первой из современных отечественных ученых указала Н.П. Матханова [2]. На примере правителя канцелярии архангельского, вологодского и олонцкого генерал-губернатора А.А. Шамарина мы покажем, какую роль в управлении мог играть чиновник, занимавший подобную должность.

Служебной карьере нашего героя можно позавидовать. Согласно составленному в 1829 году формулярному списку, Алексею Андреевичу Шамарину на то время было 47 лет, происходил он из обер-офицерских детей и владел тремя дворовыми людьми. Службу начал в 1793 году копиистом в Вологодской казенной палате. Там же в 1801 году получил свой первый табельный чин, а через два года стал бухгалтером. С 1806-го по 1807 год Шамарин числился в областном земском войске, за что и был среди прочих награжден памятной золотой медалью. Затем он становится письмоводителем у вологодского губернского предводителя дворянства, но 12 марта 1810 года выходит в отставку, которая продолжалась до 28 апреля 1813 года. В это время он переезжает в Петербург, где поступает на службу в Департамент разных податей и сборов Министерства финансов, но, не проработав там и трех месяцев, увольняется. В декабре этого же года он определяется в канцелярию к только что назначенному

¹ Статья подготовлена при поддержке ПСР ПетрГУ (подпроект «Carelica») в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

архангельским военным губернатором контр-адмиралу А.Ф. Клокачеву, а в 1816 году становится управляющим его канцелярии. В 1817 году Шамарин получает чин 9-го класса, и, похоже, на этом карьере чиновника-недворянина надолго затормозилась бы, но помогло посещение Архангельска Александром I летом 1819 года. Среди прочих наш герой был представлен своим начальником к ордену Владимира 4-й степени². Этот орден позволил ему уже в феврале 1820 года получить чин 8-го класса, а вместе с ним и потомственное дворянство, в обход требований закона от 6 августа 1809 года³. В августе 1824 года Шамарин награждается Анной 2-й степени, а 15 февраля 1825 года получает чин надворного советника (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 475. Л. 16–19).

Однако этот образцовый формулярный список кое о чем умалчивал. Есть основания усомниться в истинности его отрицательного ответа в графе «Бывал ли в судах, штрафах или подозрениях». В 1827 году в одном из первых донесений своему начальству из Вологды жандармский подполковник Дейер сообщал: «... говорят, что он — Шамарин — служив до этого в Вологодской казенной палате, был предан суду за лихоимство, и было решено никуда его не принимать на службу или принял бы очистительную присягу, но ее он якобы не принял, поэтому все сословия имеют о нем самое дурное мнение» (ГАРФ. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 3а (т. 1). Д. 1138. Л. 28). Разумеется, что после этого поступка в упомянутой нами выше графе послужного списка Шамарина должна была бы появиться запись «оставлен в подозрении». Как и когда ему удалось изъять ее из списка, остается тайной, но вот почему он это сделал, понятно — чиновники часто шли на такие подлоги, чтобы не навредить своей дальнейшей карьере.

Скажем особо о материальном положении нашего героя. Его официальный оклад, как правителя канцелярии архангельского, вологодского и олонечкого генерал-губернатора⁴, согласно утвержденных 16 февраля 1826 года Николаем I «штатов канцелярий генерал-губернаторов и военных губернаторов», составлял 2500 рублей (для сравнения: по штатам Архангельской губернии 1825 года оклад чиновников 5-го класса — председателя губернской уголовной или гражданской палаты — был 2500 рублей) [4; 5]. Кроме того, этими штатами разрешалось остатки от некомплекта чиновников и канцелярских расходов употреблять в награду чиновникам этих же канцелярий «по трудам». Например, в декабре 1826 года Шамарин получил в награду 2000 рублей, а в 1828 году — 1000 рублей (Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 1367. Оп. 1. Д. 415. Л. 3–9, 59–61; Д. 617. Л. 72).

² О специфике награждения во время этих «высочайших посещений» современник замечал: «Этими случаями пользуются и достают милости таким, которые иным путем никогда бы их не получили» [1: с. 74].

³ Согласно этому указу, от чиновников, претендовавших на чин 8-го класса, требовалось предоставить помимо «сверхотличных одобрений своего начальства» свидетельство об окончании университета или успешно пройти «испытание», т. е. сдать экзамен [3].

⁴ А.Ф. Клокачев занимал эту должность с 17 марта 1820 г. по 2 января 1823 г. Его преемником стал генерал-майор С.И. Минацкий (ГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 248. Л. 27; Оп. 3. Д. 54. Л. 48).

Однако помимо официального содержания А.А. Шамарин имел и другие доходы, которые извлекал благодаря достигнутому положению в неформальной иерархии должностей. Сошлемся на несколько свидетельств. В 1828 году между генерал-губернатором С.И. Миницким и архангельским вице-губернатором А.Е. Измайловым возник конфликт. Последний, ссылаясь на некоторые обстоятельства, не хотел ехать в уездные города возглавлять рекрутские присутствия, но генерал-губернатор настаивал. Тогда Измайлов, как докладывал 26 февраля 1829 года царю Миницкий, позволил себе прислать ему ночью «запечатанную бумагу» с надписью «самонужнейшее», которая оказалась «наполненной к лицу его» «неприличными и дерзкими выражениями». В одном из них Измайлов написал, что «выражения», заключавшиеся в предписании генерал-губернатора от 12 октября 1828 года, «слились с пера Правителя его Канцелярии Шамарина и что сему последнему не подобало бы в изготовляемых к подписанию Генерал-Губернатору бумагах забывать должное приличие» (РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5370. Л. 3–4, 10–11). В ответ С.И. Миницкий 30 октября запретил вице-губернатору докладывать о делах Казенной палаты от себя лично, а также являться к себе. Губернатор И.Я. Бухарин, представляя 11 ноября 1828 года А.Х. Бенкендорфу для доклада царю «объяснения», писал, что «самая сия переписка возникла единственно по личным неудовольствиям Правителя канцелярии Генерал-Губернатора Шамарина и Вице-Губернатора Измайлова» (ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 3. Д. 433. Л. 1). Для Измайлова конфликт закончился переводом на службу в другую губернию.

О том, какие причины и последствия могла иметь «немилость» Шамарина, видно из свидетельства и другого современника событий, который так вспоминал о А.Ф. Клокачеве: «Сам он был человек не худой, но имел правителя канцелярии, некоего Шамарина, который, говорят, жестоко побирался, и если кто ему не платил как следует, то он чернил его перед генерал-губернатором, заводил переписку и делал всякие придирки. Рыхлевский⁵ не брал ни с кого, а потому не мог и делиться, и этого было довольно, чтобы вовлечь его в неприятную переписку с Клокачевым, которая дошла даже до личной вражды. Как ни был прав и чист в своих действиях Рыхлевский, но, вероятно, Клокачев или Шамарин стерли бы его, потому что Клокачев пользовался особенною милостию Государя и вдовствующей императрицы Марии... Однако же Шамарину не удалось уничтожить Рыхлевского: на второй день Рождества... он (Клокачев. — В.Е.) умер от апоплексии... На место его назначен был В.Ф. Миницкий⁶, человек добрый, но тоже был в руках Шамарина, и неприятная переписка продолжалась» [1: с. 77–78].

Каким доверием пользовался А.А. Шамарин у генерал-губернаторов, хорошо видно из поданной С.И. Миницким Николаю I в 1829 году докладной записки «о надворном советнике Шамарине». Представляя его к внеочередному

⁵ А.И. Рыхлевский с 1821 по 1824 г. был олонекским губернатором.

⁶ В тексте описки, правильно — Степан Иванович.

чину 6-го класса, он писал: «Предместник мой — генерал-губернатор Клокачев — отлично свидетельствовал об нем императору Александру Павловичу. Его Императорское Величество (далее — Е.И.В.) при назначении моем в Архангельск изустно изволил отозваться о Шамарине, как об известном Е.И.В. чиновнике, и повелел мне оставить его правителем канцелярии. По пребыванию Е.И.В. в Вологде в 1824 г. Государь вопрошал меня, доволен ли я Шамариным, на что я отвечал: исполняет должность свою со всей точностию и как долг службы требует и что я им совсем доволен. Е.И.В. изволил мне сказать, что знает его за хорошего и умного чиновника. Шамарин действительно с 1823 г. неотступно 6 лет находится при мне, не подал собою никакой мне причины к неудовольствию, а качествами своими и неутомимым усердием по службе приобрел полное право на мое ходатайство». Однако в связи с тем, что Шамарин не успел на момент этого ходатайства выслужить положенных по закону для 6-го класса шести лет, Шамарин получил в награду лишь брильянтовый перстень (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 475. Л. 1–3, 6–15, 21–24).

Казалось бы, что после этого никто и ничто не могло помешать нашему герою получить столь возжеланный чин коллежского советника, тем более что его начальник и покровитель генерал-губернатор С.И. Миницкий также был обласкан в столице, получив 17 марта 1829 года чин вице-адмирала. Однако чтобы окончательно реабилитировать себя в глазах императора, генерал-губернатор захотел положительно для себя закончить одно дело. В 1828 году он, будучи Главным начальником Архангельского порта, получил в формулярный список строгий выговор за выгораживание принявших в 1825–1826 годы в адмиралтейские магазины недоброкачественную муку провиантских чиновников. Последние были по приговору военного суда лишены дворянского звания, чинов и наград и разжалованы в солдаты. Осталось осудить поставщика этой муки — купца Я. Грибанова, который, как гражданское лицо, не подлежал военному суду. 11 июля 1829 года к генерал-губернатору, по причине выбытия с должности архангельского губернатора Бухарина, из уголовной палаты поступил на утверждение приговор по «делу Грибанова», согласно которому купец был полностью оправдан. Понимая свою причастность к этому делу, С.И. Миницкий, как он впоследствии объяснял 20 марта 1830 года сенатору А.Д. Гурьеву, оставил документы у себя до приезда нового губернатора, которому и сообщил, что дело «учинено совершенно справедливо», а главный поставщик Я. Грибанов не только «не заслуживает обвинения, но даже благодарность... Когда узнал я, что он не согласен со мной и мнением Палаты, то я объявил ему, что хотя и знаю, что мне не следует утверждать дело Грибановых, но почитаю долгом совести защитить его невиновность. Вследствие чего просил возврата дела в мою Канцелярию... Во всех сих действиях не имел другого побуждения как честь и совесть» (РГИА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 12. Л. 1).

Факт уговоров подтвердил в своем донесении Николаю I от 25 января 1830 года и губернатор В.С. Филимонов. Он писал: «Я на сие убеждение не согласился. Тогда упомянутое дело было представлено помимо меня в Сенат, Сенат

обратил его обратно ко мне... Еврей купец Кагнов, по воле генерал-губернатора жительствовавший здесь противозаконно, явился ко мне также с убеждениями утвердить... и в поползновении подкупить меня представил мне 12 тыс. руб. ассигнациями, я предъявил их в Губернское правление, о чем и донес генерал-губернатору, а дело представил в Сенат» с мнением, что оно решено «пристрастно». Однако «вместо доброго слова... Генерал-губернатор в защиту еврея дал Губернскому правлению... предложение, из чего Ваше Императорское Величество усмотреть может, что сердцу Генерал-губернатора ближе еврей подкупающий, чем Губернатор, законно действующий» (ГАРФ. Ф. 109, 1-я эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 7–9). О том, какую роль в решении «дела Грибанова» сыграл А. Шамарин, видно из подробного рапорта В.С. Филимонова министру внутренних дел от 30 января 1830 года. Губернатор сообщал, что при вступлении его в должность «здесьшний генерал-губернатор с коварным радушием, угощая меня, приметно склонял» «с общинческим кругом своим», к которому прежде всего принадлежали витебский купец 1-й гильдии «еврей Халил Кагнов», домоправитель генерал-губернатора чиновник Иванов и «богатеишие здесь» купцы Грибановы. К утверждению приговора помимо генерал-губернатора и Иванова его склонял и сам Шамарин, посещение которого было «в политическом, юридическом, а всего более в нравственном основании весьма любопытно; в отношении же к цели его безуспешно. Шамарин, как архангельский мефистофель, искушал меня, но не обольстил. ...Видя непреклонность мою по сему делу, Главное здесьнее Управление объявило мне войну явную, которая должна быть предметом особого объяснения». Дело, по версии губернатора, обстояло так. В начале года к нему явился «еврей Кагнов» и сообщил, что скоро из Сената вернется «дело Грибанова», которое он просит утвердить. Губернатор ему не поверил, но приказал, если это случится, прийти к нему вновь. 7 января к губернатору действительно поступило дело из Сената, а вскоре явился и Кагнов, но «не только с убеждением, а с обещанием денег». Чтобы «выведавать все извороты, кажется, не только Архангельска касаемых, и всю черноту продажности правосудия», губернатор решил «обмануть жида» и притворно согласился. 18 января еврей вручил ему 12 тысяч рублей. Из разговора же с ним губернатор выведал, «каким образом дело о Грибановых “обрабатывалось”» и через кого они действовали «по сему и подобным делам в Петербурге». Оказалось, что Шамарин, «обобрав Грибановых и легко расплатясь с Магистратом и Уголовной палатою», совершенно был уверен, что «по новости легко обманет и его — губернатора. Не сомневаясь в успешности дела и в Санкт-Петербурге», он «смеялся надо мною, что я выпустил из рук кусок жирной. Генерал-губернатор упрекал Шамарина, что получилось со взяткой неловко, а Шамарин отвечал — кто же знал? Но и теперь еще дело не испорчено: Грибановы не пожалуют 100 тысяч рублей». Как говорил ему Кагнов, «утверждение мною дела Грибановых в видах Главного здесьнего Управления поведет к миру с оным: оно увидит, что со мной нельзя разделаться дешево и что когда мы сойдемся, тогда будет славно... Последствия сего происшествя таковы: 1. Еврей, чрезвычайно оробевший сначала и продолжающий опасаться, крепко

поддерживается покровителями своими, причем, вероятно, не оставляют обирать его по безграмотности Шамарин и некоторые другие лица; 2. Еврей по-прежнему беспрестанный гость генерал-губернатора. 3. Шамарин разглашает, что, во чтобы ни стало, а Грибановы будут правы, ибо он оправдал их, и что он непременно оттолкнет меня от суда...» (ГАРФ. Ф. 109, 1-я эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 12–21).

Донесение о взятке в своих рапортах царю и министру внутренних дел 24 и 25 января 1830 года представил и генерал-губернатор. Однако преподнесено оно было в числе других, якобы незаконных поступков губернатора. Таким образом, С.И. Миницкий встал на сторону купца Кагнова, категорически отрицавшего факт взятки (ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 331. Л. 186–190).

Однако о неблагополучии в «Главном управлении» под началом С.И. Миницкого продолжал сигнализировать уже известный нам жандармский подполковник Дейер. В рапорте своему начальству от 24 декабря 1829 года он писал: «В бытность в г. Архангельске... я заметил весьма ясно в разговорах общества, что много недовольных самовластным управлением Правителя канцелярии Генерал-Губернатора... лучшие из них, говоря о г. Шамарине... как о самом бесчестном и развратном человеке, прибавляют, что нет способу служить с ним порядочным людям, ибо он совершенно распоряжается действиями Генерал-Губернатора по всем частям управления... Сколько мог извлечь из разговоров разных лиц в обществах... то делаются большие злоупотребления во всех подрядах для заготовки материалов, продовольствия и других вещей, потребных для порту, но открыть их не только трудно, но почти невозможно, ибо все эти чиновники и подрядчики тесно связаны с Шамариным, через влияние коего Генерал-Губернатор во всех случаях их поддерживает и имеет один предмет, полагать должно, к закрытию всех противозаконных поступков друг друга, и тайны могут быть открыты, если бы кто из этого общества изменил им... Я нахожу одно средство, чтобы правительство не предоставляло одному лицу утверждение подрядов, приемку оных и израсходование, ибо трудно поверить счет, утвержденный одним начальником, который к несчастью позволяет управлять собою самому бесчестному человеку, который, как мне сказывали достойные вероятия люди из лучших архангельских чиновников, говорит, что в Русском Царстве, у кого есть ум да полные карманы, тот может управлять. И часто в пьяном виде, что не раз случалось, тот хвастал: если меня потащут в воду, то не один утону, а потоплю и Степана Ивановича, он у меня в руках» (ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 2–3).

Получив столь тревожную информацию, А.Х. Бенкендорф обратился 24 января 1830 года за объяснениями непосредственно к генерал-губернатору. В своем ответе от 15 февраля тот писал, что «приписываемые ему Шамарину дела и поступки во все несправедливы», что он «предан службе и своему делу, привержен к начальнику, ни в каких неблагонадежных делах не замечался... Все бумаги, ко мне поступающие, распечатываются мною и передаются к исполнению в канцелярию с моими приказаниями, следовательно, ни в каком случае г. Шамарин

не может свободно и самовластно располагать делами не только по всем делам управления, но и в самой даже канцелярии... Все подряды по Адмиралтейству совершаются по делам Присутствия Конторы Главного командира... следовательно, искать подрядчикам его покровительства не для чего». Далее генерал-губернатор предполагал, что донос сделал на Шамарина губернатор Филимонов, который, «как только приехал в Архангельск, начал мне безстыдно бранить г. Шамарина, человека ему во все неподвластного и незнакомого», но говорит так «языком бывшего вице-губернатора Измайлова. На это я ответил, что губернатору не должно веровать площадным сказкам или слушать подлых наушников, а следует смотреть на дела... Наконец, вышел он Филимонов из должного и ко мне респекта», вынудив довести о поступках его государю и правительству. «Следовательно, — заключал Миницкий, — что же можно теперь ожидать от такого Губернатора, как не стремление из ненависти вредить Правителю моей канцелярии, а более мне, изыскивать, чем токмо возможно, порицать мое управление, за которое я готов дать отчет пред моим Великим Государем как пред Богом» (ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 34–35).

Однако пока генерал-губернатор обдумывал ответ, высочайшим рескриптом от 10 февраля 1830 года сенатору А.Д. Гурьеву было предписано произвести исследование о случившихся «несогласиях» между генерал-губернатором и губернатором и «происшествии, которое выходит из всех мер порядка и терпимости», и «остановить действия генерал-губернатора, если найдете их неправильными, объявив ему повеление отправиться в Санкт-Петербург; если же виновным окажется гражданский губернатор, то отрешив его от должности, и в обоих случаях донести Мне немедленно» (РГИА. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Прибывший 28 февраля в Архангельск А.Д. Гурьев сразу же арестовал купца Кагнова, чем и принудил его к признанию. Вслед за ним признательные показания дали чиновник Иванов и купец Грибанов. 19 марта сенатор донес царю «“о побудительных причинах” взять под арест Шамарина, Иванова, Кагнова... и прочем», а 20 марта пригласил к себе генерал-губернатора Миницкого для дачи «объяснений». В них Миницкий категорически отверг не только утверждение Кагнова и Иванова о том, что знал о готовящейся взятке, но и факт получения через Иванова ежегодных от купцов Кагнова и Грибанова денежных и натуральных «подарков». 22 марта состоялась кульминация ревизии. В этот день, доносил 3 апреля 1830 года подполковник Дейер, сенатор «призвал к себе Шамарина, Иванова и купцов Грибанова и Кагнова для очных ставок, на которых якобы все сознались, кроме Шамарина, который на чинимые сенатором Гурьевым вопросы давал грубые ответы, почему Гурьев приказал ему выйти вон и более его не требовал. Вслед за сим Гурьев пригласил Миницкого для прочтения ему лично какой-то бумаги» (ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 48–50).

29 марта сенатор представил Николаю I итоговый рапорт, в котором писал, что по причинам, значащимся в приложенных к рапорту записке и подлинном следствии, он был вынужден отправить под охраной в Петербург купца Кагно-

ва, чиновников Иванова и Шамарина, а также объявить генерал-губернатору Миницкому означенную в рескрипте 10 февраля высочайшую волю отправиться туда же. В своей записке сенатор подробно восстанавливал «обстоятельства», сопровождавшие «дело купца Грибанова», которые в целом подтверждали версию губернатора Филимонова. О Шамарине в записке упомянуто было особо: «Кагнов уверяет, писал сенатор, что по поводу занимаемого Шамариным места Правителя канцелярии с 1820 по 1824 г., одновременно подарил ему 3500 руб., что с сего года влияние его при нынешнем Генерал-Губернаторе до такой степени усилилось, что Кагнов считал себя в необходимости платить ему по договору лично с ним сделанному, по 4 тысячи руб. в год, что и исполнял до нынешнего времени», что однажды Шамарин говорил, что «хочет выгнать еврея, если тот не даст ему еще 5 тыс. руб., что и исполнил Кагнов». Купец Я. Грибанов, продолжал сенатор, сознался в том, что, когда Миницкий решился его дело представить в Сенат, он «почел в сем случае нужным искать покровительства у Шамарина и просил его помощи, и когда получил обещание, что все будет сделано, дал ему жемчугу на 1 тыс. руб., и обещал, смотря по ходу дела, дать ему еще 1 тысячу». Так как Шамарин все это «решительно опровергает», то «были даны очные ставки», на которых «все без изъятия решительно подтвердили прежние свои показания. Сплетение толиких незаконных действий, заключал сенатор, представляют в ясном свете свойства лиц в оных участвовавших, и предлагают достаточными причинами с большей вероятностью предугадывать, что по управлению г. Миницкого дух интриги и корыстолюбия распространились и на многие другие предметы. Тесная связь Иванова с Шамариным, хотя подавала мне надежду распространить розыски мои далее, но Иванов, являясь с начала в показаниях своих с некоторою искренностью, под конец ограничил сознания свои вышеобъясненным и далее упорно настаивает в уверении (которая допущена быть не может), что не участвовал ни в каком более злоупотреблении, а что дела Шамарина ему вовсе неизвестны» (ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 5. Д. 13. Л. 22–23).

5 и 29 апреля 1830 года Комитет министров слушал рапорт и записку сенатора А.Д. Гурьева. Согласно его постановлению, утвержденному императором, чиновник Шамарин и Иванов, обвиненные «в преступлении должности и лихоимстве», а также еврей Кагнов, сознавшийся «в подкупе губернатора и других противозаконных поступках», были преданы суду Санкт-Петербургской уголовной палаты. В отношении же С.И. Миницкого было сказано: «...если бы по производству дела о них понадобилось требовать от бывшего Архангельского Генерал-Губернатора Вице-Адмирала Миницкого⁷ объяснений и он привлекался бы к ответу, то Уголовной Палате предписать, дабы она, отделив все то, что б относилось лично к Миницкому, представила на рассмотрение в Правительствующий Сенат» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 28. Д. 2154. Л. 1–40; ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 331. Л. 191–195).

⁷ Бывшего, потому что высочайшим рескриптом от 18 апреля 1830 г., найдя действия С.И. Миницкого «по вверенному ему управлению не только слабыми, но званию его предосудительными и пользе служб несоответственными», царь отстранил его от должности (ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 707. Л. 1–3).

18 марта 1831 года царь утвердил мнение Государственного совета. В отношении Шамарина там говорилось, что, несмотря на то, что он «прямого сознания не учинил, но не представил «к совершенному себя оправданию в выводимых на него преступлениях доказательств» и подписал вместе с генерал-губернатором Миницким рапорт в Сенат по «делу Грибанова», он приговаривается, как «совершенно изобличенный в злоупотреблении по должности и лихоимстве», к лишению чинов, дворянства, орденов и ссылке в Сибирь «в каторжную работу». Кроме этого, с него должны были быть взысканы в пользу Архангельского приказа общественного призрения все суммы, которые были даны ему купцами Х. Кагновым и Я. Грибановым в качестве «подарков» (ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 331. Л. 196–201). Однако привести приговор в исполнение не успели — потрясенный таким исходом дела, А. Шамарин заболел, был переведен в тюремный лазарет, где 1 июля 1831 года скончался (ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 5. Д. 34. Л. 54).

Итак, мы представили историю правителя канцелярии архангельского, вологодского и олонекского генерал-губернатора А.А. Шамарина. Находясь на этой должности почти 17 лет, он, пользуясь доверием своих начальников А.Ф. Клокачева и С.И. Миницкого, сумел не только сделать блестящую служебную карьеру, но и опутать сетью «поборов и откатов» весь северный регион. Препятствующих этому чиновников он «выживал», заводя на них «переписки». Однако А.А. Шамарину не повезло, так как «пик» его противозаконной деятельности пришелся на первое пятилетие правления Николая I, т. е. период, когда молодой император и общество еще питало иллюзии о возможности «полного искоренения мздоимства» [6: с. 91]. Получив в свои руки неопровержимые доказательства процветающего под началом генерал-губернатора С.И. Миницкого взяточничества и лихоимства, Николай Павлович не мог упустить шанса примерно и сурово наказать виновных, чтобы «другим не повадно было».

Литература

1. Бутенев Н.Ф. Записки горного офицера / Публ. и автор комментариев А.М. Пашков // Север. 2003. № 5–6. С. 70–83.
2. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. 250 с.
3. О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники // ПСЗ-1. Т. 30. № 23771.
4. О прибавке жалованья чиновникам губернских судебных мест // ПСЗ-1. Т. 40. № 30291.
5. О штатах канцелярий военных и генерал-губернаторов // ПСЗ-2. Т. 1. № 154.
6. Севостьянов Ф. Почему Россией управляют столоничальники? // Родина. 2003. № 3. С. 91–92.

References

1. *Butenev N.F.* Zapiski gornogo oficera / Publ. i avtor kommentarijev A.M. Pashkov // Sever. 2003. № 5–6. S. 70–83.
2. *Matxanova N.P.* Vy'sshaya administraciya Vostochnoj Sibiri v seredine XIX v.: Problemy' social'noj stratifikacii. Novosibirsk: Sib. xronograf, 2002. 250 s.
3. O pravilax proizvodstva v chiny' po grazhdanskoj sluzhbe i ob ispy'taniyax v naukah dlya proizvodstva v kollezhskie asessory' i statskie sovetniki // PSZ-1. T. 30. № 23771.
4. O pribavke zhalovan'ya chinovnikam gubernskix sudebny'x mest // PSZ-1. T. 40. № 30291.
5. O shtatax kancelyarij voenny'x i general-gubernatorov // PSZ-2. T. 1. № 154.
6. *Sevost'yanov F.* Pochemu Rossiej upravlyayut stolonachal'niki? // Rodina. 2003. № 3. S. 91–92.

V.V. Efimova

Mephistopheles of Arkhangelsk

On the example of the chancellery of the Governor General of Arkhangelsk, Vologda and Olonets A.A. Shamarin, the author demonstrates how a person holding such a post, could influence the governance process.

Keywords: local government; informal hierarchy of posts.

С.П. Карпачев

Иностранцы в русском масонстве: вторая половина XVIII века

В статье рассматривается участие иностранцев в русском масонстве второй половины XVIII века, их роль в социальной и культурной модернизации России.

Ключевые слова: масонство; иностранцы; модернизационная концепция.

Несмотря на обилие исторических документов, специальной литературы и множество разного рода публикуемых фантазий, проблемы российского масонства и масонов продолжают привлекать исследователей. Хорошо известно, что масонство явилось продуктом западной цивилизации и распространялось в странах «второго эшелона» развития, к которым относилась и Россия. В этом отношении масонство можно рассматривать как элемент модернизационного компонента российской цивилизации.

Роль иностранного, прежде всего немецкого компонента в российском масонстве в целом отмечалась в литературе [1; 3]. Однако эти наблюдения имели достаточно общий характер. Историки, рассматривая данный вопрос, писали обо всех иностранцах или, скорее, о лицах с иностранными фамилиями, независимо от их подданства.

В настоящей статье автор попытался на конкретно-историческом, прежде всего статистическом материале рассмотреть роль иностранного влияния на развитие российского «королевского искусства» во второй половине XVIII века, попытался выделить исключительно масонов-иностранцев, родившихся в своих странах, принявших российское подданство или находившихся на русской службе. Основой настоящей статьи служит созданный А.И. Серковым энциклопедический словарь русского масонства, содержащий огромный документальный и историографический материал [4].

Согласно моим подсчетам, словарь А.И. Серкова содержит 10 730 персоналий, в том числе 3118 фамилий масонов XVIII века, или 29 % от общего списочного состава, 5577 масонов XIX века (52 %) и масонов XX века — 2035 (19%). Из 3117 масонов XVIII века было 350 иностранцев, т. е. более 11 % от их общего числа. Национальный состав рассматриваемой группы приведен в таблице 1.

Основным методом, использованным для подготовки данного материала, явилась унифицированная анкета: фамилия, даты жизни, участие в масонских/ой ложах/е, профессиональная и общественная деятельность. На анализе результатов анкетирования был выделен ряд характеристик рассматриваемой группы.

Таблица 1

Масоны-иностранцы в русских ложах XVIII века

Национальность	Численность	Удельный вес в %
Немцы	203	58,0
Французы	42	12,0
Англичане	24	6,9
Австрийцы	18	5,1
Итальянцы	14	4,0
Шведы	10	2,8
Швейцарцы	9	2,6
Евреи	8	2,3
Голландцы	7	2,0
Остальные: армяне, греки, датчане, испанцы, молдаване, португальцы, неизвестной национальности	15	4,3
Итого:	350	100

Во-первых, можно выделить средний возраст инициации в масонство. В частности, средний возраст посвящения у немцев составлял 30 лет. Время рождения и инициации указаны у половины персоналий. Представляется, что 50 % выборка является достаточно репрезентативной.

Вариативный ряд таблицы 2 уточняет средние данные.

Таблица 2

Возраст посвящения в масонство немцев

Возраст инициации	Количество человек / уд. вес в %	Примечания
15–29	51 (49 %)	Из них два «брата» в возрасте до 20 лет. Следовательно, в диапазоне 20–29 лет остается 49 человек.
30–39	40 (38 %)	
40–54	14 (13 %)	Из них два «брата» старше 50 лет. Следовательно, в диапазоне 40–50 лет — 12 человек.
Итого:	105 (100 %)	

По ряду национальных групп (французы, шведы, швейцарцы) возраст инициации не прослеживается. В ряде случаев выборка не могла быть репрезентативной. Например, у 24 англичан можно выделить возраст инициации только у двоих. У евреев формальный средний возраст посвящения составлял 36 лет. У трех — 30 лет и у одного — 52 года. У остальных групп (австрийцев,

итальянцев, голландцев) средний возраст инициации, как и у немцев, составлял 30 лет.

Самыми молодыми вольными каменщиками, посвященными в братство, были немцы: 15-летний фон Гейнрих-Леопольд Шредер, вступивший поручиком в русскую службу, член новиковского кружка московских розенкрейцеров, позже — министр в Пруссии и 17-летний купец Маттиас Гайдт.

Из самых возрастных лиц, инициированных в орден, были австрийский чиновник 59-летний Гейншоуау, немецкий учитель Самуэль Горн (54 года) и каретник Питер Кнот (51 год), 52-летний еврейский купец Исаак Левин.

Обращает внимание, что возраст инициации торговцев был значительно меньшим, чем у ремесленников.

Масонская карьера немецких «братьев» в основном была достаточно быстрой. Часто между первой степенью ученика и третьей степенью мастера чаще всего проходило не более года. Были случаи возведения в последующую степень через несколько дней.

Во-вторых, метод унифицированной анкеты позволяет выявить распределение масонов-иностранцев по российским ложам. В XVIII веке в России насчитывалось 138 масонских лож. Половина немцев была сосредоточена в петербургской ложе «Урания» (другое название «Уединенных муз»). Ложа была основана в 1772 году и просуществовала более 20 лет. Последние инициации в ней относятся к 1793 году. Эта была самая крупная масонская мастерская XVIII века. В ее реестре за все время существования насчитывалось 602 «брата», преимущественно немцев российского подданства. В остальных петербургских ложах работало 27 членов рассматриваемой группы. В результате видно, что в Петербурге было сосредоточено около 63 % ее численности. В двух рижских ложах «Северной звезды» и «Малого света» насчитывалось 40 немцев-иностранцев. Если к ним приплюсовать 8 членов Ревельской и Дерптской лож, то получится, что в балтийских мастерских состояло 48 иностранных немецких «вольных каменщиков», или около 24 %. Остальные работали в московских ложах (10 %) и в ряде других. Таким образом, членство немецких масонов соответствовало их территориальному месту жительства. Кроме немцев в «Урании» работали 27 «братьев» (половина численности групп австрийцев, голландцев и евреев), пятая часть англичан. Всего в ложе было сосредоточено 128 масонов-иностранцев, или более трети общей численности участников.

Французы тяготели к московской ложе «Союз иностранцев» — 17 человек, или более 40% общей численности группы. Они, по сравнению с немцами и другими группами, больше сохраняли связь со своими материнскими ложами за рубежом. В «Союзе иностранцев» также были представлены голландцы (два человека), немцы, шведы и швейцарцы (по три брата). Всего 29 иностранцев.

Таким образом, иностранные «братья» были представлены достаточно компактно, в шести российских масонских ложах. Значительная часть масонов-

иностранцев разбредались поодиночке или небольшими группами по сорока другим российским мастерским. В результате иностранцы работали в 46 из них, т. е. в третьей их части.

В-третьих, составленная унифицированная анкета позволяет определить профессиональную принадлежность исследуемой группы. Соответствующие данные сведены в таблицу 3.

Таблица 3

**Профессиональный состав иностранцев, участвовавших
в деятельности российских масонских лож**

Род занятий	Немцы		Французы		Др. нац.		Итоговые данные	
	Численность	Удельный вес в %	Численность	Удельный вес в %	Численность	Удельный вес в %	Численность	Удельный вес в %
Военнослужащие	12	6	7	17	14	13	33	9
Чиновники ¹	18	9	5	12	12	11	35	10
Чиновники / военнослужащие ²	10	5	2	5	4	4	16	5
Интеллектуалы ³	43	21	9	21	23	22	75	21
Медики и аптекари	13	6	1	2	2	2	16	5
Купцы и фабриканты	56	28	15	36	30	29	101	29
Представители рабочих профессий ⁴	21	10	нет	0	5	5	26	7
Неизвестно	30	15	3	7	15	14	48	14
Итого:	203	100	42	100	105	100	350	100

Данные таблицы 3 показывают, что самой крупной профессиональной группой среди масонов-иностранцев были купцы и фабриканты, при подавляющей доле первых (более 90 %). Они превосходили численность объединенной

¹ К чиновникам отнесены и дипломаты.

² Выделение данной категории обуславливается тем, что военнослужащие подчас переходили на гражданскую службу и обратно. Ряд лиц проявили себя как на военном, так и на гражданском поприщах. Например, Максимилиан Нессельроде был солдатом прусской армии, а затем крупным российским дипломатом, Яков Сиверс — генерал, участник Семилетней войны, стал генерал-губернатором, дипломатом. Фон Иоганн Ферстер — военнослужащий, позже управляющий Херсонским округом. Известны военные заслуги французов Ришелье, Ланжерона, ставших руководителями крупных российских территориальных образований. Герой многочисленных сражений и авантюр (в частности, участник похищения кн. Таракановой) испанец де Рибас был одним из основателей Одессы в 1794 году.

³ К ним отнесены преподаватели, ученые, адвокаты, артисты, архитекторы, художники, скульпторы, переводчики, священники.

⁴ Среди них: ремесленники, слуги, парикмахеры, портные, булочники, граверы и т. д.

группы военнослужащих и чиновников, считающейся в массовом сознании основной масонства. Более пятой части численности масонов-иностранцев составляли интеллектуалы. Открытием, в том числе для автора статьи, стало заметное наличие в «королевском искусстве» «братьев», занятых ручным трудом. Особенно ярко эта группа представлена у немецких «братьев». Группа интеллектуалов в процентном соотношении достаточно стабильна у вольных каменщиков всех национальностей. У французов заметно преобладание купцов и предпринимателей, отсутствие ремесленников. Их интеллектуалы представлены исключительно преподавателями и гувернерами, в отличие от итальянцев, у которых масонами становились лица «творческих профессий»: архитекторы, артисты, художники. Среди масонов-швейцарцев был только один представитель интеллектуальных профессий, но это был Лагарп, воспитатель великих князей Константина и Александра, будущего российского императора. Из восьми выявленных масонов-евреев было пятеро иудеев, занимающихся торговлей; один из трех, принявших христианство, — художник, ставший главным медальером Монетного двора, «академиком художеств» и дослужившийся до чина действительного статского советника⁵, другие двое — доктор медицины и чиновник.

Социальное происхождение иностранных масонов достаточно разнообразно. Наряду с выходцами из аристократических семей (отцом Ришелье был придворный, отцом Де Рибаса — генерал, отцом Ланжерона — родовитый дворянин), ряд вольных каменщиков ведет происхождение от потомственных мореходов (англичанин Грейг), художников (итальянец Градицци), золотых дел мастеров (датчанин Бух). Особенно демократично социальное происхождение немецких масонов (купец, пастор, саксонский горнорабочий, учитель начальной школы, лекарь, «из бедной семьи», воспитанник «сиротского дома»).

На основе выявленной литературы и источников, благодаря применению метода унифицированной анкеты, выявлено 19 человек, которые закончили или обучались в университетах (5 % изучаемой группы). Из них было 16 немцев, т. е. среди этой национальной группы удельный вес лиц с законченным и незаконченным университетским образованием составлял 8 %.

В связи с неразвитостью российской общественной жизни масоны-иностранцы XVIII века значительно меньше проявили себя в общественной деятельности в отличие от их «братьев» более позднего времени. Тем не менее можно отметить, что среди них — основатели и члены Вольного экономического общества (пять человек), члены Дружеского ученого общества (три человека). Достаточно активно (в соответствии с возможностями русской интеллектуальной деятельности XVIII столетия) они проявили себя как литераторы, публицисты, переводчики.

⁵ Гражданский чин 4-го класса по Табелю о рангах, дававший потомственное дворянство, соответствовал званию генерал-майора.

Само русское масонство XVIII века развивалось в значительной мере под иностранным влиянием. Становление «королевского искусства» в России связано с именем английского капитана Джона Филиппса, назначенного Великой ложей Англии в 1731 году провинциальным гроттмейстером для России [1: с. 32; 4: с. 834]. Продолжателем его дела на этой должности с 1741 года стал Джеймс Кейт, принятый на русскую службу в конце 20-х годов XVIII века в чине генерал-майора [1: с. 32–33; 4: с. 386].

В 1750-х годах благодаря швейцарцу Т.Г. Чуди в Россию проникает Шотландская система масонства, характеризующаяся наличием высших степеней, иногда называемая «рыцарской». В 1760-х годах в России процветала масонская система Мелиссино — грека, генерала артиллерии, младшего брата куратора Московского университета [2: с. 37]. В начале 70-х годов XVIII века бывший придворный герцога Брауншвейгского барон Рейхель, перешедший на русскую службу, создал свою систему, ориентирующуюся не на блеск высших градусов, а на строгую моральную дисциплину, характерную для первоначального английского масонства [1: с. 65; 2: с. 40]. Немец И.Г. Шварц сыграл большую роль в новиковском московском розенкрейцестве.

О влиянии масонов-иностранцев на российскую действительность второй половины XVIII века говорит крупнейший русскоязычный биографический ресурс — Русский биографический словарь. В него попало 44 человека, или более 12 % изучаемой группы. Кроме уже упоминавшихся фамилий, в словаре помещены биографии масонов-немцев: профессоров И.Я. Бебера, И. Гейма, Я. Шнейдера, докторов медицины, ученых; англичан: военачальников, основателя фарфорового завода в Вербилках Гарднера, архитектора Камерона; итальянских музыкантов и архитекторов; шведского профессора Эверса и др.

«Королевское искусство» являлось важнейшим элементом общественной жизни. Масонство благодаря иностранному влиянию приобретало более демократический характер. Масонские ложи в России были первыми неправительственными организациями, именно от них ведется отсчет начала формирования гражданского общества в стране. Таким образом, иностранцы-участники российских масонских лож способствовали социальной модернизации России, вводили масонские технологии организации общественной жизни и масонские этические практики.

Значителен вклад иностранцев-масонов в культурную модернизацию России. Они проявили себя на службе Российскому государству как военачальники, крупные менеджеры, ученые, преподаватели, художники, архитекторы.

Литература

1. *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1999. 569 с.

2. *Карпачев С.* Мasons и масонство России XVIII–XXI вв. Особенности российского «королевского искусства». Saarbrücken, 2013. 323 с.

3. *Ковалевский М.М.* Массонство во времена Екaтeринь // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 95–115.
4. *Серков А.И.* Энциклопедический словарь «Русское массонство. 1731–2000». М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.

References

1. *Vernadskij G.V.* Russkoe massonstvo v czarstvovanie Ekateriny' II. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 1999. 569 s.
2. *Karpachev S.* Masony' i massonstvo Rossii XVIII–XXI vv. Osobennosti rossijskogo «korolevskogo iskusstva». Saarbrücken, 2013. 323 s.
3. *Kovalevskij M.M.* Massonstvo vo vremena Ekateriny' // Vestnik Evropy'. 1915. № 9. S. 95–115.
4. *Serkov A.I.* E'nciklopedicheskij slovar' «Russkoe massonstvo. 1731–2000». M.: ROSSPE'N, 2001. 1224 s.

S.P. Karpachyov

Foreigners in Russian Freemasonry: 2nd Half of the XVIII Century

The article considers the participation of foreigners in Russian Freemasonry in the second half of the XVIII century, their role in social and cultural modernization of Russia.

Keywords: Freemasonry; foreigners; modernization concept.

И.Н. Лобачева

Социодемографические характеристики тульского купечества в период конца 50–80-х годов XIX века

В статье на основе анализа ежегодных списков купцов Тульской губернии прослежена динамика численности купечества региона, исследованы изменения поколенной структуры, семейной организации и средней людности купеческой семьи в период 1858–1888 годов. Колебания численности купечества региона, замедление его обновления и упрощение форм семейной организации рассматриваются в связи с изменением законодательства Российской империи и местными социально-экономическими процессами.

Ключевые слова: купеческая семья; Тульская губерния; поколенный состав; социо-демографические процессы.

Сохранение в Российской империи сословной системы рассматривается историками как одна из особенностей развития страны в эпоху «великих реформ» и пореформенный период. В настоящее время растет интерес ученых к изучению социодемографических процессов в рамках российских сословий на региональном уровне. Особое внимание привлекает к себе купечество, как особая группа в рамках городского сословия. Купечество обладало экономическими (СЗРИ, т. XI, ч. II, Устав Торговый, 1857: с. 15–17) и социальными привилегиями (СЗРИ, т. XI, ч. II, Устав Торговый, 1857: с. 13–15), хотя представители сословия не имели возможности передавать свой статус по наследству. Условием сохранения членства в купечестве была ежегодная уплата пошлины в виде процента от установленного законом капитала для купцов первой, второй и третьей гильдий (СЗРИ, т. V, ч. II, Устав о пошлинах, 1857: с. 259).

В данной статье наряду с анализом динамики общей численности гильдейского купечества в Тульской губернии рассмотрены изменения его семейной структуры. Интерес представляют как выявление общих тенденций изменения семейного состава купечества, так и факторы, сыгравшие определяющую роль в этих процессах.

Статья основана на архивных материалах ГАТО (Государственный архив Тульской области): фондов 118 (Тульская казенная палата), 174 (Тульская городская управа) и 518 (Тульская городская дума), впервые вводящихся в научный оборот. В этих фондах хранятся ежегодные списки купцов и их семейств, учет которых вели органы местного самоуправления в фискальных целях. В списках перечислялись все члены семей купцов, включенные в гильдейские свидетельства, приводились сведения об их возрасте и характере родственных связей

с главой капитала. В конце таких списков порой приводились и сведения о количестве так называемых «гостей» или временных купцов — людей, которые, вступая в купечество по коммерческим соображениям, не вносили в купеческое свидетельство свою семью, остававшуюся в прежнем сословии. Гостями могли быть как купцы других городов, так и представители дворянства, мещанства, крестьянства, а также иностранные подданные. Ввиду отсутствия информации о составе семьи и фактического сохранения членства в другом сословии гости не стали объектом рассмотрения в данной статье.

Хронологические рамки работы охватывают период с конца 50-х до конца 80-х годов XIX столетия. Именно в эти десятилетия купечество утрачивало одно за другим свои социальные преимущества (свободу от телесных наказаний, уплаты подушной подати, рекрутской повинности), сохраняя при этом (вплоть до 1898 года¹) широкие привилегии в экономической деятельности. Рост и уровень налогообложения купечества (Продолжение СЗРИ, изданного в 1857 г. по 31 мая 1863 г., ч. II, статьи к части V, 1863: с. 85–87)².

Общее количество купцов³ в 1858 году составляло 1318 человек по всем уездам Тульской губернии. К 1888 году их численность сократилась до 752 человек, т. е. на 43 % (см. табл. 1).

В период 1858–1868 годов численность купечества в разных уездах губернии изменялась разнонаправленно. При среднем незначительном росте на 3,7 % два уезда — Чернь и Новосиль отличает резкое возрастание (на 47 % и 136 % соответственно), а еще два — Венев и Каширу — достаточно существенное сокращение количества купцов (на 36,5 % и 43,3 % соответственно). Как отмечалось, именно Чернь и Новосиль были отнесены к пятому классу местности, что делало здесь купеческие свидетельства и билеты на лавки более дешевыми, чем во всех остальных уездах губернии. На увеличение купечества этих уездов, вероятно, повлияло и строительство железных дорог в регионе. В 1866 году было завершено строительство Московско-Курской железной дороги, прошедшей через Чернь. А через Новосильский уезд пролегал участок пути строившейся в те же годы железной дороги Орел – Елец, завершенной к 1868 году. Новые магистрали изменили сложившуюся в регионе систему торговли сельскохозяйственной продукцией, которой занималось большинство уездных купцов. Власти Венева жаловались в 1878 году, что после прокладки Московско-Курской железной дороги хлебная торговля в уезде «угасла» (ГКУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 262. С. 240). В стороне от железных дорог оказалась и Кашира⁴.

¹ В этом году был введен Государственный промысловый налог, отменявший обязательность членства в купеческих гильдиях для владельцев крупных промыслов и торговых предприятий.

² По Положению о пошлинах на право торговли и промыслов 1863 г. размер уплачиваемой купцом пошлины зависел от класса местности, в которой он вел свои дела. Всего классов было пять: губернский город Тула относился ко II классу, а все уезды губернии кроме Новосиль и Черни — к IV. Новосиль и Чернь были отнесены к V классу. Купеческие свидетельства в зависимости от класса стоили соответственно 55, 35 и 25 руб.

³ Учитывались именно купцы, вступившие в гильдию, т. е. без «временных купцов».

⁴ В 1862 г. была построена Московско-Рязанская железная дорога.

Таблица 1

**Численность купцов — глав капиталов в Тульской губернии
в 1858–1888 годах⁵**

Город с уездом	1858	1868		1878		1888	
	Кол-во, чел.	Кол-во, чел.	Изменения в %	Кол-во, чел.	Изменения в %	Кол-во, чел.	Изменения в %
Тула	247	278	12,6	314	12,9	233	-25,8
Алексин	61	44	-27,9	22	-50	11	-50
Белев	168	133	-20,8	57	-57,1	60	5,3
Богородицк	103	95	-7,8	59	-37,9	59	0,0
Венев	96	61	-36,5	30	-50,8	32	6,7
Епифань	68	77	13,2	36	-53,2	39	8,3
Ефремов	172	152	-11,6	101	-33,6	93	-7,9
Кашира	90	51	-43,3	28	-45,1	26	-7,1
Крапивна	95	99	4,2	64	-35,4	62	-3,1
Новосиль	47	111	136,2	73	-34,2	60	-17,8
Одоев	110	87	-20,9	43	-50,6	32	-25,6
Чернь	61	90	47,5	52	-42,2	45	-13,5
СРЕДН.:	—	—	3,7	—	-39,8	—	-10,9
ВСЕГО:	1318	1278	—	879	—	752	—

Автор известной монографии по социальной истории Российской империи Б.Н. Миронов говорит о падении привлекательности купеческого звания в глазах сельских и городских жителей в пореформенный период [5: с.116]. Действительно, в 1878 году, когда принадлежность к купеческому сословию уже не позволяла избежать службы в армии, сокращение численности глав капиталов происходит во всех уездах губернии (кроме самой Тулы). Причем несмотря на экономический подъем 1870-х годов, снижение численности купечества оказалось достаточно серьезным — в среднем на 39,8 %. Т. е. социальные привилегии оказались более значимыми, чем экономические преимущества. К концу 1880-х годов число купеческих семейств в губернии еще сократилось, но уже менее значительно — на 10,9 %. Можно отметить несколько уездов, где сокращение числа купцов было более существенным. Так, обращает на себя внимание Алексин, в котором количество купцов снизилось на половину — с 22 до 11 человек. При этом на 1888 год

⁵ Составлено по материалам ГАТО: Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922; Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17355. Д. 16805. Д. 18414. Д. 18417. Д. 18418. Д. 18419. Д. 18420. Д. 18591. Д. 18593. Д. 18596. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20357. Д. 20350. Д. 20352. Д. 20353. Д. 20355. Д. 20356. Д. 20358. Д. 20359. Д. 20652. Д. 20658. Ф. 518. Оп. 1. Т. 6. Д. 14162. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055. Ф. 174. Оп. 1. Т. 5. Д. 11162.

по городу числились 40 «гостей», составлявших 78 % от всех торговцев уезда. Для сравнения — в Новосиле, также переживавшем заметное сокращение гильдейцев, «гости» — 31 человек — составляли только 30,7 % местного купечества. Можно предположить, что в некоторых регионах по тем или иным причинам переход в купечество для представителей других сословий — крестьянства, мещанства — был затруднен или не представлял интереса. Например, препятствием для вступления в купечество торговцев из крестьян могли служить сохранявшиеся обязательства по прежнему сословию — выкупные платежи и прочие повинности (Продолжение СЗРИ, изданного в 1857 г. По 31 мая 1863 г., ч. II, статьи к части V, 1863: с. 83).

Купечество города Тулы также переживало в 1880-е годы заметное сокращение своего состава (на 25 %). Возможно, причиной, ускорившей этот процесс, послужило банкротство тульского банка купцов Сушкиных в 1884 году, с которым отчасти было связано снижение количества глав капитала в 1884–1885 годах сразу на 46 семей (для сравнения: в 1882–1883 гг. тульское купечество сократилось на 11 семей, а в 1886–1887 гг. — на 14). Губернские власти сетовали в 1890 году, что в 1880-е годы развитие торговли подстегивало существование почти во всех городах-уездах общественных банков, «дававших чересчур легкий кредит, что и привело к падению большей их части» [7: с. 200]. Подобные происшествия, являющиеся отражением динамичной экономики пореформенной России, могли приводить к скачкам численности купечества того или иного региона в большую или меньшую сторону, не меняя, впрочем, общей тенденции к его сокращению.

Пофамильное сравнение списков купеческих семейств за 1858, 1868, 1878 и 1888 годы позволяет установить степень обновления состава купечества Тульской губернии (см. табл. 2).

После значительного обновления в 1858–1868 годах в среднем на 44,1 % степень изменения состава купечества снижалась от десятилетия к десятилетию. Это позволяет подтвердить слова исследователя сибирского купечества Ю.М. Гончарова, констатировавшего, что к концу пореформенного периода в гильдиях сохраняли членство преимущественно люди, ориентированные на сословные ценности, большинство из которых были потомственными купцами [2: с. 102]. К таким же выводам пришел исследователь московского купечества А.Н. Боханов [1: с. 107]. В целом за тридцатилетие купечество губернии обновилось на 58,9 %. При более пристальном изучении купеческих семейств эта цифра может быть снижена, так как многие купцы просто переходили из купечества одного уезда в купечество другого и лишь формально могут быть отнесены к группе вновь вступивших в купечество региона.

Интерес представляют и данные о составе и структуре купеческих семей региона. Среднее число членов купеческих семей за 1858–1888 годы сокращается с 10,5 до 6 человек (см. табл. 3)⁶.

⁶ Для удобства восприятия в таблицах 3–5 приведены средние показатели по Тульской губернии за каждый рассматриваемый год.

Таблица 2

**Процент обновления купечества Тульской губернии
в 1858–1888 годы⁷**

Город с уездом	Обновление 1858–1868 г. (%)	Обновление 1868–1878 г. (%)	Обновление 1878–1888 г. (%)	Обновление с 1858 по 1888 г. (%)
Тула	44,2	41,4	94,4	97,0
Алексин	25,0	9,1	27,3	45,5
Белев	34,6	8,8	36,7	40,0
Богородицк	51,6	32,2	30,5	50,8
Венев	27,9	33,3	34,4	59,4
Епифань	41,6	19,4	23,1	46,2
Ефремов	44,7	25,7	33,3	55,9
Кашира	31,4	21,4	38,5	46,2
Крапивна	44,4	28,1	29,0	58,1
Новосиль	62,2	34,2	20,0	63,3
Одоев	37,9	16,3	15,6	37,5
Чернь	65,6	34,6	35,6	75,6
СРЕДН.:	42,6	25,4	34,9	56,3

Таблица 3

**Средняя людность и распределение купечества Тульской губернии
по количеству членов семей в 1858–1888 годах⁷**

Год	Средняя людность (чел.)	Семьи до 5 чел. (%)	Семьи до 10 чел. (%)	Семьи до 10 чел. (%)
1858	10,5	22,3	38,8	38,9
1868	8,6	30,6	42	27,5
1878	7,0	42,8	40,7	16,5
1888	6,2	49,6	37,1	13,3

Возрастает доля семей, насчитывающих не более пяти членов, — к 1888 году такие семьи составляют большинство во всех уездах губернии, в то время как на начало периода наибольший процент составляли семьи до 10 человек.

⁷ Составлено по материалам ГАТО: Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17355. Д. 16805. Д. 18414. Д. 18417. Д. 18418. Д. 18419. Д. 18420. Д. 18591. Д. 18593. Д. 18596. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20357. Д. 20350. Д. 20352. Д. 20353. Д. 20355. Д. 20356. Д. 20358. Д. 20359. Д. 20652. Д. 20658. Ф. 518. Оп. 1. Т. 6. Д. 14162. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055. Ф. 174. Оп. 1. Т. 5. Д. 11162.

Анализ поколенной структуры (см. табл. 4) показывает, что четырехпоколенные семьи практически не встречаются в тульском купечестве к концу 1880-х, а доля семей в три поколения сокращается. Процент двухпоколенных и однопоколенных семей, напротив, постепенно возрастает, при этом двухпоколенная семья становится преобладающей во всем купечестве губернии.

Таблица 4

Поколенный состав купеческих семей Тульской губернии в 1858–1888 годах⁸

Год	Однопоколенные семьи (%)	Двухпоколенные семьи (%)	Трехпоколенные семьи (%)	Четырехпоколенные семьи (%)
1858	6,4	46,1	44,7	2,8
1868	10,3	51,2	37,3	1,3
1878	15,3	56,4	27,9	0,3
1888	22,1	59,9	26,7	0,3

Стоит отметить, что процент однопоколенных семей в тульском купечестве хотя и растет, но все же уступает доле многопоколенных семейств. Купеческая семья, как своеобразная форма предпринимательства, естественным образом была нацелена на обеспечение продолжения дела следующими поколениями, а потому неженатые бездетные купцы были редким явлением.

Классификация купеческих семей Тулы по основным типам⁹ и изучение динамики долей каждого типа позволяют подтвердить ранее сделанные выводы и дают дополнительный материал для анализа (см. табл. 5).

⁸ Составлено по материалам ГАТО: Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17355. Д. 16805. Д. 18414. Д. 18417. Д. 18418. Д. 18419. Д. 18420. Д. 18591. Д. 18593. Д. 18596. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20357. Д. 20350. Д. 20352. Д. 20353. Д. 20355. Д. 20356. Д. 20358. Д. 20359. Д. 20652. Д. 20658. Ф. 518. Оп. 1. Т. 6. Д. 14162. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055. Ф. 174. Оп. 1. Т. 5. Д. 11162.

⁹ Классификация была проведена на основе типологий, предложенных О.В. Фоминой [8: с. 73] и В.А. Зверевым [3: с. 39–40] с учетом наиболее характерных для тульского купечества семейных типов. К 1 типу отнесена малая, или нуклеарная семья: один или двое родителей с детьми или бездетная супружеская пара. 2 тип представляют совместно проживающие братья и сестры, не вступившие в брак. К семьям 3 типа отнесены одинокие представители купечества, которые могут представлять собой как конечный, так и начальный этап формирования семейной ячейки. Эти три типа семейной организации могут быть охарактеризованы как «простые». 4 тип — расширенная семья. К этому типу были отнесены семьи, в которых вместе с брачной парой или одним родителем проживает сын, вступивший в брак. Также к данному типу были отнесены семьи, в которых совместно с брачной парой проживают братья или сестры, не вступившие в брак, или бездетные вдовы невестки. 5 тип — составная отцовская семья. Это семья, в которой в брак вступили двое и более сыновей, проживающих вместе с родителями или родителем. Для простоты анализа к данному типу были отнесены и так называемые линейные семьи — семьи, в которых существуют три брачные пары вертикального родства, т. е. женатые сыновья и как минимум один из внуков. Сюда же было решено отнести семьи, в которых проживают наряду с основной брачной парой и дальние родственники бокового родства — племянники, двоюродные братья. 6 тип — это сложная братская семья: вместе проживают двое и более братьев, вступивших в брак. Последние три типа семейной организации можно обозначить как «сложные».

Таблица 5

Типы семей в купечестве Тульской губернии в 1858–1888 годах¹⁰

Год	Нуклеарная семья (%)	Братья и сестры, не вступившие в брак (%)	Одиночки (%)	Расширенная семья (%)	Составная отцовская семья (%)	Сложная братская семья (%)
1858	31,6	0,8	2,5	22,4	30,2	12,5
1868	38,5	1,9	3,7	24,5	23,6	7,8
1878	50,9	2	4,7	22	13,8	6,4
1888	54	2,9	6,9	21	12,7	2,5

В начале изучаемого периода малая семья преобладала в тульском купечестве, но удельный вес составной отцовской семьи был немногим меньше (31,6 % и 30,2 % соответственно). При этом совокупная доля семей, которые могут быть отнесены к «простым», заметно уступала проценту всех сложных типов семей в тульском купечестве (34,9 % против 65,1 %). Купечество этого времени, еще заинтересованное в социальных льготах, связанных со своим статусом, стремилось причислить к своему семейству как можно более широкий круг родственников. Этому способствовало и определенное попустительство со стороны местных властей. Законодательство в дореформенный период жестко регламентировало, какие типы родственных связей позволяют включить человека в купеческое свидетельство, а какие такого права не дают (СЗРИ, т. XI, ч. II, Устав Торговый, 1857: с. 9–10). Тем не менее в нарушение закона в купеческих семьях в 1858 году по ряду уездов (Белев, Венев, Епифань, Ефремов, Кашира) значатся двоюродные братья, двоюродные племянники, шурины. Также с большой долей вероятности можно предположить, что семьи, по некоторым уездам насчитывавшие по 30, 40 и более человек, вряд ли вели совместное хозяйство и проживали в одном доме. Для законодателя, однако, значение имела прежде всего предпринимательская деятельность купеческой семьи. Раздельное проживание с родственниками, состоящими в одном капитале, допускалось при условии ведения общего дела. После принятия Положения 1863 года, еще больше сузившего круг родственников, которых разрешено причислять к купеческому капиталу (Продолжение СЗРИ, изданного в 1857 году. По 31 мая 1863 г., ч. II, статьи к части V, 1863: с. 82)¹¹, контроль местных властей за составом купеческих семейств усилился.

¹⁰ Составлено по материалам ГАТО: Ф. 118. Оп. 1. Т. 7. Д. 11922. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17355. Д. 16805. Д. 18414. Д. 18417. Д. 18418. Д. 18419. Д. 18420. Д. 18591. Д. 18593. Д. 18596. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20357. Д. 20350. Д. 20352. Д. 20353. Д. 20355. Д. 20356. Д. 20358. Д. 20359. Д. 20652. Д. 20658. Ф. 518. Оп. 1. Т. 6. Д. 14162. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 4055. Ф. 174. Оп. 1. Т. 5. Д. 11162.

¹¹ Ограничивалось право числить при капитале братьев и племянников купца — они должны были исключаться из капитала по достижении совершеннолетия. Данное правило не распространялось на тех братьев, которые уже состояли в одном капитале на момент издания нового Положения или учреждали совместную фирму.

Видимо, это и вынудило отдельные купеческие семьи произвести разделы или исключить дальних родственников в мещанство [4: с. 142]. К концу 1860-х годов процент сложных отцовских семей существенно сокращается (с 30,2 % до 23,6 %), а в семейных списках купцов уже куда меньше отступлений от закона. Заметно падает процент сложных братских семей, возможности создания которых в купечестве ограничило новое Положение о пошлинах. Доля простых семей, напротив, увеличивается, однако их совокупный процент еще уступает доле сложных семей в купечестве (44,1 % против 55,9 %).

На протяжении 1870-х и 1880-х годов указанная тенденция развития тульской купеческой семьи сохраняется: растет доля простых форм семейной организации и падает процент сложных. В 1888 году совокупный процент простых семей уже заметно больше такового сложных (63,7 % против 36,3 %). Законодательные ограничения и потеря значительной части преимуществ купеческого статуса привели к тому, что купечество уже не было заинтересовано в искусственном расширении состава своих семейств. Таким образом, данные конца 1870-х – конца 1880-х годов, видимо, представляют более достоверную информацию о реальном составе и преобладающих типах купеческих семей региона. На фоне заметного роста доли нуклеарной семьи в купечестве стоит отметить достаточную устойчивость расширенной семьи — ее процент меняется к концу периода незначительно (сокращение на 1,2 %) и все еще остается достаточно существенным. Тот из сыновей, в котором родители видели своего преемника, в большинстве случаев оставался жить с ними, даже вступив в брак и заведя собственных детей. После заметного падения в конце 1870-х годов (почти на 10 % с 23,6 % до 13,8 %) замедлилось сокращение и доли сложных отцовских семей. К концу 1880-х годов она также снизилась чуть больше чем на 1 %. Стремление следовать патриархальным семейным традициям, свойственное части потомственного купечества, могло подкрепляться и деловой целесообразностью. По Положению о пошлинах на право торговли 1863 года найм приказчиков, не принадлежащих к купеческой семье, вписанной в свидетельство, требовал получения отдельного платного свидетельства (Продолжение СЗРИ, изданного в 1857 г. По 31 мая 1863 г., ч. II, статьи к части V, 1863: с. 79.), т. е. сохранение при капитале взрослых сыновей и внуков, используемых в качестве приказчиков, позволяло сэкономить. На это обстоятельство справедливо указал К.М. Митрин, изучая купеческую семью Самары [6: с. 51].

Доли семей, состоящих из холостых братьев и незамужних сестер, а также одиноких купцов, увеличиваются в тульском купечестве достаточно медленно, будучи неустойчивыми формами семейной организации и не отвечая потребностям семейной формы ведения бизнеса.

Таким образом, в течение трех десятилетий второй половины XIX века купечество Тульского региона сокращалось количественно и шло по пути постепенного отказа от сложных форм семейной организации. Одним из определяющих факторов этих тенденций было изменение законодательства Российской

империи, в целом направленное на уменьшение сословных льгот и увеличение налогообложения. Динамика численности купечества имела свои особенности в отдельных уездах Тульской губернии, что позволяет утверждать, что она была подвержена воздействию и экономических факторов. Специфика социодемографических процессов, протекавших в среде купечества, может быть отражением как устойчивости сложившихся психологических установок этой социальной группы, так и простой коммерческой целесообразности. Дальнейшие исследования демографических аспектов развития купечества помогут установить степень влияния каждого из выделенных факторов на поведение купечества, дополняя и уточняя наши представления об особенностях эволюции общественного сознания в период ускоренной модернизации.

Литература

1. *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М.: Наука, 1992. 262 с.
2. *Гончаров Ю.М.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. 244 с.
3. *Зверев В.А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск: НГПИ, 1991. 146 с.
4. *Лобачева И.Н.* Купеческая семья Тулы и тульского уезда в 1860–1870-е годы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 3. Тула: ТулГУ, 2012. С. 141–150.
5. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.
6. *Митрин К.М.* Купеческая семья города Самары в конце XIX – начале XX в. (демографический аспект) // Известия Самарской научного центра Российской академии наук. Отечественная история. Т. 15. № 1. Самара, 2013. С. 49–52.
7. Памятная книжка Тульской губернии на 1890 г. Тула: Типография Губернского правления, 1890. 296 с.
8. *Фомина О.В.* Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 187 с.

References

1. *Bokhanov A.N.* Krupnaya burzhuaziya Rossii (konecz XIX v. – 1914 g.). M.: Nauka, 1992. 262 s.
2. *Goncharov Yu.M.* Kupecheskaya sem'ya vtoroj poloviny' XIX – nachala XX v. (po materialam komp'yuternoj bazy' danny'x kupecheskix semej Zapadnoj Sibiri). M.: Institut e'tnologii i antropologii RAN, 1999. 244 s.
3. *Zverev V.A.* Semejnoe krest'yanskoe domoxozyajstvo v Sibiri e'poxi kapitalizma (istoriko-demograficheskij analiz). Novosibirsk: NGPI, 1991. 146 s.
4. *Lobacheva I.N.* Kupecheskaya sem'ya Tuly' i tul'skogo uezda v 1860–1870-e gody' // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki. Vy'p. 3. Tula: TulGU, 2012. S. 141–150.
5. *Mironov B.N.* Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). T. 1. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2000. 548 s.

6. *Mitrin K.M.* Kupecheskaya sem'ya goroda Samary' v konce XIX – nachale XX v. (demograficheskij aspekt) // *Izvestiya Samarskoj nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Otechestvennaya istoriya.* T. 15. № 1. Samara. 2013. S. 49–52.

7. *Pamyatnaya knizhka Tul'skoj gubernii na 1890 g.* Tula: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1890. 296 s.

8. *Fomina O.V.* Imushhestvenno-demograficheskaya xarakteristika moskovskoj kupecheskoj sem'i poslednej treti XVIII veka: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003. 187 s.

I.N. Lobacheva

Social-Demographic Characteristics of Tula Merchants in the Period from the End of the 50th to the 80th of the XIX Century

In the article the author, based on the analysis of annual lists of merchants of Tula province, investigates the dynamics of the quantity of the merchants of the region. She researched into the changes in the generation structure, the organization of the family and the average number of members of a merchant's family in the period from 1858 to 1888. Variations of the quantity of the merchants of the region, slowing down its renovation and simplification of forms of a family organization are considered in connection with changes in the Law of the Russian Empire and local social and economic processes.

Keywords: merchant family; Tula province; generation structure; social and demographic processes.

А.И. Юрьев

Органы власти Временного правительства и Советы рабочих и солдатских депутатов после Февральской революции 1917 года

В статье на основе различных архивных документов и материалов рассматривается вопрос о формировании органов власти Временного правительства и возникших фактически одновременно с ними Советов рабочих и солдатских депутатов после Февральской революции 1917 года, а также анализируется влияние на них различных политических партий.

Ключевые слова: Комитет общественных организаций; Совет рабочих и солдатских депутатов; эсеры; большевики; меньшевики.

Уже 27 февраля 1917 года, когда Петроград оказался полностью в руках восставших, депутаты Государственной Думы образовали «Временный комитет Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями». Его возглавил октябрист и председатель IV Государственной Думы Родзянко.

Фактически одновременно с ним социалистические партии создали «Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов», во главе которого встал меньшевик Чхеидзе. В него вошли затем и солдатские депутаты, занявшие там около двух третей мест. Подавляющее большинство Совета рабочих и солдатских депутатов составляли эсеры и меньшевики. Большевиков в Совете было мало, так как они значительного влияния на рабочих и солдат в тот период не имели.

В результате переговоров этих двух органов 2 марта было образовано Временное правительство во главе с известным земским деятелем князем Львовым. В это правительство вошли главным образом представители Прогрессивного блока IV Государственной Думы, в основном кадеты и октябристы.

Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов принял решение в правительство не входить, обеспечив себе этим возможность критиковать, но не разделять ответственность за его действия.

Существование Временного правительства и Совета, как двух органов власти при полной неясности разграничения их функций, неизбежно вело к противостоянию. При этом съезд Советов, как высший орган власти, собирался до Октябрьской революции всего один раз. Двоевластие в столице привело к созданию двух ветвей власти и на местах, породив конфронтацию между ними практически с первых же дней. Отсутствие разграничений в обязанностях этих органов и органов местного самоуправления также приводило к конфликтам и противостоянию. Таким образом, с первых дней Февральской революции в стране сложилось двоевластие, которое неизбежно вело к столкновению.

Аналогичная ситуация складывалась и на местах. В Москве наряду с Советом рабочих депутатов тоже был образован второй орган власти — Комитет общественных организаций. Но, в отличие от Петрограда, где Временное правительство было фактически однородным (за исключением трудовика Керенского, вскоре ставшего эсером), в него вошли вместе с представителями либеральных партий и эсеры, и меньшевики, и выдвиженцы Совета рабочих депутатов. Представители Совета вошли также в состав местного органа власти — Революционного комитета общественной безопасности — в Иваново-Вознесенске [3: с. 85–86].

3 марта Временный исполнительный комитет был образован в Рязани. В его состав вошли делегаты от городской думы, общественных организаций, солдат гарнизона, Совета рабочих депутатов и другие. В этот же день прошло совещание представителей от рабочих организаций, на котором был избран Совет рабочих депутатов. В него вошло 18 человек, шестеро из них были избраны во Временный исполнительный комитет (Рязанская жизнь (Газета внепартийная). Рязань, 1917. 4 марта).

В Туле также 3 марта возник исполнительный комитет общественных организаций. Он состоял из представителей городской и земской управ, союза потребительских обществ, всероссийского союза городов, всероссийского земского союза, союза кредитных и ссудно-сберегательных касс, военно-промышленного комитета, оружейного и патронного заводов, союза металлистов. Всего в исполком вошло 58 человек. Несколько позже его состав дополнили представители Совета рабочих и солдатских депутатов, а также Совета крестьянских депутатов. На первом заседании исполкома для руководящей и исполнительной работы был выделен президиум в составе семи человек. Исполком создал ряд комиссий для текущей деятельности: квартирную, следственную, культурно-просветительную и другие (Революционное былое. Орган Тульского Истпарта. 1923. № 1. С. 54–55). Исполнительные комитеты общественных организаций также были созданы в Богородицке, Белеве и других уездных городах Тульской губернии (Тульская молва. Тула, 1917. 10 марта).

В этот же день, 3 марта, прошли выборы в Совет рабочих депутатов и его первое заседание. Количественный состав Совета доходил до 200 человек. Вскоре в него вошли и представители от солдат. Совет избрал президиум

из трех человек, выделил для решения текущих вопросов исполком. В исполкоме было по пять человек от рабочей и солдатской части Совета, по два человека от партии эсеров и социал-демократов, представленных в Совете, весь его президиум и по одному человеку от комиссий Совета. Всего комиссий было образовано шесть: труда, муниципальная, культурно-просветительная, продовольственная, по борьбе с дезертирством и хозяйственная. Кроме того, в процессе работы создавались и временные комиссии для разрешения технических вопросов. Советы также стали создаваться в уездах губернии [2: с. 20–22].

В начале марта комитеты общественной безопасности были организованы в городе Мышкине Ярославской губернии, в селе Писково Смоленской губернии, временный комитет избрали в городе Данкове Рязанской губернии и других уездных центрах (Земля и Воля (Крестьянская газета партии социалистов-революционеров). Москва, 1917. 14 апреля). Одновременно в уездных городах стали возникать и Советы рабочих и солдатских депутатов.

В Костроме в губернский объединенный комитет общественной безопасности вошло по 8 представителей от Совета рабочих, Совета крестьянских депутатов, от костромского городского управления и губернского земства, 11 человек от Совета военных депутатов. Всего 35 человек (Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 3. Л. 123). Он, как и в большинстве других губерний, возник 3 марта 1917 года (Известия Костромского губернского объединенного комитета общественной безопасности. Кострома, 1917. 5 марта).

Несколько ранее, 1 марта, состоялось экстренное совещание губернской земской управы, городской думы, кооперативов, интеллигенции, рабочих железной дороги и Большой мануфактуры в Ярославле, где было вынесено решение о создании «демократического органа власти» — губернского комитета общественного порядка (Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-1527. Д. 19. Л. 1). В этот же день прошло и организационное собрание Совета рабочих депутатов (ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). 4 марта он принял решение довести до сведения комитета общественной безопасности (так стал именоваться комитет общественного порядка), чтобы он «немедленно приступил к ликвидации старой власти во всей губернии» (ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). Представители Совета также вошли в состав исполкома комитета общественной безопасности. На своем заседании 11 марта Совет, заслушав доклад рабочей группы исполкома, постановил «совместно выработать программу работ и выступлений рабочей группы С.Р.Д. в Исполнительном комитете» (ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). В начале апреля в состав исполкома Совета рабочих депутатов с правом решающего голоса входили по два члена Совета из состава гласных городской думы и губернского исполкома общественной безопасности и по одному члену Совета от группы Ярославского уездного исполкома Совета, газеты «Труд и борьба», а также, по усмотрению Совета, представители от всех соответствующих партий, входящих в его состав (ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 1. Л. 9).

Новые органы власти были созданы также в других городах и губерниях России.

При этом следует подчеркнуть, что, судя по имеющимся источникам, в первое время политическая принадлежность членов Советов не играла особой роли, и деятельность этих органов не носила характера острой политической борьбы.

Необходимо отметить также, что о поддержке Временного правительства в тот период заявляли практически все Советы. Например, на своем заседании 23 марта Ярославский Совет рабочих депутатов, рассмотрев вопрос об отношении к правительству, высказался за его полную и всестороннюю поддержку, одобрив политическую платформу и заявив о необходимости «отстаивать эту платформу от всяких попыток ее изменить под давлением господствующих классов» (ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 2. Л. 10).

Подобная позиция была отражена и в решениях областной Московской конференции Советов, проходившей 25–26 марта. В резолюции отмечалось, что под давлением организующейся демократии Временное правительство идет по пути устранения старого строя, и, контролируя его деятельность, рабочий класс, революционная армия и трудовое крестьянство совместно закрепляют и углубляют завоевания революции (Центральный муниципальный архив г. Москвы (ЦМАМ). Ф. 1722. Оп. 1. Д. 7. Л. 1).

Февральская революция показала значительное влияние эсеров среди различных слоев населения. Это наглядно продемонстрировали выборы в Советы рабочих, солдатских депутатов. Так, например, в Советах Нижнего Новгорода, Рязани, Ярославля и других городов Центрального промышленного района эсеры вместе с меньшевиками имели значительное большинство (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 60. Оп. 1. Д. 49. Л. 3; Д. 53. Л. 15; Д. 55. Л. 19; Д. 63. Л. 4).

В Московский Совет рабочих депутатов было избрано 110 эсеров, 172 меньшевика, 205 большевиков. Вместе с сочувствующими им эсеры и меньшевики к лету 1917 года составляли более половины всех депутатов Совета, в то время как большевики — менее одной трети (Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 27. Д. 94 а. Л. 53–54). Уже в первые месяцы своего существования Совет, как отмечалось на одном из его заседаний, «в силу своего безграничного авторитета в глазах широких трудовых масс провинции оказался в роли старшего брата для С.Р.Д. в целом промышленной области, а быть может в известной мере и всей рабочей России» (ЦМАМ. Ф. 1722. Оп. 1. Д. 25. Л. 1).

В Тульском Совете рабочих и солдатских депутатов эсеры и меньшевики в марте 1917 года имели подавляющее количество мест. Из 350 депутатов Совета большевиков было только 13 человек [4: с. 115]. В мае, после перевыборов, Совет на 75 % состоял из социалистов-революционеров. При этом весь президиум Совета, за исключением одного секретаря, был эсеровским (Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1861. Оп. 1. Д. 9. Л. 62). В Калуге из 240 членов Совета большевиков было только 25 человек (Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. П-1034. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Подобная ситуация складывалась весной и летом 1917 года не только в губернских, но и в уездных городах. В Вязме Смоленской губернии, Романове-Борисоглебске Ярославской губернии, Торжке Тверской губернии и многих других эсеры вместе с меньшевиками имели значительный перевес в органах власти (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 56. Л. 60; Д. 63. Л. 36; Д. 58. Л. 12). И только в незначительном ряде случаев в этот период главную роль в Советах играли большевики. Так было, например, в Иваново-Вознесенске, где образовавшийся 2 марта Совет имел в своем составе из 112 членов 65 большевиков [3: с. 85]. В июне из 100 депутатов уже 90 были большевиками (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 12).

Однако в целом весной и летом 1917 года, особенно в первую его половину, Советы шли в основном за эсерами и меньшевиками. На заседании пленума Московского областного бюро РСДРП большевиков, проходившем 16–17 мая, в докладе об укреплении своего присутствия в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов большевики признавали преобладающее на тот момент влияние эсеров и меньшевиков (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 8).

На том же пленуме отмечалось, что Советы «силой обстоятельств» быстро расширили круг деятельности и сосредоточили в своих руках выполнение почти всех задач, стоящих перед рабочим движением. Выдвигалось предположение, что этим «нарушилось правильное разделение задач, осуществляемых различными классовыми организациями пролетариата, и замедлилась работа по установлению между ними правильной организационной связи». Поэтому ставилась задача усиления работы в Советах, создания в них большевистских объединений, связанных с местными партийными организациями большевиков «путем взаимного представительства», что, по мнению участников пленума, давало возможность «организованно и систематически проводить свое влияние на основную линию деятельности Советов» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 8).

Тот факт, что в Советах рабочих депутатов большевики находятся «в слабом меньшинстве» по сравнению с другими социалистическими партиями, в том числе и с социалистами-революционерами, признавал в начале апреля и Ленин. Видя в Советах единственно возможную форму революционного правительства, он ставил задачу завоевания советского большинства партией большевиков [1: с. 114–115].

Литература

1. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 31. М.: Политиздат, 1960. С.114–115.
2. Сорокин А. Из истории семнадцатого года в Туле. Тула: Издание Тульского Истпарта, 1925. 81 с.
3. Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. 333 с.
4. Установление Советской власти на местах в 1917–1918 гг. Вып.2. М.: Госполитиздат, 1959. 728 с.

References

1. *Lenin V.I.* O zadachax proletariata v dannoj revolyucii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: v 55 t. T. 31. M.: Politizdat, 1960. S.114–115.
2. *Sorokin A.* Iz istorii semnadczatogo goda v Tule. Tula: Izdanie Tul'skogo Istparta, 1925. 81 s.
3. *Spirin L.M.* Rossiya 1917 god: Iz istorii bor'by' politicheskix partij. M.: My'sl', 1987. 333 s.
4. Ustanovlenie Sovetskoj vlasti na mestax v 1917–1918 gg. Vy'p.2. M.: Gospolitizdat, 1959. 728 s.

A.I. Yuriev

**The Authorities of the Provisional Government
and the Soviets of Workers and Soldiers Deputies
after the February Revolution of 1917**

In the article the author, based on various archival documents and materials, considers the problem of formation of the bodies of power of the Provisional government and arising in fact at the same time the Soviets of workers and soldiers deputies after the February revolution of 1917. He also analyzes the influence of various political parties on them.

Keywords: the Committee of public organizations; the Soviet of workers and soldiers deputies; S.Rs; Bolsheviks; Mensheviks.

У.К. Мусаева

Плюсы и минусы «национальной музейной политики»: краеведческий музей в Евпатории (20–30-е годы XX века)

В статье проанализирована работа Евпаторийского археолого-этнографического музея в 20–30-е годы XX века. Спецификой этого периода стала политика коренизации, отразившаяся и на развитии музейного дела в Крыму. Особое внимание уделено деятельности известного краеведа П. Я. Чепуриной. Основу публикации составили малоизвестные документы из архивохранилищ Российской Федерации и Украины, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Евпаторийский археолого-этнографический музей; П.Я. Чепурина; Крым; крымские татары; музейное дело.

Развитие этнографических исследований в Крыму в 1920-е годы непосредственно связано с деятельностью выдающегося евпаторийского краеведа, директора Евпаторийского археолого-этнографического музея Полины Яковлевны Чепуриной (1880–1947). Ее имя было забыто вплоть до конца XX века. Впервые ее роль в развитии татароведческих штудий была отмечена проф. Д.П. Урсу [3: с. 22–23]. На основе выявленных нами в архивах Москвы, Симферополя и Санкт-Петербурга биографических документов удалось восстановить основные этапы жизни и творчества ученой. При этом особую ценность благодаря содержанию важной биографической информации имеет докладная записка П.Я. Чепуриной представителю Крымской АССР при ВЦИК, написанная в августе 1935 года, выявленная в научном архиве ГМВ (ГМВ. Оп. 2, сшивка 6. Д. 115. Л. 4–5).

П.Я. Чепурина родилась 8 октября 1880 года в Киеве в семье священника (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 10. Л. 12). После традиционного курса домашнего образования она окончила Евпаторийскую гимназию, а затем Одесское художественное училище. Образование было продолжено через несколько лет в Московском археологическом институте, где Полина Яковлевна получила специальность «археолог-художник» [4: с. 33]. Ее научным наставником в Институте была известный этнограф Вера Николаевна Харузина (1886–1931) [9: с. 227–229]. Значительным этапом в научном развитии П.Я. Чепуриной стала ее поездка в Европу в 1898 году (7 месяцев в Италии и 3 месяца в Германии), где она изучала народное искусство (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 10. Л. 38 об). В 1903–1910 годы

П.Я. Чепурина работала в Одессе — в фабричной воскресной школе (ГАРК. Ф. Р-138 Оп. 1. Д. 10. Л. 58–59) и одновременно — на Одесской художественно-промышленной выставке. А затем «по собственному почину занялась собиранием и изучением крымско-татарского орнамента». «К изучению крымско-татарского бытового искусства я подошла еще в 1910–1911 гг.», — вспоминала ученая (ГМВ. Оп. 2, сшивка 6. Д. 115. Л. 4). В 1910–1911 годы состоялась ее первая научная экспедиция по Крыму, где она собирала крымско-татарское орнаментное шитье. Маршрут экспедиции охватил Юго-Восточный Крым: Отузы, Козы, Токлук, Судак, Таракташ, Капсихор, Кутлак, Ай-Серез. Главной находкой стало творчество художницы-рисовальщицы орнамента и технического мастерства Айше Мамбетовой из деревни Отузы.

По приглашению Евпаторийского наробраза П. Я. Чепурина заняла должность заведующей в открытом в конце 1920 года музее. Заполняя анкету Комиссариата внутренних дел Крымской АССР для граждан, вступающих в РОПИК, П.Я. Чепурина так определила свои цели в работе Общества: «Научно-художественное изучение Крыма за период XII–XVIII века» (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 10. Л. 38 об.).

Начало научных исследований П.Я. Чепуриной в области изучения крымско-татарского и караимского народного искусства относится к началу 1910-х годов, когда ею были прочитаны первые научные доклады, посвященные этому вопросу. По результатам экспедиции 1910–1911 годов в Русском географическом обществе она сделала доклад «Культура и быт крымских татар». Позже, обучаясь у В.Н. Харузиной, на заседании этнографического кружка при Археологическом институте она прочла доклады: «Орнамент крымско-татарской вышивки», «Быт, искусство и архитектура крымских татар» (ГМВ. Оп. 2, сшивка 6. Д. 115. Л. 4). В 1923 году на географическом отделении Первого Московского государственного университета Полина Яковлевна выступила с сообщениями «Евпаторийская старина и орнамент крымских татар» (ПФАРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 747. Л. 103) и «Бытовое искусство крымских татар и памятники старины» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д. 115. Л. 1–2). По данным докладной записки П.Я. Чепуриной на имя заведующего Евпаторийским отделом народного образования от 20 октября 1924 года, ею были разработаны научно-популярные лекции: «Евпатория в прошлом: По материалам раскопок 1916–1917 годов», «Татарское орнаментарное искусство», «Караимское искусство как одно из слагаемых искусства Востока». Краевед предлагала сделать выступления платными, а средства перечислить в фонд Ассоциации любителей караимской старины и искусства (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 6. Л. 11). Одновременно этнограф не прекращала своей основной работы по копированию образцов бытового искусства народов Крыма, создавая беспрецедентную по объему и научному значению коллекцию этнографических рисунков (ГМВ. Оп. 2, сшивка 6. Д. 115. Л. 4 об.).

Первая из выявленных публикаций П.Я. Чепуриной появилась в издании РОПИК — журнале «Крым» в 1925 году: «Евпатория — ее живая археология» [7].

Статья носила информативный характер. В ней тезисно были изложены основные этапы истории развития города и дана характеристика наиболее значимым экскурсионным объектам. В статье дается характеристика евпаторийской Караимской библиотеки-музея, приютившейся «в низеньком старинном доме» вблизи кенасы и городского «музея краеведения». В это время в музее действовало пять отделов: 1) караимский, с предметами быта и религиозного культа; 2) татарско-ногайский, на материалах Евпаторийского уезда; 3) археологический, посвященный раскопкам Керкинитиды; 4) курортно-бальнеологический и 5) производственный, посвященный Сакским соляным промыслам и бромному заводу.

25 июня 1925 года П.Я. Чепурина выступила на заседании РОПИК с развернутым докладом «Этнография и историко-художественные материалы Крыма», основу которого составила характеристика новых поступлений этнографического отдела музея и местной коллекции этнографа рисунков предметов быта крымских татар и караимов [2]. В следующем году в журнале «Крым» П.Я. Чепурина поместила очерк «Евпаторийский музей» [6], где кратко остановилась на характеристике представленных в экспозиции предметов культуры караимов и крымских татар.

В плане научно-исследовательской работы Евпаторийского краеведческого музея на 1925–1926 годы заведующая наметила двухнедельную командировку в Москву и Ленинград для знакомства с постановкой научной обработки и охраны предметов этнографии: тканей, вышивок, кустарного производства. Намечалось провести систему каталогизации и классификации собрания предметов быта крымских татар и караимов. Отдельным пунктом были указаны разработки в области караимской библиографии. В заключении к плану научной работы П. Я. Чепурина отметила, что накопленный этнографический, художественный и фольклорный материалы вполне могли бы стать основой для фундаментальных научных исследований (ГИМ РФ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 999. Л. 1–4).

На Международной выставке декоративного искусства и современной художественной промышленности, состоявшейся в 1925 году в Париже, представленные П.Я. Чепуриной вышивки крымских татар были удостоены бронзовой медали. Этот успех вдохновил краеведа на работу, целью которой было восстановить по всему Крыму угасавшее к тому времени искусство шитья и ткачества, а по мере возможности и других ремесленных производств, продукция которых достигала высокого художественного уровня. К этой работе она привлекла известных ей мастериц, и в последующие годы на базе Бахчисарайского дворца периодически работали четырехмесячные курсы, которые должны были положить начало формированию вышивально-ткацких артелей.

Этнографическая коллекция Евпаторийского музея по караимам, крымским татарам и ногайцам была отмечена в отдельной публикации журнала «Этнография» (1926 г.) как наиболее полная и представляющая научный интерес для дальнейших теоретических исследований [1: с. 305]. В августе

1926 года специально для изучения этнографических собраний музея в Евпаторию приехал сотрудник Исторического музея (Москва) А. Клейн. Сохранилась рукопись его «Отчета о командировке в Крым для изучения собрания древних тканей и вышивок в местных музеях» (ГИМ РФ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 999. Л. 44–46 об.). А. Клейн отметил наличие в фондах музея «огромного собрания одежды и тканей как экспонированных, так и хранящихся в запасных залах, в общей сложности насчитывающего 720 экземпляров, из которых большая часть падает на бытовые памятники и меньшая — на памятники религиозного культа. Это предметы быта татар и культовые караимские вещи» (ГИМ РФ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 999. Л. 44). Отметив «высокую ценность коллекций» крымскотатарских и караимских вещей, А. Клейн заметил: «Больше всего меня поразило, что ткани, из которых изготовлены даже культовые предметы караимов, относятся не к их работе, а к продукции самых разных фабрик и кустарных производств Востока, Запада и Центра России. Время их изготовления не отвечало той датировке, которая предварительно указывалась» (ГИМ РФ ОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 999. Л. 45). Таким образом, становится ясно, что П.Я. Чепурина пополняла собрание музея не только оригинальными вещами, но и продукцией различных кустарных артелей, производивших на продажу элементы национальной одежды караимов и крымских татар. Делалось это, очевидно, сознательно, чтобы сделать экспозицию более насыщенной. Вряд ли столь компетентный специалист, как П.Я. Чепурина, которая сама занималась организацией подобных артелей, не могла отличить вещи XVIII–XIX века от более поздних.

В 1926 году П.Я. Чепурина приняла участие в конференции археологов СССР, которая проходила на базе Керченского археологического музея им. А.С. Пушкина. В «Бюллетене» Конференции выявлена ранее неизвестная ее публикация, посвященная характеристике Корана из Евпаторийской мечети [8].

На заседании тюркологической секции Конференции перед Евпаторийским археолого-этнографическим музеем была поставлена главная задача — создание специального отдела — Музея тамг, как важнейшего историко-этнографического материала по изучению татар и ногайцев (ИИМК РАН РА. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 83. Л. 4).

На Керченской конференции вскрылся глубокий конфликт евпаторийских этнографов с руководством КрымОХРИСа. Неизвестную ранее информацию об этих перипетиях дает нам письмо П.Я. Чепуриной в Академию истории материальной культуры от 5 апреля 1927 года (ИИМК РАН РА. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 83. Л. 16–16 об.). В своем докладе на конференции, посвященном хранящемуся в фондах музея Корану, П.Я. Чепурина рассказала о самоуправных действиях заместителя заведующего КрымОХРИСом Я.П. Бирзгала, который без специального разрешения увез это редкое издание в Симферополь. Кроме того, Я.П. Бирзгал постоянно поднимал вопрос о передаче принадлежащих Евпаторийскому музею картин в другие музеи (в частности, в Симферопольский художественный музей)

(ИИМК РАН РА. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 83. Л. 5.). П.Я. Чепурина отказалась опустить эту часть своего доклада, несмотря на настойчивые требования сделать это со стороны председателя КрымОХРИС А.И. Полканова (ИИМК РАН РА. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 83. Л. 5–5 об.). Сама тема доклада — о памятнике, уже отсутствующем в музее, была направлена против руководства КрымОХРИС. После данного выступления Коран был возвращен, но, по настоянию Я.П. Бирзгала, передан в Бахчисарайский музей.

Реакция номенклатуры на эти действия П.Я. Чепуриной не заставила себя ждать. 6 марта 1927 года в качестве уполномоченного Главнауки музей посетил нарком просвещения Крымской АССР Усеин Балич и объявил решение Академического совещания Крымнаркомпроса о закрытии Евпаторийского археолого-этнографического музея и передаче материалов в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Однако после осмотра богатейших этнографических коллекций У. Балич прямо на месте принял решение отложить выполнение данного решения на два года.

П.Я. Чепурина обратилась в Академию истории материальной культуры с ходатайством о спасении музея. Она отмечала: «Нахожу совершенно невозможным вести работу при подобных условиях, когда Администрацией решается судьба научного учреждения, его материалов, не учитывая ни исторических условий, ни перспектив развития музея. Постоянные попытки перевода, перетасовки караимских материалов, совершенно прекратили приток новых пожертвований, грозят порвать уже налаженное музеем общение с караимскими общинами СССР, мешают провести в жизнь план работ научного обследования имеющегося уже материала» (ИИМК РАН РА. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 83. Л. 16 об.). П.Я. Чепурина справедливо считала, что караимские материалы не могут быть переданы в музей в Бахчисарае в связи с тем, что его основным профилем является изучение крымских татар. Кроме того, подаренные большей частью караимской общиной, эти материалы являлись достоянием Евпатории. В специальном письме, направленном в Академию наук, П.Я. Чепурина 5 апреля 1927 года писала: «Прошу Академию оказать содействие своим научным авторитетом <...> в деле сохранения полной неприкосновенности караимских материалов», настаивая через Главнауку на недопустимости приведения в исполнение решения крымской администрации по делам музеев о закрытии Евпаторийского музея (ИИМК РАН РА. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 83. Л. 9).

В ответ на направленные учеными Академии истории материальной культуры запросы в Главное управление музеями Главнауки 6 июня 1927 года был получен ответ об аннулировании решения местных крымских органов о закрытии музея (ИИМК РАН РА. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 83. Л. 24).

Данью краеведческим студиям предыдущих лет стала публикация П.Я. Чепуриной очерка «Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан-Мечеть)», опубликованного в 1927 году [5]. Вместе с историческим очерком создания данного архитектурного памятника в публикации представлена

подробная характеристика Корана, который исследовательница выявила в 1924 году в данной мечети. Для историков науки несомненный интерес представляет приведенная автором систематизация хода изучения мечети Джума-Джами в XIX – начале XX века.

В мае 1927 года при проверке фондов Евпаторийского музея краеведения заместителем заведующего КрымОХРИС Я.П. Бирзгалом были выявлены «злоупотребления и должностные преступления» П.Я. Чепуриной, заключающиеся в раздаче некоторых материалов фондов («художественных ценностей») музея частным лицам и сотрудникам по ее усмотрению (ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 1184. Л. 23). Так, гражданке Ходжам-Капленовской были выданы пять картин известных мастеров XIX века; гражданке Кольевой был возвращен гарнитур старинной мебели; гражданину Казасу выданы ваза, две скульптуры, ковер, скатерть; гражданину Муждабе отдан старопечатный Коран (ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 1184. Л. 24.). Несмотря на объяснения заведующей музеем, что ею были возвращены жителям города вещи, незаконно реквизированные у них в первые годы Советской власти, когда «уплотнялись» особняки состоятельных граждан, против П.Я. Чепуриной было возбуждено уголовное дело. Хотя в ходе следствия обвинения уголовного плана были сняты и доказано, что краевед лишь пыталась восстановить социальную справедливость и вернуть людям их вещи, на Полину Яковлевну были наложены дисциплинарные взыскания, и она была уволена с должности (ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 52. Л. 48–50).

Новым заведующим был назначен Яков Георгиевич Благодарный (1882–?). В 1928 году при оформлении на работу в «Карточке для учета лиц, интересующихся вопросами изучения Крыма» он записал, что имеет специальность «педагог» при незаконченном высшем образовании. Будучи человеком, далеким от историко-этнографических исследований, Я.Г. Благодарный по-своему видел перспективы развития музея. В служебной записке от 1 сентября 1928 года он указал, что в последние годы «<...> музей стал на ложный путь — он не несет на себе задач нашего социалистического строительства». Новый директор «поставил себе целью реорганизовать музей в учреждение краеведческого типа, которое способствовало бы выявлению производственных сил района и возможностей экономического и культурного развития его... наметил созидание при музее новых отделов: 1) кустарно-промышленного, 2) сельского хозяйства, 3) кооперации и торговли, 4) историко-революционного, 5) татарского (материальная культура татар)» (ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 52. Л. 48–50.).

Непонимание Я.Г. Благодарным значения этнографических разработок П.Я. Чепуриной привело к личному конфликту между ними. Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся обрывки переписки двух краеведов. Работая с марта 1928-го по март 1929 года помощником заведующего и хранителем музейного имущества (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 160), Полина Яковлевна не могла мириться с фактами, когда по указанию Я.Г. Благодарного вышивки и экспонаты «Восточной комнаты» отдавались в артели для использования в швейном

производстве или для продажи, а редчайшие книги библиотеки им. А.Ю. Мирчи, хранившиеся в музее, отдавались в рыбацкие союзы для упаковки товара (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 120). Выражением протеста П. Я. Чепуриной против действий заведующего стал ее отъезд в Москву, где она участвовала в этнографической выставке со своей коллекцией крымскотатарского орнамента, выступала с докладами в Государственной академии художественных наук, в Антропологической секции Тимирязевского научно-исследовательского института, Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, реставрационных мастерских Главнауки РСФСР (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 165).

А в это время Я.Г. Благодарный развернул деятельность по привлечению П.Я. Чепуриной к судебной ответственности «за умышленное и злостное намерение помешать развитию музея, организации новых отделов и приведению в порядок фондового имущества» (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 54). Заведующий инкриминировал своему помощнику: «...умышленно смешала и спутала нумерацию музейных тканей в целях внести беспорядок в учет и маскировала недостаток имущества», в личных целях «для зарисовок <...> распоролла и испортила несколько тканей» (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 54 об.). В разгар конфликта с Я.Г. Благодарным Полина Яковлевна организовала в Москве по предложению Государственной академии художественных наук выставку зарисовок крымскотатарского орнамента, ткачества и вышивок XVII – XIX веков (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д. 115. Л. 3–4). 25 февраля 1929 года, находясь в Москве, она вынуждена была написать заявление об увольнении из Краеведческого музея города Евпатории «по собственному желанию, ввиду необходимости закончить многотомный труд по крымскотатарскому орнаменту» (ГАРК. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 11. Л. 168).

С 1930 года П.Я. Чепурина, продолжая сбор уникальной коллекции рисунков крымскотатарских вещей, одновременно была занята организацией основанных на этнографических традициях вышивально-ткацких артелей в Алуште, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, Ялте, а также в деревнях Биюк-Янкой под Симферополем и Отузы (Восточный Крым). В этих артелях работало более 350 мастериц. Одной из практических целей такой работы было создание продукции, предназначенной на экспорт. Одновременно этнограф публиковала свои исследования и продолжала научную обработку материала.

Таким образом, в течение 1920-х годов в Евпаторийском музее «Искусство старины» — Археолого-этнографическом — Краеведческом музее города Евпатории оформился этнографический отдел, состоящий из подразделов: крымскотатарского и караимского. Последний по качеству и количеству материала занимал центральное место. Евпаторийскими этнографами И.С. Аирчинским и П.Я. Чепуриной были собраны уникальные коллекции по культуре караимов и крымских татар, и эти собрания орнамента, шитья и ткани приобрели всемирную известность.

Литература

1. *Д-н А.* Этнографические музеи в Крыму // Этнография. 1926. № 1/2. С. 303–305.
2. Из деятельности Российского общества по изучению Крыма // Этнография. 1926. № 1/2. С. 306.
3. *Урсу Д.П.* Востоковедение и востоковеды Крыма (1918–1941) // Востоковедный сборник / Таврический экологический ин-т. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 4–27.
4. *Урсу Д.П.* Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941). Симферополь: Крымучпедгиз, 1999. 144 с.
5. *Чепурина П.Я.* Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан-Джами). Евпатория: 6-я городская типография КРТ, 1927. 8 с.
6. *Чепурина П.Я.* Евпаторийский музей // Крым. 1926. № 2. С. 200.
7. *Чепурина П.Я.* Евпатория — ее живая археология // Крым. 1925. № 1. С. 73–74.
8. *Чепурина П.Я.* О Коране евпаторийской мечети // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. 1926. № 3. 7 сентября. С. 2.
9. *Непомнящий А.А.* Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження. Симферополь, 2003. 452 с. С. 227–229.

References

1. *D-n A.* E'tnograficheskie muzei v Kry'mu // E'tnografiya. 1926. № 1/2. S. 303–305.
2. Iz deyatel'nosti Rossijskogo obshhestva po izucheniyu Kry'ma // E'tnografiya. 1926. № 1/2. S. 306.
3. *Ursu D.P.* Vostokovedenie i vostokovedy' Kry'ma (1918–1941) // Vostokovedny'j sbornik / Tavricheskij e'kologicheskij in-t. Vy'p. 1. Simferopol', 1997. S. 4–27.
4. *Ursu D.P.* Ocherki istorii kul'tury' kry'mskotatarskogo naroda (1921–1941). Simferopol': Kry'muchpedgiz, 1999. 144 s.
5. *Chepurina P.Ya.* Evpatorijskaya xanskaya mechet' Dzhuma-Dzhami (Xan-Dzhami). Evpatoriya: 6-ya gorodskaya tipografiya KRT, 1927. 8 s.
6. *Chepurina P.Ya.* Evpatorijskij muzej // Kry'm. 1926. № 2. S. 200.
7. *Chepurina P.Ya.* Evpatoriya — ee zhivaya arxeologiya // Kry'm. 1925. № 1. S. 73–74.
8. *Chepurina P.Ya.* O Korane evpatorijskoj mecheti // Byulleten' Konferencii arxeologov SSSR v Kerchi. 1926. № 3. 7 sentyabrya. S. 2.
9. *Nepomnyashhij A.A.* Istorichne krimoznavstvo (kinecz' XVIII – pochatok XX stolittya): Biobibliografichne doslidzhennya. Simferopol', 2003. 452 s. S. 227–229.

U.K. Musaeva

Pros and Cons of a «National Museum Policy»: Local History Museum in Yevpatoria (20–30 years of the XX Century)

The article analyzed the work of Yevpatorian archaeological and ethnographic museum in the 20–30 years of the XX century. The specificity of this period became the policy of nativization, reflected in the development of museology in the Crimea. Particular attention is paid to the activity of well-known local historian P.Y. Chepurina. The basis of the publication made little-known documents from the archives of the Russian Federation and Ukraine, which are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Yevpatorian archaeological and ethnographic museum; P.Y. Chepurina; the Crimea; Crimean Tatars; museology.

**А.В. Захарченко,
В.В. Рябов**

Производственная деятельность НКВД СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны

В статье на основе анализа как опубликованных документов, так и впервые введенных в научный оборот архивных материалов, исследуются вопросы, связанные с изменением производственных параметров, отраслевой структуры, динамики промышленного производства, распределения и освоения капиталовложений хозяйственным комплексом НКВД накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: НКВД; ГУЛАГ; промышленное строительство; лагеря; заключенные; Великая Отечественная война; индустриализация.

Экономическая деятельность органов внутренних дел, производственные структуры которых широко использовали принудительный труд, нуждается в дальнейшем научном осмыслении. Очевидно, что историография тыла СССР в годы Великой Отечественной войны должна расширяться, в том числе и за счет исследований вопросов, связанных с функционированием ГУЛАГа. Распоряжаясь трудом заключенных, это ведомство в период предвоенных пятилеток играло существенную роль в осуществлении политики индустриализации [3: с. 424]. Данный процесс имел продолжение и в период войны.

В задачи данной статьи не входит рассмотрение репрессивно-пенитенциарной составляющей ГУЛАГа, тем более что в отечественной и зарубежной историографии она неплохо изучена. Среди исследовательских задач, имеющих отношение к экономической стороне деятельности органов внутренних дел в военный период, выделим следующие:

- определение предпосылок для продолжения политики индустриализации в годы Великой Отечественной войны в рамках функционирования лагерно-производственного комплекса НКВД;
- выявление структурных изменений в хозяйственной деятельности органов внутренних дел, прежде всего отраслевого характера;
- анализ динамики промышленного производства и строительства предприятий НКВД;
- определение места экономики НКВД в народном хозяйстве СССР в 1941–1945 годы.

Имеющие в распоряжении исследователей данные свидетельствуют о том, что уже накануне войны были созданы все предпосылки для функционирования лагерной экономики в военных условиях. Во-первых, это наличие мобилизационных возможностей для внеэкономических методов организации труда путем использования заключенных даже в самых суровых климатических условиях с полной трудовой нагрузкой при минимальном уровне социально-бытовых благ. Во-вторых, увеличение инвестиций в промышленное строительство и расширение масштабов экономической деятельности НКВД. Во второй половине 1930-х годов вплоть до первого полугодия 1941 года, объем освоенных капиталовложений в объекты лагерной экономики неуклонно возрастал. В 1938 году он составил 3,1 млрд рублей, в 1939 году — 3,6 млрд рублей, в 1940 году — 4,4 млрд рублей [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 901. Л. 73; 3: с. 246; 4: с. 192, 200, 222]. На 1941 год план капитальных работ по наркомату был утвержден в сумме более 7,08 млрд рублей. В связи с сокращением ассигнований по ряду объектов и другим причинам, вызванным начавшейся войной, строительная программа была урезана почти на половину, но несмотря на это, предприятия и организации НКВД выполнили капитальных работ на сумму в 4,9 млрд рублей, что превышало показатели предвоенных лет [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 7181. Л. 61; 4: с. 189]. Общая стоимость сооружений, находившихся непосредственно в производственном комплексе НКВД, в 1941 году оценивалась в 11 млрд рублей [3: с. 246, 424].

Многие из строящихся объектов имели стратегическое значение для советской экономики с точки зрения развития транспортной инфраструктуры, промышленного и оборонного потенциала. К таковым относились десять гидроэлектростанций (в том числе входившие в систему Рыбинского и Угличского гидроузлов), Волго-Балтийский и Северо-Двинский водные пути, четыре алюминиевых завода в северо-западных районах страны, авиационные заводы в Поволжье и др. Большие объемы приходились на долю дорожного строительства. В течение 1940 года лагеря Главного управления железнодорожного строительства НКВД СССР построили и сдали в эксплуатацию 1700 км железных дорог, к которым относилась и линия Кандалакша-Куолоярви протяженностью 175,4 км, построенная для обеспечения войск Красной Армии в период советско-финской войны [7: с. 198]. План железнодорожного строительства на 1941 год превышал план предыдущего года вдвое [3: с. 248.]. С апреля 1941 года НКВД развернул строительство 251 военных аэродрома для Наркомата обороны [ГАРФ. Ф-Р 8437. Оп. 1а. Д. 4. Л. 10].

Существенный рост наблюдался и в промышленном производстве. В 1938 году валовой объем выпуска продукции предприятиями лагерей и колоний составил 1,5 млрд рублей, в 1939 году — 2,5 млрд, в 1940 году — 3,7 млрд рублей. План на 1941 год составил 4,7 млрд рублей. Причем удельный вес отдельных видов продукции, выпускаемых предприятиями НКВД, по отношению к общему объему народного хозяйства страны был достаточно велик. По никелю он составлял 46,5 %, олову — 76 %, кобальту — 40 %, хромитовой руде — 40,5 %, золоту — 60 %, лесоматериалам — 25 % [3: с. 244].

Значительный вес в экономике НКВД занимала добыча угля, которую осуществляли три лагерно-производственных комплекса (Букачачлаг в Бурятии и Читинской области, Воркутпечлаг в Коми АССР, Райчихлаг — Амурская область) [2: с. 756–758]. Райчихлаг за предвоенные годы обеспечивал около 85 % всей добычи угля Хабаровского края. Заключенные Ухто-Ижемского, Воркутинского, Северного железнодорожного, Устьвымского лагерей поставляли уголь, нефть, газ, другое топливо из Ухто-Печерского бассейна [3: с. 245].

С начала 1941 года в исправительно-трудовых колониях (ИТК) началось производство спецукупорки — тары для оружия и боеприпасов. В силу простоты изготовления она стала одним из основных видов продукции промколоний в годы войны.

К началу войны лагерная экономика охватывала 20 производственных отраслей. Наиболее крупными из них по удельному весу выпускаемой продукции были горно-металлургическая, топливная промышленность, а также капитальное строительство [3: с. 243].

Наконец, третьей предпосылкой, обусловившей функционирование лагерной экономики в военное время, являлась отраслевая структура управления хозяйственным комплексом органов внутренних дел, сложившаяся в 1940-м — первой половине 1941 года. В этот период на базе отраслевых отделов ГУЛАГа, как основного хозяйственного ведомства, в системе НКВД формируются самостоятельные главки и управления. В январе 1940 года для руководства строительством железных дорог, а позднее и аэродромов, было создано Главное управление железнодорожного строительства (с февраля 1941 г. — ГУЛЖДС НКВД СССР). Ответственность за возведение гидротехнических объектов в сентябре того же года возлагалась на вновь созданный Главгидрострой НКВД СССР.

26 февраля 1941 года, согласно вновь утвержденной структуре наркомата, на базе отраслевых отделов и управлений ГУЛАГа возникнет целый ряд самостоятельных главков и управлений НКВД СССР. Главному управлению лагерей промышленного строительства (Главпромстрой) передавались строящиеся предприятия черной металлургии, целлюлозно-бумажной и спиртовой промышленности, а также судостроительные и алюминиевые заводы. В ведение Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП) передавались лагеря и металлургические комбинаты по добыче меди, никеля, вольфрамовых и молибденовых концентратов. Лесные лагеря переходили в структуру созданного на базе профильного отдела ГУЛАГА Управления лагерей лесной промышленности (УЛЛП). Наконец, 27 марта 1941 года для реализации масштабной программы по строительству 254 аэродромов в системе НКВД создается очередной отраслевой главк — Главное управление аэродромного строительства (ГУАС) [5: с. 99, 113].

При анализе экономической деятельности НКВД в 1941–1945 годах необходимо учитывать общий контекст развития народного хозяйства. Стремительное наступление вермахта и союзников Германии, последовавшая за этим

потеря западных районов страны с их экономическим потенциалом привели к существенному изменению в развитии производительных сил СССР. Важнейшим проявлением этого процесса стало увеличение в советской экономике доли регионов на востоке (Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан Средняя Азия, Кавказ, Закавказье). В 1941 году в хозяйственном комплексе данных территорий, включая Центральный промышленный район и Европейский Север, было освоено 18,8 млрд рублей капиталовложений. Если в первом полугодии удельный вес капитальных работ этих районов в общем объеме капитального строительства СССР составлял 57 %, то во втором — 74 %. При этом сумма капиталовложений в 1941 году по сравнению с 1940 годом снизилась на 36 %, составив 29 млрд рублей [РГАЭ. Ф. 4372. Оп.93. Д. 452. Л. 243–244]. Говоря о перераспределении основных производительных сил с запада на восток страны, следует подчеркнуть, что именно в восточных регионах НКВД, опираясь на принудительный труд заключенных и мобилизованного населения, а позднее и военнопленных, активно использовался для наращивания промышленного потенциала и создания военно-транспортной инфраструктуры в тылу.

С первых дней войны производственные планы НКВД, как и по другим хозяйственным наркоматам, были пересмотрены. Возведение промышленных объектов, прилегающих к западной границе СССР, приостанавливалось. Консервации подлежали предприятия на начальной стадии строительства. Усилия сосредотачивались на объектах с высокой степенью готовности и имевших стратегическое значение для военной экономики. Такие критерии легли в основу докладной записки И.В. Сталину, направленной главой НКВД СССР Л.П. Берией 26 июня 1941 года. После согласования основных положений с председателем Госплана Н.А. Вознесенским приказом по НКВД от 28 июня «О прекращении работ по строительству НКВД в связи с началом войны» Берия, получив соответствующее распоряжение правительства, санкционировал прекращение строительства 41 предприятия [2: с. 781–782]. В наибольшей степени приказ затронул гидроэлектростанции, химические заводы, расположенные вблизи советско-финской границы, шоссейные дороги в западных областях, находившихся под угрозой вражеской оккупации (Украина, Белоруссия, Прибалтика).

Все освобождавшиеся ресурсы переводились на особую группу из 64 объектов, объявленных 11 июля 1941 года приказом по Наркомату внутренних дел «ударными сверхлимитными стройками» (металлургические, оборонные заводы, предприятия угольной промышленности).

Однако и сокращенную строительную программу ведомство Берии выполнить не смогло, о чем свидетельствуют материалы Госплана по общим показателям выполнения капитальных работ в 1941 году. Распоряжаясь самым большим объемом ассигнований на капитальное строительство, НКВД имел наименьший процент выполнения плана среди наркоматов с самой обширной строительной программой. Так, в 1941 году НКВД освоил 4900 млн рублей, что составило

62 % от запланированного, в то время как Наркомат путей сообщения — 67 % (3500 млн рублей), Наркомат авиапромышленности — 78,4 % (2540 млн рублей), Наркомат обороны — 84,6 % (2900 млн рублей) [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 452. Л. 242]. Ситуация изменилась в 1942 году, когда в течение первого полугодия (ключевой период для восстановления промышленности после потерь и эвакуации) в капитальном строительстве был зафиксирован существенный рост — с 54 % выполнения плана в первом квартале до 120 % во втором квартале, в то время как по Наркомату авиационной промышленности процент выполнения плана в течение этого времени вырос с 64,9 % до 94,9 %, по Наркомату вооружений с 68,4 % до 91,8 %, по Наркомату танковой промышленности — с 59,5 % до 83,1 %. Всего по народному хозяйству этот показатель составил 52,5 % в первом квартале и 70,7 % во втором квартале 1942 года [РГАЭ. ф. 4372. Оп.93. д. 452. Л. 91]. Во многом это объяснялось преодолением организационных трудностей в связи с массовой эвакуацией предприятий на восток.

В годы Великой Отечественной войны приоритеты хозяйственной деятельности НКВД заключались прежде всего в обслуживании отраслей, имевших значение для функционирования военной экономики. Людские и материальные ресурсы лагерей и колоний были сконцентрированы на выполнении задач по увеличению мощностей цветной и черной металлургии, добыче топлива (торфа, угля, нефти, газа). НКВД обеспечивал строительство предприятий тяжелой, в том числе и оборонной промышленности. Большинство исправительно-трудовых колоний переориентировались на выпуск продукции для Красной Армии (обмундирование, боеприпасы, спецукупорка и т. д.).

Анализ опубликованных и архивных документов позволяют говорить о существенных изменениях как в структуре, так и в объемах промышленного производства и строительства в годы войны. Прежде всего отметим общее снижение инвестиций в капитальное строительство во второй половине 1941–1943 годов. Несмотря на выполнение строительной программы предприятиями НКВД в этот период, объемы освоенных капиталовложений снизились более чем вдвое — с 4,9 млрд рублей до 2,2 млрд рублей [РГАСПИ. Ф. 82. Оп.2. Д. 901. Л. 73; 4: с. 192, 200, 222]. Это обуславливалось курсом руководства страны на экономию ресурсов и их концентрацию на наиболее важных, с точки зрения потребностей фронта, хозяйственных отраслях. В 1944–1945 годах рост инвестиций в строительную индустрию возобновился (3,1 и 3,6 млрд рублей соответственно), не достигнув, однако, довоенных показателей.

На протяжении всего периода военного времени происходило перераспределение ресурсов по отраслям лагерной экономики. В гидротехническом строительстве производственная программа за военный период (1941–1945 гг.) сократилась в шесть раз по сравнению с довоенным временем. Если доля гидротехнических объектов в общей программе капитального строительства НКВД составляла в 1940 году 20,5 %, то в 1945 году — 7,7 %.

Сократилась, правда, не так существенно, программа по железнодорожному строительству. С началом войны было законсервировано строительство семи железнодорожных линий на северо-востоке страны, протяженностью более чем 1700 км, объем капиталовложений упал в течение 1941–1943 годов более чем в три раза — с 1347 млн рублей до 386 млн рублей [ГАРФ. Ф.-Р 9414. Оп. 3. Д. 39. Л. 2; 4: с. 192]. Доля железнодорожного строительства в общей структуре капитальных работ НКВД сократилась за годы войны с 27 % до 18 %. Значительные ресурсы были переброшены с объектов Байкало-Амурской магистрали на строительство железных дорог в Поволжье, где в 1942–1944 годах было построено почти 976 км путей, что составило 42 % от всей сети, построенной лагерями НКВД за годы Великой Отечественной войны [РГАЭ. Ф.4372. Оп. 93. Д. 1312. Л. 290].

В течение 1941–1945 годов существенно (в 6,7 раза) увеличился объем капиталовложений в топливную промышленность в системе НКВД. Продолжалось расширение производственных мощностей в Печорском и Карагандинском угольных бассейнах. В 1943 году началось строительство нефтеперерабатывающих заводов в Куйбышеве и Гурьеве [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 103. Л. 168–169]. При этом в общей сумме расходов по НКВД на капитальное строительство объектов топливного комплекса сокращалась доля угольной промышленности и увеличилась доля нефтяной и газовой. Если до войны предприятия органов внутренних дел не участвовали в разработке газовых месторождений, то в 1945 году производственный комплекс НКВД обеспечил добычу 468 млн м³ природного газа [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 97. Д. 204. Л. 19].

Наконец наиболее существенное перераспределение инвестиций наблюдалось в пользу строительства металлургических предприятий. В 1942 году в структуре капитальных работ НКВД затраты на объекты цветной металлургии составили 35 % от общей суммы освоенных капиталовложений. Ключевыми объектами лагерной экономики здесь являлись Норильский комбинат, Богословский алюминиевый завод, Джезказганский медный комбинат. В годы войны НКВД осуществлял строительство Челябинского и Нижнетагильского металлургических комбинатов, Актюбинского завода ферросплавов. Поскольку в военное время металлургическая отрасль являлась системообразующей для большинства предприятий, выпускавших вооружение, боеприпасы и боевую технику, проявление такого приоритета выглядит вполне объяснимым.

Рассмотрев изменения, происходившие в структуре лагерной экономики в годы Великой Отечественной войны, постараемся определить ее место в народнохозяйственном комплексе СССР.

Необходимо подчеркнуть, что доля продукции НКВД в каждой отдельной отрасли была неодинаковой. В строительной индустрии НКВД к началу 1940-х годов являлся одним из лидеров. Довоенный объем выполненных капитальных работ строительными лагерями и другими организациями наркомата на 1940 год составлял 4,6 млрд рублей, или 13,5 % от общесоюз-

ных капиталовложений, а во втором полугодии 1941 года увеличился почти до 14 %. Учитывая многопрофильный характер лагерно-производственного комплекса, это существенный вклад. Решение руководства НКВД в начале войны о пересмотре строительной программы являлись составной частью изменений параметров 3-й пятилетки (1938–1942 гг.). В целом по СССР из 5700 промышленных строек, согласно скорректированному плану, предполагалось вести работы только по 614-ти. В 1943–1945 годах государственные расходы на капитальное строительство неуклонно росли более быстрыми темпами, чем в системе НКВД, доля которых в общих показателях снизилась с 12,9 % в 1942-м до 8,8 % в 1945 году. По сравнению со вторым полугодием 1941 года в 1945 году рост капиталовложений в народное хозяйство СССР увеличился вдвое (18,6 и 40,7 млрд рублей соответственно), в то время как по МВД — в 1,4 раза [1: с. 386; 4: с. 40; 6: с. 145].

Необходимо учитывать уникальность отдельных предприятий, строительство и работа которых в годы войны обеспечивалась ресурсами Наркомата внутренних дел и имела стратегическое значение для военной экономики. Многократное падение производства цветных металлов во второй половине 1941 года, в связи с оккупацией развитых западных промышленных районов, делало жизненно необходимым скорейший ввод в строй Норильского металлургического комбината, возводимого за полярным кругом силами НКВД, в районе с богатейшим в мире месторождением медно-никелевых руд. Когда в апреле 1942 года комбинат начал свою работу это явилось знаковым событием для советской металлургии [1: с. 400]. В результате деятельности Особстроя НКВД СССР, обеспечивавшего в период 1940–1943 годов строительство группы авиационных заводов в районе г. Куйбышева, этот город стал крупнейшим авиационным арсеналом, отправившим на фронт 28,3 тыс. штурмовиков ИЛ-2, что составляло почти 80 % от общесоюзного производства самого массового боевого самолета Второй мировой войны [ЦГАСО. Ф.-Р. 3454. Оп. 1. Д. 5. Л. 7; Д. 14. Л. 5; Д. 27. Л. 6; Д. 43. Л. 8; Д. 54. Л. 4; Ф.-Р. 3562. Оп. 1. Д. 2. Л. 13; Д. 20. Л. 2; Д. 49. Л. 4; Д. 79. Л. 9; Д. 111. Л. 4]. Добыча золота и других ценных металлов на приисках Колымы в системе Дальстроя, где в течение 1941–1945 гг. было получено 360 170 кг химически чистого золота [4: с. 43], способствовала поддержанию финансовой системы.

Не меньший вклад лагерно-производственный комплекс внес в лесозаготовительную отрасль советской экономики. За период с 1942-го по 1945 год лесные лагеря, колонии и другие предприятия НКВД заготовили 76 236,6 тыс. м³ древесины (до половины продукции шло на самозаготовки), что составило 12,3 % к общесоюзным показателям [4: с. 208, 215, 222; ГАРФ. Ф.-Р. 9414. Оп. 3. Д. 39. Л. 3; 6: с. 70].

С другой стороны, в масштабах всего народного хозяйства влияние производственного комплекса НКВД не было определяющим. Учитывая тот факт, что присутствие лагерной экономики в промышленном производстве в большей степени было связано с добывающими отраслями, проследим это на примере нефтяной

и угольной отраслей. В течение 1943–1945 годов лагеря НКВД добыли 392 тыс. тонн нефти, что составило 0,7 % от общесоюзной добычи (55 700 тыс. тонн). Участие лагерей НКВД в угледобыче страны в период с 1942-го по 1944 год не достигало и 3 %. В указанный период предприятия наркомата добыли 12,2 млн тонн угля, тогда как в целом по СССР эта цифра составила 439,6 млн тонн [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 97. Д. 204. Л. 15. С. 215, 222].

Приведенные данные позволяют говорить о том, что накануне и в годы войны экономическая деятельность НКВД претерпела структурные изменения, как и все народное хозяйство СССР. Специфика лагерной экономики определялась ее многоотраслевым характером и опорой на принудительный труд. Несмотря на сокращение инвестиций в промышленность и строительство, период 1941–1945 годов можно охарактеризовать как продолжение процесса индустриализации, в которой хозяйственные структуры НКВД сыграли определенную роль.

Литература

1. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1: Суровые испытания. М.: Наука, 1998. 541 с.
2. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / Ред. А.Н. Яковлев; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; Междунар. фонд «Демократия». М.: Материк, 2002. 888 с.
3. *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
4. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 3: Экономика ГУЛАГа / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. 624 с.
5. *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 5. С. 99–116.
6. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. Статистический сборник. М., 1990.
7. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Ред. А.Н. Яковлев; сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков; Междунар. фонд «Демократия». М.: Материк, 2005. 568 с.

References

1. Vilikeya Otechestvennaya vojna. 1941–1945. Voенno-istoricheskie ocherki. Kn. 1: Surovye ispitaniya. M.: Nauka, 1998. 541 s.
2. GULAG (Glavnoe Upravlenie Lagereiy). 1918–1960 / Red. A.N. Yakovlev; sost. A.I. Kokurin, N.V. Petrov. M.: Materik, 2002. 888 s.
3. *Ivanova G.M.* Istoriya GULAGa, 1918–1958: social'no-e'konomicheskij i politiko-pravovoi aspekti. M.: Nauka, 2006. 438 s.
4. Istoriya stalinskogo Gulaga. Konecz 1920-x – pervaya polovina 1950-x godov: sobranie dokumentov: v 7 t. T. 3: E'konomika Gulaga. M.: ROSSPE'N, 2004. 624 s.
5. *Kokurin A.I., Petrov N.V.* GULAG: struktura i kadry' // Svobodnaya my'sl'. 2000. № 5. S. 99–116.
6. Narodnoe hozyajstvo SSSR v Velikoj Otechestvennoj Vojne 1941–1945 g. Statisticheskij sbornik. M., 1990.
7. Stalinskie strojki GULAGa 1930–1953 / Red. A.N. Yakovlev; sost. A.I. Kokurin, Yu.N. Morukov; Mezhdunar. fond «Demokratiya». M.: Materik, 2005. 568 s.

*A.V. Zakharchenko,
V.V. Ryabov*

**Production Activity of the USSR's NKVD
before and during the Great Patriotic War, 1941–1945**

In the article, the authors based on the analyses of published documents and also archival material, first introduced in the scientific circulation, investigate the issues, connected with changes in manufacturing parameters, sectoral structure, dynamics of industrial output, distribution and implementation of capital investments by the NKVD economic complex before and during the Great Patriotic War.

Keywords: NKVD; Gulag; industrial construction; concentration camps; prisoners; the Great Patriotic War; industrialization.

Е.В. Хатанзейская

Городская повседневность Архангельска первых военных лет: основные стратегии выживания населения, голод и смертность в 1941–1942 годы

В статье рассматриваются основные проблемы выживания гражданского населения в годы Великой Отечественной войны на примере повседневности советского портового города. В первую военную зиму 1941–1942 годов в городе умерло от голода и болезней 19 тыс. человек из 210 тыс. довоенного населения. Автор анализирует условия жизни населения, основные причины смертности и ставит целью проследить процесс адаптации к условиям военной повседневности. Необходимые навыки выживания были выработаны горожанами лишь к 1943 году, при этом потери мирного населения колоссальны: только по официальным данным органов ЗАГС за 1941–1944 годы в городе умерло 38 тыс. человек (каждый пятый житель довоенного города).

Ключевые слова: военно-историческая антропология; история повседневности; устная история; выживание; смертность; Великая Отечественная война.

Долгое время в российской исторической науке господствовал событийный подход: история освещалась с точки зрения глобальных событий, государственных и экономических структур, политических и социальных конструкций. При этом людям, без которых невозможны были политические, социальные, культурные процессы в истории, отводилась роль статистической единицы, «винтика» в громадной системе государства [11: с. 3].

«Антропологический поворот» исторической науки с появлением ряда новых направлений, ориентированных на изучение человека в историческом процессе, позволил увидеть жизнь «безмолвствующего большинства» в историческом пространстве, рядового человека в контексте истории. Новые направления российской исторической науки, являющиеся методологической основой данной статьи (история повседневности, военно-историческая антропология, устная история), дают возможность показать, в частности, жизнь непривилегированных людей в военное время: быт, стереотипы сознания и поведения, навыки выживания — все то, без чего невозможно понять мотивы поведения людей прошлого, а значит — основной ход истории.

Повседневность в значительной степени является отражением глобальных экономических, политических, социальных и культурных процессов

в обществе и вместе с тем предоставляет конкретный исторический материал для понимания особенностей быденной жизни людей в рамках конкретного исторического периода.

Наибольший интерес сегодня вызывает повседневная жизнь общества в условиях тоталитарного режима, в том числе и советского. Об этом свидетельствуют как значительное количество западных и российских публикаций, так и ежегодные конференции по данной тематике, имеющие огромное значение для обмена опытом специалистов, изучающих тоталитарное прошлое нашей страны. Для данного исследования особую ценность имеет социологический взгляд на историю советской повседневности [7; 23].

Существенную теоретическую и практическую значимость сегодня имеют исследования, посвященные выживанию человека в экстремальных условиях повседневности, в важнейшие, ключевые моменты истории, каким стал период Великой Отечественной войны. Чудовищные испытания, выпавшие на долю людей, отразились в мемуарах, письмах, дневниках, но по-прежнему остались загадкой стойкость, выдержка и мужество, проявленные в годы войны рядовыми людьми эпохи.

Существует множество теорий о том, как нужно писать историю повседневности. Одни подразумевают под этим термином главным образом сферу частной жизни, охватывающую вопросы семьи, домашнего быта, воспитания детей, досуга, дружеских связей и круга общения [10; 17]. Другие в большей степени исследуют трудовую жизнь и анализируют применимые к ней модели поведения и отношения [6; 12]. Ряд исследователей повседневности тоталитарных режимов концентрируют свое внимание на анализе активного и пассивного сопротивления [15]. Первостепенное внимание при этом уделяется формам поведения и стратегиям выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях [7; 8; 10; 14; 23].

Цель статьи — проследить процесс адаптации населения к условиям военной повседневности, выявив основные стратегии выживания людей в первые два года Великой Отечественной войны на микроуровне — в рамках жизни одного советского города — Архангельска. Выбор столь локальной исследовательской тематики связан прежде всего с исторической спецификой города. Архангельск — первый порт России, важный стратегический объект и крупнейший транспортный узел на Севере страны, через который осуществлялись в том числе иностранные союзнические поставки на фронт и в центральные регионы. При этом население города испытывало страшнейший голод и дефицит необходимых товаров. Архангельск занимает второе место после блокадного Ленинграда по количеству жителей, умерших от голода (в процентном соотношении к довоенной численности населения).

Проблему выживания в рамках данного контекста можно считать недостаточно изученной, особенно на местном материале. Проблематика военных событий в историко-антропологическом и психологическом измерении

находит все большее отражение в современной исторической науке, в частности в работах Е.С. Сенявской [19; 20], а также в ежегоднике «Военно-историческая антропология» [2]. Но в данных работах исследователи раскрывают в основном проблемы жизни человека воюющего, влияние войны на психику непосредственных участников военных действий. При этом жизнь тылового населения, за исключением работ по оккупированным территориям [9; 24] и югу России [10], остается практически неизученной.

Написанию статьи предшествовала работа с широким спектром исторических источников. Существенную роль в настоящем исследовании, ввиду его антропологической направленности, играют источники личного происхождения, важнейшим из которых стал дневник жителя Архангельска Ф.Н. Паршинского [3]. Это подневная запись изменений в привычном городском образе жизни, его трансформация в течение первых дней, недель, месяцев войны. Наряду с описанием быта, ситуации с продовольствием, столовых, очередей присутствует подробный анализ чувств, переживаний, поведения людей, их отношения к войне. Кроме того, описаны действия советского аппарата и пропаганды и преломление их в советской повседневности — отторжение населением официальной информации и выработанный навык «читать между строк». Текст дневника — подлинные мысли и искренние убеждения автора, за которые он поплатился в январе 1942 года арестом.

Особую роль в создании данного исследования сыграли материалы устной истории. В качестве респондентов нами было задействовано порядка ста человек возрастной группы от 7 до 28 лет на момент начала войны¹.

В ходе интервьюирования и обработки данных выявлена закономерность: люди старшей возрастной категории (на начало войны им было более 14 лет), приступившие в военное время к трудовой деятельности, являются наиболее ценными носителями информации. Они же являются самой психологически закрытой группой, неохотно отвечают на вопросы, нередко подменяют собственные воспоминания газетными штампами. В отличие от них «дети войны» рассказывают о жизни в те годы очень эмоционально, «кинематографично», но в силу юного возраста на момент интересующих нас событий многие важные аспекты повседневного городского быта не могли быть ими зафиксированы. Люди, связанные с пропагандистской деятельностью советского государства, вспоминают эпоху войны как время небывалого патриотического подъема, а современность воспринимают «в категориях упадка большой эпохи».

Существенно дополнили картину действительности ранее не опубликованные воспоминания архангелогородцев. Так, воспоминания М.В. Пиккель, врача-педиатра и представителя потомственной интеллигенции, стали неоценимым вкладом в исследование: это единственный из имеющихся в нашем

¹ Около ста интервью с жителями военного города, собранные автором статьи, находятся в ее личном архиве и в архиве кафедры Отечественной истории САФУ. В статье приведены лишь некоторые, наиболее яркие отрывки из них.

распоряжении источников, отражающий моральное состояние общества, а именно «синдром страха» — то, о чем респонденты не говорят².

Особое значение имеют и воспоминания иностранцев, раскрывающие картину повседневности с малоприметной для рядовых архангелогородцев стороны: как правило, то, что жителям города казалось обыденным и поэтому не достойным внимания, иностранцами фиксировалось в записных книжках, открытках и индивидуальной памяти [2].

Как бы то ни было, воспоминания — это позднейшее воспроизведение событий и деталей сквозь призму последующего жизненного опыта, откорректированные человеческой психикой и памятью. Защитные психические механизмы вытесняют из сознания наиболее страшные моменты жизни, хронология событий в воспоминаниях респондента не всегда в полной мере отражает действительность. Поэтому информация, полученная в ходе биографических и тематических интервью, а также при анализе письменных воспоминаний, была верифицирована и подкреплена архивными документами и материалами периодической печати.

Документы из Государственного архива Архангельской области (законодательные акты, отчеты, информационные сводки и пр.) существенно дополняют свидетельства очевидцев, а зачастую объясняют события и факты, отраженные в источниках личного происхождения. Так, борьба с паникерством и «элементами, стремящимися создавать запасы продуктов», нашла отражение и в воспоминаниях, и в архивных документах: в первом случае — как факт повседневной жизни; во втором — как явление государственное, проводимое советской властью на центральном и местном уровнях с целью устранения панических настроений среди населения. Весьма достоверной оказалась информация о материально-бытовом положении, снабжении населения, санитарном состоянии города, так как это не столько отчеты в Центр, сколько просьбы о помощи в различные организации (ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 563, 596, 844. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1–455). Многие из недавно рассекреченных архивных документов впервые вводятся в научный оборот.

Период первых военных лет (1941–1942 годы), соответствующий хронологическим рамкам статьи, стал наиболее тяжелым для населения Архангельска. Соединение государственной монополии снабжения и тоталитарной власти в советском государстве изначально представляло собой существенную опасность, а в условиях войны и без того несовершенная система неизбежно давала сбой. Навыки выживания в экстремальной повседневности войны у подавляющего большинства населения в то время еще не сформировались. В результате, только по официальной статистике (данным органов ЗАГС), за 1941–1944 годы в городе умерли 38 тыс. жителей, половина смертей пришлось на зиму – весну 1942 года [21: с. 9].

² Воспоминания М.В. Пиккель // Рукопись из личного архива Т.Н. Ивановой. Архангельск, 2005. 256 с.

Деградация образа жизни, нарушение привычных схем существования, низведение их до сложных, разнообразных, выработанных годами советской нестабильности и дефицита стратегий выживания, еще более усложненной ситуацией войны, пагубнее всего сказывались на представителях интеллигенции. Не имевшие зачастую необходимых, в условиях советской действительности, стереотипов поведения и навыков выживания, они первые гибли в городах военного времени. Проще приходилось вчерашним крестьянам: навыки жизни в деревне приобрели особую актуальность в советском городе [7: с. 37].

Интенсивная подготовка населения СССР к войне началась с середины 1930-х годов. В школах, помимо системы пропаганды советских ценностей, активно действовали военные кружки. Радио, газеты и кинематограф успешно формировали образ быстрой победоносной войны «малой кровью и на чужой территории». Аналогичный мифический образ «сталинского изобилия» был сформирован к концу 1930-х годов посредством искусства (советские художники изобрели даже особый жанр — «советский натюрморт» [14: с. 7]).

В 1939 году была введена закрытая торговля для начальствующего и командного состава Красной армии, НКВД, промышленных предприятий ВПК. Это усугубило положение непривилегированного населения, так как товары поступали из общего фонда снабжения города, и закрытая торговля поглощала львиную долю пищевых ресурсов [14: с. 57].

В 1939 году ситуация с продовольственным снабжением в стране ухудшилась в связи с началом Второй мировой и советско-финской войн. Экономическое бессилие власти перед кризисом породило новое насилие, цель которого была вернуть людей из бесконечных очередей в магазинах на производство, заставить их работать и подавить недовольство [16: с. 9].

В течение 1940–1941 годов была принята серия постановлений и указов, центральное место среди которых занимает указ Верховного Совета СССР о переходе на 8-часовой рабочий день и на 7-дневную рабочую неделю, который установил уголовную ответственность за опоздания и прогулы (к прогулу приравнивалось опоздание более чем на 20 минут)³.

Интенсивные «чистки» населения, непрерывный поиск «врагов народа» и расправа с ними продолжались. При этом подавляющая часть населения советских городов жила в нищете, крохотных комнатах деревянных коммунальных домов и бараков, в полуземлянках на окраине города, проводя большую часть времени в бесконечных очередях за элементарными продуктами и товарами первой необходимости.

В начале Великой Отечественной войны положение Архангельска в устье Северной Двины, в 50 км от Белого моря, определило значение города как

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости Верховного Совета СССР. № 28 (91). 22.08.1940. Закон принят 7-й сессией ВС СССР 1-го созыва от 7 августа 1940 г.

важного транспортного узла и стратегического объекта. Через Архангельск проходил основной поток стратегических поставок союзников СССР по антигитлеровской коалиции на Севере. С началом войны Архангельск стал ближайшим тылом Карельского фронта, что предопределило его особую роль в оказании помощи защитникам Карелии и Советского Заполярья, морякам Северного флота и Беломорской военной флотилии [22: с. 5].

Американские политические круги прочили падение СССР через две-три недели после нападения Гитлера [5: с. 28]. В советском тылу люди старались не говорить об этом: пораженческие настроения расценивались как контрреволюционные и жестоко карались по законам военного времени.

В советских городах с первых дней войны начался продовольственный кризис. Возле архангельских магазинов образовались огромные очереди за хлебом. Из дневника Ф.Н. Паршинского от 23 июня 1941 года: «Везде, во всех магазинах Архангельска очереди по 200–300 человек за черным хлебом, белого ни в одном магазине нет. Очереди скапливаются также у не открявшихся еще магазинов» [3: с. 19].

С 30 июня в городе начались перебои с керосином, который использовался жителями коммунальных квартир для приготовления пищи и освещения. К августу не стало хватать продовольствия.

Облик города начала войны освещен в воспоминаниях Т.А. Рузской: «Архангельск, портовый город, с первого дня войны стал закрытым — ни въехать, ни выехать. Продукты населению выдавались по карточкам. Да и этот скудный паек мы получали с опозданием. Еду можно было достать только в окрестных деревнях, да и то не за деньги, а в обмен на какую-нибудь вещь»⁴.

Ситуацию военного времени осложнял бесконечный поиск «шпионов и диверсантов». Не только «распространение слухов», но и стремление просто заpastись продуктами, исходя из директив Центра, по линии НКВД каралось арестом (ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 447. Л. 15). За два дня, с 23 по 24 июня 1941 года, органами милиции Октябрьского района г. Архангельска было задержано 36 человек, у которых были изъяты продовольственные или промышленные товары (ГААО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 2. Д. 70. Л. 64).

С 1 сентября 1941 года в магазинах Архангельска была введена продажа хлеба, сахара, кондитерских изделий по карточкам. Были установлены две категории снабжения городского населения, в зависимости от их причастности к оборонной промышленности (ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 910. Л. 43–44), которые в период зимы 1941–1942 годов неуклонно снижались (см. табл. 1). По воспоминаниям очевидцев и согласно дневниковым записям, снижение норм началось через две недели после введения карточек [3: с. 41].

⁴ Воспоминания Т.А. Рузской (1916–2006), записаны 15 ноября 2006 г., 9:00; подготовлены к публикации внучкой Т.А. Рузской, Марией Королевой (http://www.world-war.ru/printer_689.html).

Таблица 1

**Дневные нормы хлеба, сахара и кондитерских изделий
на 1 сентября 1941 года, в расчете на одного человека**

Категория населения/товар	Хлеб		Сахар и кондитерские изделия	
	Первая кат.	Вторая кат.	Первая кат.	Вторая кат.
Рабочим и ИТР	800 гр.	600 гр.	800 гр.	600 гр.
Служащим	500 гр.	400 гр.	600 гр.	600 гр.
Иждивенцам	400 гр.	400 гр.	400 гр.	400 гр.
Детям до 12 лет	400 гр.	400 гр.	600 гр.	400 гр.

Особенности быта, связанные с карточной системой, среди прочих, наиболее ярко отражены в воспоминаниях жителя Архангельска Г.А. Шехтмана: «Карточки выдавались в домоуправлении по предъявлению паспорта или прописки. И так, надо было быть прописанным, получать в одном месте, получать только на один день и только в своем магазине»⁵.

Можно было купить хлеб по повышенным ценам в коммерческих магазинах, которые продавали продукцию государственного производства по многократно завышенным ценам. В Архангельске в связи с началом войны и продовольственными трудностями было дано распоряжение об открытии двух дополнительных магазинов (ГААО. Ф. 834. Оп. 2. Д. 35).

Очередная форма изъятия средств у населения приобрела особую популярность осенью – зимой 1941–1942 годов, когда в обычных государственных магазинах исчезло почти все продовольствие. Сложности с покупкой коммерческого хлеба были аналогичные:

«Это магазины, где продавали по буханке в руки черного, глинистого, вязкого, низкосортного хлеба, вероятно, с добавлением соломы или еще чего-то. Очередь занимали с вечера. На ладошке писался номер. Переключка была каждые два часа. Если ты тут и объявил свой номер, значит, хорошо. Если тебя нет — вас здесь не стояло. И такой человек из очереди исключался. Такая буханка стоила 400 руб.»

В целом коммерческие магазины отличались лишь стоимостью товара. Вот запись в дневнике Ф.Н. Паршинского от 21 октября 1941 года: «Только на 5 минут позже вчерашнего вышел из дому — и оказался уже 788-м в очереди за коммерческим хлебом (а вчера — 204). Мороз не меньше вчерашнего, плюс ветер с востока. В 6 часов утра оказалось, что милиционер все номера сбил, так как неоднократно разгонял очередь. При мне пересчитали вновь, и у меня оказался № 315. Это малоутешительно, так как хлеба нет, а когда привезут — неизвестно. Если к 8-и, то, пожалуй, к 10-и я и получу. Но какой это будет хлеб?» [3: с. 31].

С 1 ноября были установлены нормы на мясо, крупы, жиры и макаронные изделия, представлявшие собой скорее формальность, нежели реальную установку на снабжение населения (см. табл. 2) (ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 885. Л. 55).

⁵ Интервью с Шехтманом Генрихом Абрамовичем, 1925 г. р., проходило по месту жительства информанта 26 сентября 2008 г., 18:05–19:45. Здесь и далее интервьюер Е.В. Хатанзейская.

Таблица 2

**Нормы снабжения населения мясом, рыбой, крупой
и макаронными изделиями в месяц на 1 ноября 1941 года**

Категория населения / товар	Мясо и рыба	Жиры	Крупы и макароны
Рабочим и ИТР оборонной промышленности	2200	600	1500
Рабочим и ИТР остальной промышленности, транспорта и связи	1800	400	1200
Служащим	1200	300	800
Иждивенцам	500	200	600
Детям до 12 лет	400	300	800

По воспоминаниям большинства очевидцев, купить продукты перечисленного карточного ассортимента в магазине или столовой можно было лишь первые несколько недель после введения карточек. К зиме 1941–1942 годов карточки практически перестали отоваривать⁶.

Уже к ноябрю 1941 года ситуация с продовольствием сложилась следующим образом. Запись в дневнике Ф.Н. Паршинского от 22 ноября 1941 года повествует о том, как автор дневника, не найдя иных пищевых ресурсов, решается употребить в пищу свою кошку [3: с. 76].

О ряде подобных случаев зимой – весной 1941–1942 годов можно судить по характеру записей в секретных протоколах заседаний местных органов власти от 2 апреля 1942 года, на которых обсуждался вопрос о поедании архангелогородцами кошек и собак «в целях контрреволюционной провокации». Упомянутые в следственном деле лица были арестованы и привлечены к уголовной ответственности (ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1172. Л. 37).

Все респонденты, независимо от возраста и социального положения, подтверждают факт этого страшного голода, пик которого пришелся на зиму и весну 1941–1942 годов. В марте – апреле 1942 года умерших отвозили на все кладбища Архангельска, но зарывать их не успевали, трупы скапливались и длительное время лежали на снегу. К лету 1942 года, только по официальным данным органов ЗАГС, умерло 20 тыс. жителей города [21: с. 9].

В первую военную зиму и весну больницы Архангельска были переполнены. При этом ввиду дезорганизации коммунального хозяйства города фактически было приостановлено снабжение больниц всем необходимым: топливом, бельем, продовольствием. Персонал больниц, страдая истощением, вынужден был заниматься заготовкой дров, топить печи, носить воду, решать вопросы продовольственного снабжения больных. Сами врачи отмечали крайнее положение с обеспечением больниц всем необходимым и предсказывали взрыв эпидемии инфекционных заболеваний, который и произошел в Архангельске в 1942 году. Отрывок из письма заведующего инфекционной больницей профессора

⁶ Интервью с Шергиной Тамарой Николаевной, 1930 г. р., проходило по месту жительства информанта 26 сентября 2008 г., 17:00–18:05.

Д.В. Никитина более полно иллюстрирует происходящее: «В палатах холодно, отчего больные часто простужаются и заболевают осложнениями в виде воспаления легких. В некоторых помещениях (например, приемном покое) настолько холодно, что больных там помещать нельзя. Персонал больницы занят на распиловке дров, в результате чего уход за больными стал хуже. <...> В детском инфекционном корпусе отопление центральное, получалось из второй городской больницы, занятой госпиталем. Температура там 8–9° С, поэтому дети, больные дифтерией и скарлатиной, простужаются и получают опасные осложнения. Плохо работает дезинфекционная станция из-за недостатка дров. Станция не делает вовремя дезинфекции одежды и белья больных, лежащих в инфекционной больнице». Следовательно, «существует опасность распространения сыпного тифа» (ГААО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 2. Д. 154. Л. 4).

В книге регистрации захоронений на одном из четырех кладбищ города — Исакогорском — в 1942–1943 годы количество записей доходит до сотни в день [18: с. 219].

В 1941–1942 годах распространяется и укрепляется обменная стратегия выживания, когда на рынке в обмен на вещи довоенного обихода можно было приобрести картофель, тюлений жир, молоко, карточки, товары американского и английского пищевого ассортимента, попавшие сюда с кораблей союзников. Ввиду сильной инфляции советские деньги не расценивались как средство обмена. При этом стоимость продуктов на рынке непрерывно возрастала [13: с. 24].

В системе государственного распределения был также предусмотрен обмен ценностей на продукты питания посредством специально оборудованных для этого пунктов — торгсинов. В обмен на валюту и изделия из драгоценных металлов по принудительному, заниженному курсу здесь можно было приобрести любое продовольствие. Цены в торгсиновских магазинах значительно превышали советские экспортные, но голод, дефицит и инфляция формировали спрос на их продукцию.

Значительной популярностью в военные годы пользовались комиссионные магазины. Люди на грани голодной смерти несли туда все, что можно было продать (драгоценности, старинную мебель, фарфор, одежду, предметы дореволюционного быта и пр.). Работники магазинов при этом покупали товар по сниженной стоимости, а продавали по цене, завышенной в десятикратном размере, что обеспечивало стабильный доход участникам сделки. При этом в «комиссионках» далеко не все принималось для продажи — сразу оценивалась выгодность сделки и возможность «навара» [14: с. 40]. Поэтому большую часть своего имущества граждане продавали на «толкучке» или через спекулянтов. Скупщики при этом получали огромную прибыль, коэффициент которой был 1 : 100⁷.

Работники столовых и продуктовых магазинов, заведующие складами, контролеры и товароведы создавали целые предприятия по подпольной

⁷ Интервью с Шехтманом Генрихом Абрамовичем, 1925 г. р., проходило по месту жительства информанта 26 сентября 2008 г., 18:05–19:45.

реализации государственной продукции, в рамках которых существовала разветвленная сеть агентов и «менеджеров» [14: с. 24]. В рамках государственных учреждений разворовывалась значительная часть продовольствия, которого катастрофически не хватало населению в условиях нормированного снабжения. В отчетах о проверке столовых и продуктовых магазинов города отмечалось, что в 1942 году особенно «участились случаи присвоения себе продовольственных товаров, карточек, факты обмеривания, обвешивания и обсчета населения города, получили распространение самоснабжение, отпуск продовольственных товаров по запискам без карточек сверх норм, а также незаконная выдача продовольственных карточек» (ГААО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 2. Д. 546. Л. 48).

Распыленность и масштабы подпольного предпринимательства в военные годы были настолько широки, что органы правопорядка не справлялись, поскольку сами вместе с городскими властями получали доход с рынков и подпольных предприятий. Расправа осуществлялась зачастую лишь над одиночными ворами, скупщиками и спекулянтами. Организованные предприятия приносили доход местной власти и органам правопорядка, поэтому их старались беречь [14: с. 37].

В воспоминаниях архангелогородцев встречаются рассказы об аферистке, выманивавшей карточки у детей путем обещаний мгновенно отоварить талоны белым хлебом без многочасового, если не суточного, простоя в очередях⁸. Милиция оказалась бессильна, и жители города сами поймали аферистку. В качестве наказания суд приговорил ее к двум годам колонии общего режима, так как при обыске не нашли никаких доказательств, — были лишь многочисленные свидетельские показания⁹. Оставшихся на свободе «предпринимателей» никто разыскивать не стал. Из-за подобного попустительства в городе получили значительное распространение криминальные способы выживания (мошенничество, грабеж, воровство, подделка карточек), что отражено в сводных отчетах органов милиции (ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1172. Л. 37–39).

Еще одна стратегия выживания в военные годы, широко применявшаяся местной номенклатурой и работниками системы распределения, «самоснабжение». Местные партийные и советские лидеры, руководители крупных предприятий, представители прокуратуры, НКВД, официально не получив спецснабжения, пользовались всем лучшим на своем уровне: все, что поступало в регион, попадало в их руки. Самоснабжение местного руководства шло за счет ухудшения снабжения населения, так как обеспечивалось не из дополнительных источников, а из общих государственных фондов, выделяемых Наркомснабом [14: с. 181].

Архангельск, будучи основным пунктом транзита союзнических грузов на Север, самый близкий к линии фронта свободный морской порт, официально

⁸ Интервью с Шергиной Тamarой Николаевной, 1930 г. р., проходило по месту жительства информанта 26 сентября 2008 г., 17:00 – 18:05; Интервью с Сухих Евгенией Семеновной, 1935 г. р., проходило по месту работы информанта по адресу: г. Архангельск, ул. Суфтина, 20, 10 марта 2008 г., 11.35 – 14.22.

⁹ Смирнова Т.В. Архангельск 1935–1945 гг. (рукопись) // Фонд краеведения «Русский Север» Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова. Архангельск, 1978. 357 с.

не имел права оставлять у себя даже малую часть союзнических продовольственных поставок для поддержания вымирающего населения. Американское продовольствие поступало на стол непривилегированных горожан через «черный рынок» и платили за него непомерную цену.

В военные годы проводились также принудительные мобилизации населения для строительства бомбоубежищ и газоубежищ, фортификационных и оборонительных сооружений, военного аэродрома. Только за 1942 год в порядке трудовой повинности на оборонные работы в Архангельске и Приморском районе было мобилизовано около 11 тыс. человек (ГААО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 2. Д. 119. Л. 14).

При этом мобилизованными нередко оказывались домохозяйки, оставлявшие дома малолетних детей (ГААО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 2. Д. 264. Л. 85–86 об.).

Самой большой проблемой для мыслящих представителей эпохи была моральная обстановка военного времени. Это отразилось в воспоминаниях врача-педиатра М.В. Пиккель: «Военные годы были страшными не только потерями родных и близких на фронтах, смертями тысяч и тысяч мирных людей от истощения и болезней в тылу, но, что было самым ужасным, всеобщая подозрительность, уничтожение собственного народа всесильной и жестокой машиной НКВД, выполнявшей и перевыполнявшей планы по выявлению и наказанию “неблагонадежных”, постоянный страх оказаться среди этих несчастных, ни в чем не повинных, толпами гонимых с котомками через весь город “на этап”, ночные аресты и “черные воронки”, выезжающие “на охоту” с наступлением темноты. Подозрительным с точки зрения НКВД мог оказаться кто угодно, в том числе и мы»¹⁰.

Регулярные сбои в системе снабжения, отток ресурсов на фронт, дефицит рабочей силы — все это дополнялось низкой компетентностью руководящих кадров. Все эти факторы представляли собой колоссальную проблему для населения города, о чем прямо говорят респонденты: «В Архангельске был голод не потому, что город был блокирован, не потому, что разбомбили склады, а в результате плохой организации руководителей: они не могли организовать, их потом сняли многих...»¹¹.

Летом 1942 года ввиду крайне тяжелой ситуации с продовольствием городскими властями было разрешено разбивать огороды в центральных районах города. В результате каждый свободный клочок земли был перекопан под грядки¹².

В 1942 году были осуществлены экспедиции на острова Белого и Баренцева морей с целью улучшения продовольственной ситуации за счет отлова морской птицы и зверя, сбора мидий и водорослей, вылова рыбы. В результате

¹⁰ Воспоминания М.В. Пиккель // Рукопись из личного архива Т.Н. Ивановой. Архангельск, 2005. С. 95.

¹¹ Интервью с Угаровым Юрием Ивановичем, 1928 г. р., проходило по месту работы информанта по адресу: пр. Троицкий, 95 (колледж Культуры), каб. 104, 3 мая 2008 г., 10:35 – 11:25.

¹² Интервью с Варфоломеевым Львом Александровичем, 1926 г.р., проходило по месту жительства информанта 30 июля 2008 г.; 14:30 – 15:56.

летом 1942 года в сеть общественного питания стали поступать альтернативные пищевые ресурсы (тюлений жир, мясо морских птиц и животных, водоросли) (ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 7. Д. 1264. Л. 50), благодаря которым к середине 1943 года ситуация с продовольствием начинает улучшаться.

На основе местного сырья (шиповник, лесные и болотные ягоды, сосновый экстракт) архангельскими медицинскими работниками велись разработки по созданию лекарственных препаратов для лечения цинги, пеллагры, дистрофии, различных видов авитаминозов. Централизованный вылов рыбы был увеличен только в 1944 году в связи с освобождением советского Заполярья [21: с. 7].

К 1943 году ситуация с продовольствием в городе постепенно начинает улучшаться. Значительную роль сыграли альтернативные пищевые ресурсы, добытые в ходе научных разработок и экспедиций (тюлений жир, водоросли, морская птица). Кроме того, население города выработало определенные стратегии выживания в экстремальных условиях: от криминальных (воровство карточек, грабеж, мошенничество) и маргинальных (самоснабжение, черный рынок) до традиционных (обмен вещей на продовольствие и карточки). Вновь стали актуальны крестьянские навыки земледелия (создание огородов) и охоты (отстрел дичи), сбор лесных ягод и грибов. Исчерпав все доступные пищевые ресурсы, население города прибегло к употреблению в пищу домашних животных. По воспоминаниям очевидцев, к 1942 году в городе были съедены все кошки, собаки, вороны.

К 1943 году произошла определенная адаптация населения к условиям военной повседневности. Стратегии выживания, выработанные в данный период, существовали и ранее, в предшествующие кризисные периоды отечественной истории, но в годы Великой Отечественной войны они приобрели вид наиболее завершенный.

Как уже говорилось, только по официальной статистике (данным органов ЗАГС), за 1941 – 1944 годы от голода и болезней, связанных с ним, в городе умерло 38 тыс. жителей. Это не полная статистика смертности. До настоящего дня нет точных данных о количестве умерших в годы войны по другим причинам (например, в результате репрессий); кроме того, истинные причины смерти не всегда указывались в документах. Родственники и соседи по квартире часто стремились утаить в течение длительного времени смерть человека от голода с тем, чтобы использовать его продовольственные карточки. Учтены не все умершие в больницах, госпиталях, погибшие на улицах города во время бомбежек и затем захороненные в братских могилах горожане. Нет точных сведений о репрессированных в годы войны жителях города, а также погибших на строительстве оборонительных укреплений и ежедневной работе узников лагерей НКВД, труд которых широко применялся на промышленных предприятиях Архангельска и в порту в условиях дефицита кадров. Отсутствуют точные данные о количестве, а значит, и о смертности беспризорных и безнадзорных детей.

«Жизнью каждого пятого горожанина, умершего от голода и болезней, заплатил Архангельск за своевременно направленные на фронт ленд-лизские грузы, построенные и отремонтированные корабли, лес, целлюлозу, рыбу — все то, что

он мог дать стране. В те годы эта статистика воспринималась лишь как потери личного состава или контингента» [21: с. 3]. Задача историка сегодня — раскрыть за сухой отчетностью истории конкретных людей, живших в предельно обезличенной системе тоталитарного режима.

Литература

1. *Барашков Ю.А.* Арктические конвои в настроении Глена Миллера. Опыт коллективной памяти. Архангельск. 2000. 184 с.
2. Военно-историческая антропология: ежегодник. 2003/2004. М.: РОССПЭН, 2005. 466 с.
3. Война. Запечатленные дни 1941–1942. Дневники и документы. Архангельск: Правда Севера, 2005. 272 с.
4. *Грил Р.* «Слушайте их голоса»: два примера интерпретации устно-исторических интервью // Хрестоматия по устной истории / Автор введения, составитель и переводчик М.В. Лоскутова. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2003. С. 213–219.
5. Дорога на Смоленск. Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945 гг. М.: Прогресс, 1985. 469 с.
6. *Журавлев С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 364 с.
7. *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: «голоса из хора». М.: Изд-во ИФ РАН, 1996. 216 с.
8. *Коротаев В.И.* Проблема выживания военнопленных в советских лагерях. На примере лагеря № 211, 1944–1948 гг. // Вестник ПГУ. 2008. № 2. С. 11–18.
9. *Кринко Е.Ф.* Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 329–354.
10. *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
11. *Кром М.М.* Историческая антропология (пособие к лекционному курсу). СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2000. 80 с.
12. *Лютке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 72–86.
13. *Огарков А.М.* Крестьянская рыночно-базарная торговля на Севере в условиях Великой Отечественной войны. Архангельск: Правда Севера, 1995. 78 с.
14. *Осокина Е.А.* За фасадом сталинского изобилия: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
15. *Осокина Е.А.* О социальном иммунитете, или Критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: истоки и проблемы изучения: мат-лы междунар. конфер. (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 387–406.
16. *Осокина Е.А.* Кризис снабжения 1939–1941 годов в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 8–12.
17. *Пушкарева Н.* История повседневности // Энциклопедия «Кругосвет». URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/krugosvet/1/1010512.htm?text>.
18. *Санакина Т.А.* Документы Государственного архива Архангельской области о положении жителей области в годы Великой Отечественной войны // Защитники

отечества: мат-лы XIX региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2006. С. 217–221.

19. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX в: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 2004. 382 с.

20. *Сенявская Е.С.* «Потерянное поколение»: литературное клише и социально-психологические реалии // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2005. С. 365–381.

21. *Супрун М.Н.* Архангельск в войне 1941–1945 // Двина. 2004. № 1. С. 3–10.

22. *Супрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои 1941–1945 гг. М.: Андреевский флаг, 1997. 364 с.

23. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

24. *Юсупова Л.Н.* Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 345–352.

References

1. *Barashkov Yu.A.* Arkticheskie konvoi v nastroenii Glena Millera. Opy't kollektivnoj pamyati. Arxangel'sk. 2000. 184 s.

2. *Voenno-istoricheskaya antropologiya: ezhegodnik. 2003/2004.* М.: ROSSPE'N, 2005. 466 s.

3. *Vojna. Zapechatlenny'e dni 1941–1942. Dnevnik i dokumenty'.* Arxangel'sk: Pravda Severa, 2005. 272 s.

4. *Gril R.* «Slushajte ix golosa»: dva primera interpretacii ustno-istoricheskix interv'yu // Xrestomatiya po ustnoj istorii / Avtor vvedeniya, sostavitel' i perevodchik M.V. Loskutova. SPb.: Izd-vo EUSPb, 2003. S. 213–219.

5. *Doroga na Smolensk. Amerikanskije pisateli i zhurnalisty' o Velikoj Otechestvennoj vojne sovetskogo naroda 1941–1945 gg.* М.: Progress, 1985. 469 s.

6. *Zhuravlev S.V., Muxin M.Yu.* «Krepost' socializma»: Povsednevnost' i motivaciya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. М.: ROSSPE'N, 2004. 364 s.

7. *Kozlova N.N.* Gorizonty' povsednevnosti sovetskoj e'poxi: «golosa iz xora». М.: Izd-vo IF RAN, 1996. 216 s.

8. *Korotaev V.I.* Problema vy'zhivaniya voennoplenny'x v sovetskix lageryax. Na primere lagerya № 211, 1944–1948 gg. // Vestnik PGU. 2008. № 2. S. 11–18.

9. *Krinko E.F.* Okkupanty' i naselenie v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny': problemy' vzaimovospriyatija // Voenno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik. 2003/2004. М.: ROSSPE'N, 2005. S. 329–354.

10. *Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Xly'nina T.P.* Povsednevny'j mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-x gg.: zhizn' v usloviyax social'ny'x transformacij. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNCz RAN, 2011. 360 s.

11. *Krom M.M.* Istoricheskaya antropologiya (posobie k lekcionnomu kursu). SPb.: Izd-vo EUSPb, 2000. 80 s.

12. *Ljutke A.* Chto takoe istoriya povsednevnosti? Ee dostizheniya i perspektivy' v Germanii // Social'naya istoriya. Ezhegodnik. 1998/99. М., 1999. S. 72–86.

13. *Ogarkov A.M.* Krest'yanskaya ry'nochno-bazarnaya trgovlya na Severe v usloviyax Velikoj Otechestvennoj vojny'. Arxangel'sk: Pravda Severa, 1995. 78 s.

14. *Osokina E.A.* Za fasadom stalinskogo izobilya: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii. 1927–1941 gg. M.: ROSSPE'N, 1999. 271 s.
15. *Osokina E.A.* O social'nom immunitete, ili Kriticheskij vzglyad na koncepciyu passivnogo (povsednevnogo) soprotivleniya // Istoriya stalinizma: istoki i problemy' izucheniya: mat-ly' mezhdunar. konfer. (Moskva, 5–7 dekabrya 2008 g.). M.: ROSSPE'N, 2011. S. 387–406.
16. *Osokina E.A.* Krizis snabzheniya 1939–1941 godov v pis'max sovetskix lyudej // Voprosy' istorii. 1996. № 1. S. 8–12.
17. *Pushkareva N.* Istoriya povsednevnosti // E'nciklopediya «Krugosvet». URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/krugosvet/1/1010512.htm?text>.
18. *Sanakina T.A.* Dokumenty' Gosudarstvennogo arxiva Arxangel'skoj oblasti o polozhenii zhitelej oblasti v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' // Zashhitniki otechestva: mat-ly XIX regional'ny'x obshhestvenno-nauchny'x chtenij po voenno-istoricheskoj tematike. Arxangel'sk, 2006. S. 217–221.
19. *Senyavskaya E.S.* Psixologiya vojny' v XX v: istoricheskij opyt' Rossii. M.: ROSSPE'N, 2004. 382 s.
20. *Senyavskaya E.S.* «Poteryannoe pokolenie»: literaturnoe klishe i social'no-psixologicheskie realii // Voенно-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik. M.: ROSSPE'N, 2005. S. 365–381.
21. *Suprun M.N.* Arxangel'sk v vojne 1941–1945 // Dvina. 2004. № 1. S. 3–10.
22. *Suprun M.N.* Lend-liz i severny'e konvoi 1941–1945 gg. M.: Andreevskij flag, 1997. 364 s.
23. *Ficzpatrik Sh.* Povsednevny'j stalinizm. Social'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 1930-e gody': gorod. 2-e izd. M.: ROSSPE'N, 2008. 336 s.
24. *Yusupova L.N.* Voенное detstvo v pamyati pokoleniya, perezhivshogo okkupaciyu v Karelii // Voенно-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik. 2003/2004. M.: ROSSPE'N, 2005. S. 345–352.

E.V. Khatanzeiskaia

The Everyday Life in Arkhangelsk for the First Years of the Great Patriotic War: the Main Survival Strategies of the Population, the Starvation and Mortality during 1941–1942

The article considers the main problems of survival of the civil population during the Great Patriotic War on the example of everyday life of Soviet port city. Despite essential importance of Arkhangelsk during Second World War (the main port and transportation hub in the Russian North due to deliveries the Lend-Lease) the population of the city suffered greatly from starvation. In the first winter of war (1941–1942) about 19 000 people died from starvation and diseases out of 210 000 prewar population. The author analyses the living conditions of the population, the main causes of mortality, and sets herself to trace the processes of people's adaptation to the conditions of war everyday life. Only by 1943 necessary skills of survival were developed by city-dwellers. Nevertheless, losses of civilian population were enormous: according to official statistics (data of registry office) 38 000 inhabitants of Arkhangelsk died during 1941–1944, i. e. every 1/5th inhabitant of prewar city.

Keywords: military-historical anthropology; the history of everyday life; oral history; survival; mortality; the Great Patriotic War.

С.М. Крыкин

Греческий эмпорий среди фракийских земель?

В центре Болгарии у городков Септември и Ветрен якобы открыт античный эмпорий Пистирос. Один Пистирос давно известен на берегу Эгейского моря, а теперь уже четверть века ведутся раскопки другого, посреди фракийских территорий. Текст договора жителей Пистироса с вождями фракийцев убеждает, что стела происходит из Маронеи или близ нее. Болгарский «Пистирос» — ошибка группы ученых.

Ключевые слова: Пистирос; эмпорий; Эгеида; Фракия; Фасос; Маронея.

В 1988 году в Пловдивской области Болгарии между городками Септември и Ветрен польский археолог Мечислав Домарадски начал раскопки древнего городища. Спустя два года он поразил научную общественность Балкан информацией о находке уникального эпиграфического памятника — каменной стелы с текстом договора на греческом языке предположительно середины IV в. до н. э. Очень скоро оформилось представление, будто М. Домарадски открыл в нескольких сотнях километров от Эгейского моря руины античного эмпория Пистирос. Там будто бы местные жители при участии представителей Маронеи и Фасоса пожелали письменно узаконить отношения с фракийской племенной верхушкой в лице одного из трех преемников последнего великого правителя Одрисской Фракии Котиса I, убитого в 359 г. до н. э. при загадочных обстоятельствах, — предположительно, но не бесспорно, Аматока [16: № 5557 ter. P. XLIII–XLIV, 244]. При участии известного болгарского антиковеда Велзара Велкова текст договора преемника Котиса Первого с эмпоритами был переведен и подробно разобран [9: с. 75–87], потому, вероятно, в знаменитом корпусе Г. Михайлова IGBR (*Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae*) не содержится особых корректив к толкованию текста договора.

Итак, в 1990 году, на третий год раскопок, недалеко от села (с 2003 года — городка) Ветрен Пловдивской области Болгарии была найдена стела с текстом договора середины IV в. до н. э. на греческом языке. Авторы публикации предположили даже существование некогда билингвы, но сохранился будто бы только греческий вариант.

1 [.....] ικι (?)
 [.....] δεννυ..η (?) ει δε
 [.....ομνυτ]ω τον Διονυσογ και
 [.....] οφειλετω ο τι αν δε τις των
 5 [εμπ]οριτεων επικαληι ο ετερος τ-
 [τω ε]τερωι κρινεσθαι αυτους επι τ-
 [οις] συγγενεσι και οσα οφειλετα[ι]
 τοις εμποριταις παρα τοις Θραιξ-
 [ι]ν, τουτωγ χρεων αποκοπας μη
 10 ποιειγ γηγ και βοσκηγ οσην εχουσ-
 ιν εμποριται, ταοτα μη αφαιρει-
 [σθ]αι επαυλιστας μη πεμπειν το-
 [ις] εμποριταις φρουρημ μηδεμιαν
 εις Πιστιρον καταστεσαι μητε α-
 15 [οτ]ομ μητε αλλωι επιτρεπειν
 [κλ]ηρους Πιστιρενωμ μη αλλ-
 [ασσ]ειμ μηδε αλλωι επιτρεπειν
 [τα] των εμποριτεωμ μηδε αιρε-
 [σθ]αι μητε αοτομ μητ[ε το]υς ε-
 20 [αυτ]ου τελεα κατα τας οδους
 μη πρεσσειν, οσα εις Μαρωνεα[ν]
 [αισ]αγεται εκ Πιστιρου η εκ των ε-
 [μ]ποριων η γ Μαρωνειης εις Πιστ-
 [ιρ]ον η τα εμπορια Βελανα Πρασε-
 25 [ω]ν τους εμποριτας τας
 [..] και ανοιγειν και κλειειν αμα
 [καθ]απερ και επι Κοτυος ανδρα Μ-
 [αρω]νιτην ου δησω ουδε αποκτ-
 [ενε]ω ουδε αφαιρησομαι χρημα-
 30[τα] ουτε ζωντος ουτε αποθανον-
 [τος] ουτε αυτος ουτε των εμων
 [ου]δεις ουδε Απολλωνητεων, ουδ-
 [ε] Θασιων, οσοι εμ Πιστιρωι εισι[ν],
 [ου]τε αποκτενεω ουδενα, ουτε
 35 [δησω] ουτε αφαιρησομαι χρημα-
 [τα ουτε] ζωντος ουτε αποθανο-
 [ντος ουτε] αυτος ουτε των εμων
 [ου]δεις ει τις] των οικητορων
 [.....] των ου ο εμπορ-
 40 [.....]ον εισιν αμ-
 [.....]ν εαμ μη αμ-
 [.....]ις αδικηι το-
 [διν.....] τε ευωαλλα (?)
 [... αναδο-? αποδο?]χευς την επ-?
 45 [.....]δι εκαστ]ου ενιαυτου
 [.....]α?

Начатый клятвой именем Диониса, декрет сохранил ряд интересных положений.

«Если один из эмпоритов обвинит другого, то судиться им друг с другом у своих родственников, и если что-то задолжали эмпориты у фракийцев (παρά τοις Θραιξί[ι]ν), то отмене этих долгов не бывать».

«Земля и пастбища, которые принадлежат эмпоритам (γῆν καὶ βοσκήν ὅσῃν ἔχουσιν ἔμποριται) — это не подлежит отнятию».

«Эпаулистов (ἐπαυλιστάς) не посылать к эмпоритам».

«Не назначать никакой гарнизон в Пистирос».

«Клеры пистиренцев не обменивать и не поручать другому лицу».

«Собственность эмпоритов не отнимать ни самому (правителю), ни его людям».

«Не взимать пошлины на дорогах, которые ведут к Маронее от Пистироса и от эмпориев или из Маронеи к Пистиросу и в Беланские эмпории прасенов».

«Эмпоритам открывать и закрывать повозки».

«Одновременно и как при Котисе: мужа маронейского (ни одного) ни повяжу, ни убью, ни лишу имущества, причем ни при жизни, ни после его смерти, и ни я сам и никто из моих людей» — это касается и аполлонийцев, и фассосцев.

Текст договора преемника Котиса I с жителями Пистироса убедительно прочтен и разобран болгарскими антиковедами, но при этом даже их предварительные комментарии содержат немало интересного. Казалось бы, действительно эмпорий Пистирос был основан в глубине фракийских земель в последней четверти V в. до н. э. И весьма важным является признание того факта, что в 336 г. до н. э. во время карательного похода армии Александра против трибаллов в одном из ущелий Хемуса македонян попытались задержать «множество эмпоритов и независимых фракийцев», как о том писал спустя века Флавий Арриан (Anab. I, 1, 6). Издатели переводов Арриана сошлись было во мнении, что слово ἔμποριων (вообще-то однозначно переводится как «торговцев») являлось *corruptela* от ἐγχορίων — «туземцев». Кстати, в русском переводе М.Е. Сергеевко [1: с. 50] предложено близкое по контексту определение «горцев». Арриан повествует, что горцы намеревались неожиданно спустить с круч на проходивших воинов Александра свои многочисленные повозки и безуспешно осуществили свою затею. Может, среди них были и упомянутые в тексте договора упряжки (асс. — τὰς ἀμαξί[ας]) эмпоритов? Но эмпоры — «торговцы», уже не эмпориты — цена недостающей греческой «тау».

Слово «эпаулисты» без истолкования Г. Михайлов просто характеризовал как *hарах* [16: р. XLIV], а В. Велков и Л. Домарадска [9: с. 81–82] сочли его производным от ἐπαυλος — «хлеб, кошара, жилище», и ситуацию трактуют весьма своеобразно. Эсхил наблюдал фракийские села, оказавшись под командованием Кимона в 475 г. до н. э. в низовьях Струмы. В трагедии «Персы» (Aisch. Pers. 869) он так называет, вполне возможно, неукрепленные селища фракийцев,

состоявшие из дворищ, — с домами хозяев и хлевами для скота. И, таким образом, преемник Котиса якобы обязался эпаулистов к эмпоритам не подселать, а просто «не посылать». Почему-то забылся выделенный Д.П. Димитровым *ἐπαύλιον* [11: с. 690]. В раннеэллинистическую эпоху укрепленные поселения (*κῶμαι ἢ ἐπαύλια*) отмечены в малоазийской Ионии. По данным Полибия (IV, 4, 1), эпаулион близ Мессены на Пелопоннесе был взят штурмом с применением лестниц. В общем, термин явно обозначал укрепленную виллу, служившую, при необходимости, и резиденцией. У одрисских царей резиденции долгое время замещали подобия малоазийских «башен» (*πύργος* или же *τύρσις*) [11: с. 583–702], наблюдавшиеся Ксенофонтом и его товарищами. Представляется, что у самих фракийцев важным и значимым было понятие *αὐλή* — с греч. «двор, зал», но даже, вероятно, и «дворец». Болгарские преемники горных фракийских скотоводов кое-где сохранили донныне это греческое по происхождению слово для обозначения своих хлевов [8: с. 299–303] — но это нынешний курьез, не более того. Может быть, открытие договора из Пистироса свидетельствует о наименовании царской резиденции Одрисов термином «эпаулион»?

Полагаю, что в тексте договора эпаулистами названы обитатели царской «ставки», служившие и охраной, и функционерами примитивного одрисского «государственного аппарата». Среди гарантий полной автономии эмпория Пистирос оговаривался и важнейший момент — невмешательство царской администрации во внутренние дела колонистов.

Казалось бы, четверть века идут раскопки уникального археологического объекта площадью до 25 га — античного анклава в глубине варварских фракийских территорий, и с Пистиросом можно бы ознакомить и отечественную науку. Автор этих строк уже многократно упоминал и рассматривал Пистирос как уникальный эллинский эмпорий в глубине фракийских земель [2–6]. Однако на болгарском портале <http://www.abv.bg/> появился блог (<http://dimitardeliyski.blog.bg/technology/2010/12/07/quot-emporion-pistiros-quot-ne-e-emporion-pistiros.646877>) скромного бывшего учителя Димитра Делийского, родом из Септември — то есть практически с места открытия стелы с договором. Благодаря его наблюдениям и убедительным доводам, сами болгарские специалисты начали проявлять скепсис в правильности локализации Пистироса в центре фракийских территорий, вдали от Эгеиды (<http://www.bulgariancastles.com/bg/kreposti-emporion-pistiros>). Дело еще в том, что американская исследовательница из университета в Кенйон Дженнифер Е. Джонстон первой решилась высказать сомнения в правомерности такой локализации (http://classics.kenyon.edu/symposium/Jennifer%20E_%20Johnston.htm) еще в 1990 году на симпозиуме в Кливленде. Замечать это ученые из ЕС не пожелали. Однако в поддержку Дж.Е. Джонстон еще более жестко и определенно выступила другая американка, специалист по античной археологии, на сей раз из Мичиганского университета — Денизе Деметриу [14].

Американские антиковеды интересовались местом и ролью реального древнегреческого Пистироса, известного еще Геродоту (VII, 109): пройдя устье

Нестоса, Ксеркс миновал и город у небольшого (около 30 стадиев) соленого озера — городок Πίστυρος располагался на пути вдоль берега к острову Фасос. Не очень далеко располагались Маронея и Абдеры. Следом Геродот (VII, 110) упомянул фракийские племена, через чьи территории продвигались персидские войска — петов, киконов, бистонов, сапеев, дерсеев, эдонов и сатров. Далее следует очень важный пассаж о сатрах (Hdt. VII, 111) — родопских горцах, опекавших знаменитый в древности оракул Диониса, при котором бессы служили жрецами. Βησσοί — тогда еще один из родов сатров, а позднее этот этноним охватил всех сатров, потом целый бесский племенной союз, а в позднеримскую эпоху даже вытеснил этникон «фракийцы» (Thracēs) [7: с. 33–34; 12: с. 24–26]. Руины этого древнего комплекса в Восточных Родопах в урочище Перперек (Перперикон) в 15 км от нынешнего города Кырджали будто бы выявил болгарский археолог Николай Д. Овчаров (см. научную презентацию Перперикона <http://www.perperikon.bg/>). Но рассмотрение особенностей этого памятника не входит в задачи данной публикации, хотя и насчет открытия этого феномена болгарской археологии тоже имеются вопросы.

Соседство Пистироса и фракийцев не вызывает сомнений насчет вероятности подчиненного статуса этого полиса верхушке фракийского мира в лице правившей династии Одрисов, собравшей под своей властью большинство фракийских племен (но не всех — имея в виду тех же сатров-бессов). Давно замечено было [13: S. 370], что Пистирос, например, был известен лексикографу Стефану Византийскому (524, 11 и 171, 6), причем название в двух формах — Πίστυρος/Βίστυρος и с оговоркой, что это был эмпорий во Фракии и пистириты — таков был этникон поселенцев. Уточню, что древняя Фракия занимала территорию не только нынешней Болгарии, но и всю европейскую часть нынешней Турции и практически весь север Греции. Геродот будто бы допускал форму не Пистюрос, а Писюрос. Почему вероятны эти расхождения? Казалось бы, греческая этимология от πιστός — «верный» [10: с. 67, 99] едва ли смущает. Однако даже в Северном Причерноморье выявлены, вероятно фракийские же по происхождению, PN Βιστής и Πίστους [7: с. 34–35], не слишком далеко расселялись упомянутые Геродотом (VII, 110) Βίστωνες. Бистоны, кстати, жили не только по берегам Бистонского озера, но и в эпоху Великой греческой колонизации с востока соседнили с территорией будущего эмпория Пистирос [12: с. 27–28 и Атлас, с. 33–34, карты 13 и 14]. Ничуть не странно, что топоним Пистирос давно уже рассматривался как фракийский по происхождению [17: Pars II, 2, S. 65]. Пистирос находился на побережье напротив Фасоса, Маронея располагалась недалеко восточнее, Аполлония — западнее. Все эти полисы упомянуты в тексте договора, но кроме них еще один, так и не разгаданный мэтрами античной эпиграфики и археологами.

И вот Д. Делийски находит оригинальное истолкование упомянутых в тексте τα ἐμπόρια Βελανα Πρασε[.ω]υ. Беланские прасены остались загадкой, разве что вспоминается упомянутое Геродотом (V, 15–16) Прасиадское озеро, где

жили пеоны. Поскольку речь в договоре идет об эмпориях беланских прасенов, то прасенами блогер считает ахеменидских индийцев (или азиатов вообще), а Белан — древний сирийский город на пути из Халеба (нын. Алеппо) в финикийский порт Мариандус, вблизи судоходных рек Оронт и Африн. Этими эмпоритами Д. Делийски считает финикийцев из Мариандуса. Давние связи Маронеи с финикийцами освящены еще Гомером, златотканые изделия из Халеба вполне могли поступать вплоть до Фракии — через Маронею весьма вероятно.

У блогера Д. Делийского нашелся еще один железный аргумент. Даже у Г. Михайлова [16: р. XLIII] текст договора выбит на стеле из сиенита, тогда как на самом деле стела изготовлена из гранита, причем не характерного для Фракии, а, весьма вероятно, именно для района Маронеи. Нечто большее — будто сама Маронея сооружена из такого гранита. Экспедиционная поездка болгарских блогеров Г. Йонова и Д. Делийского оказалась огорчительной по результатам — скалы вокруг гомеровских Исмары и Маронеи оказались из сиенита, тогда как граниты должны бы логически располагаться глубже, под ними, и могли добываться на береговой полосе в эпохи до наступления моря (трансгрессии).

Псевдо-Пистирос на берегу Марицы (*греч.* Хеброс) был построен тоже именно из сиенита, взятого из каменоломен в 5 км от него — привозить туда за 400 км гранитную каменную заготовку стелы (все-таки не благородный и дорогой мрамор!) представляется очень странным действием. Но самое интересное, что детально пистиросский договор был открыт в 1990 году не в том месте, а в нескольких километрах, на руинах римского городища (путевой станции) Бона мансио в местности Ассардере, построенного из ломаного камня, причем отнюдь не сиенита. М. Домарадски предположил, что стела была перевезена позднее — когда «Пистирос» был разгромлен и оставлен в кельтский (галатский) период истории Фракии, то есть в III в. до н. э., — и, вероятно, вторично использована.

Много лет назад Г. Михайлов не ведал о существовании двух разновременных городищ между Ветреном и Септември, и в результате несколько эпиграфических памятников [15: № 1067–1072, р. 102–104] оказались приписаны к городищу Лиссе мансио (та же Бона мансио — *Lisse mansion, Vona mansion*, позднее *Βονομάσιον*). Но если надписи № 1069–1072 относятся к римскому времени, то два известняковых надгробия IV–III вв. до н. э., под которыми упокоились Дионисий (*Διονύσιος Διοτρέφεος*) и некий неведомый аполлониа́т (*Ἀπολλωνιάτης*), найденные у Ветрена, М. Домарадски приписал к «Пистиросу», будто бы выявил (по специфике антропонима) захоронение маронейца. Между тем почивший аполлониа́т мог появиться в глубине фракийских земель из полиса не с побережья Эгеиды, а из совсем другой Аполлонии — с территории нынешнего болгарского города Созополя на берегу Понта Евксинского.

Блогер Д. Делийски оказывается прав, когда пишет, что городище на берегу Марицы в местности «Аджийската воденица» едва ли имеет право именоваться Пистиросом. Ольвий было несколько, Аполлоний — тоже, но едва ли городища с негреческим названием могли дублироваться по названию. М. Домарадски впервые предположил такое, причем крайне неубедительно. Стела с договором была обнаружена в трех километрах севернее, на руинах римского объекта Вономасион (Бона мансио), появившегося на месте древнего фракийского селища, существовавшего в целой системе селищ и культовых центров собственно фракийцев. Псевдо-Пистирос по своей площади по прикидкам вдвое превосходит фракийский «царский город» Севтополис, или Фасос, но совместим с Маронеей. Дальнейшие исследования, возможно, еще обнаружат там общие черты с упомянутым Севтополем или же с другим фракийским «царским городом» — Кабиле. Считать его чужеродным по происхождению эмпорием оснований практически нет, что и предстоит еще признать, особенно изучающим «Пистирос» археологам, как болгарским, так и из стран ЕС.

Стела с текстом договора по Пистиросу и сопредельным территориям Эгеиды могла попасть в Асарджик, на римскую станцию Бона мансио, не с соседнего городища, как полагал М. Домарадски. Д. Делийски предположил что она оказалась там в IX веке в эпоху болгарского хана Пресияна, завладевшего побережьем Беломорья (так болгары и поныне называют Эгеиду) и вывезшего в качестве трофеев немало греческих эпиграфических памятников в глубь своей страны — в частности, в столичные Плиску и Велико Тырново.

Сторонником теории существования двух античных Пистиросов не могу себя считать — негативная аргументация явно сильнее.

Литература

1. *Арриан*. Поход Александра. М.: Миф, 1993. 272 с.
2. *Крыкин С.М.* Держава Одрисов: базис ранней «варварской» государственности // Вестник МГПУ. 2008. № 2. С. 74–88.
3. *Крыкин С.М.* Древняя Фракия. Особенности развития и следы в истории. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 313 с.
4. *Крыкин С.М.* Основы хозяйственно-экономической деятельности южных фракийцев // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XII. Москва – Магнитогорск, 2002. С. 114–121.
5. *Крыкин С.М.* Протогород, протогосударство, протоцивилизация? // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVI/1. Москва – Магнитогорск, 2006. С. 225–243.
6. *Крыкин С.М.* Спартак: версии о его происхождении (научный подход вразрез с литературно-легендарным) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2007. С. 66–80.
7. *Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей, 1993. 332 с.

8. *Вакарелски Хр.* Етнография на България. София, 1974. 797 с.
9. *Велков В., Домарадска Л.* Котис I (383/2–359) и емпорий Пистирос в Тракия // Домарадски М. Трако-гръцки търговски отношения (Емпорион Пистирос. Т.1). Пазарджик, 1995. С. 75–87.
10. *Георгиев Вл.* Траките и техният език. София: Издателство на БАН, 1977. 348 с.
11. *Димитров Д.П.* За укрепените вили и резиденции у траките в предримската епоха // Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958. С. 683–702.
12. *Фол А., Спиридонов Т.* Историческа география на тракийските племена до III в. пр.н.е. София: Издателство на БАН, 1983. 187 с. и Атлас (110 с.).
13. *Demetriou D.* Pistiros and a North Aegean Trade Network // *L'Antiquite Classique*. T. LXXIX. Bruxelles, 2010. P. 77–93.
14. *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Auflage 2. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. 584 S.
15. *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae (IGBR). Vol. III, pars 1. Sofia, 1961. + Tabl.
16. *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae (IGBR). Vol. V. Sofia, 1997. 495 p. + Tabl.
17. *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Auflage 2. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. 130 + 70 + 103 S.

References

1. *Arrian.* Poxod Aleksandra. M.: Mif, 1993. 272 s.
2. *Kry'kin S.M.* Derzhava Odrisov: bazis rannej «varvarskoj» gosudarstvennosti // *Vestnik MGPU*. 2008. № 2. S. 74–88.
3. *Kry'kin S.M.* Drevnyaya Frakiya. Osobennosti razvitiya i sledy' v istorii. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 313 s.
4. *Kry'kin S.M.* Osnovy' xozyajstvenno-e'konomicheskoy deyatel'nosti yuzhny'x frakijcev // *Problemy' istorii, filologii i kul'tury'*. Vy'p. XII. Moskva – Magnitogorsk, 2002. S. 114–121.
5. *Kry'kin S.M.* Protogorod, protogosudarstvo, protocivilizaciya? // *Problemy' istorii, filologii, kul'tury'*. Vy'p. XVI/1. Moskva – Magnitogorsk, 2006. S. 225–243.
6. *Kry'kin S.M.* Spartak: versii o ego proisxozhdenii (nauchny'j podxod vrazrez s literaturno-legendarny'm) // *Problemy' istorii, filologii, kul'tury'*. Vy'p. XVII. Moskva – Magnitogorsk – Novosibirsk, 2007. S. 66–80.
7. *Kry'kin S.M.* Frakijczy' v antichnom Severnom Prichernomor'e. M.: Prometej, 1993. 332 s.
8. *Vakarelski Xr.* Etnografiya na B'lgariya. Sofiya, 1974. 797 s.
9. *Velkov V., Domaradska L.* Kotis I (383/2–359) i emporij Pistiros v Trakiya // *Domaradski M.* Trako-gr'czki t'rgovski otnosheniya (Emporion Pistiros. T.1). Pazardzhik, 1995. S. 75–87.
10. *Georgiev Vl.* Trakite i texniyat ezik. Sofiya: Izdatelstvo na BAN, 1977. 348 s.
11. *Dimitrov D.P.* Za ukrepenite vili i rezidencii u trakite v predrimskata epoxa // *Izslედvaniya v chest na akad. D. Dechev*. Sofiya, 1958. S. 683–702.
12. *Fol A., Spiridonov T.* Istoricheska geografiya na trakijskite plemena do III v. pr.n.e. Sofiya: Izdatelstvo na BAN, 1983. 187 s. i Atlas (110 s.).

13. *Demetriou D.* Pistiros and a North Aegean Trade Network // *L'Antiquite Classique*. T. LXXIX. Bruxelles, 2010. P. 77–93.
14. *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Auflage 2. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. 584 S.
15. *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae (IGBR). Vol. III, pars 1. Sofia, 1961. + Tabl.
16. *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae (IGBR). Vol. V. Sofia, 1997. 495 p. + Tabl.
17. *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Auflage 2. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. 130 + 70 + 103 S.

S.M. Krykin

Greek Emporium in the Middle of Thracians Territories?

In the centre of Bulgaria close to towns Septemvry and Vetren an antique emporium Pistiros is supposedly discovered. One Pistiros on the beach of Aegean Sea has been known for quite a long time. Nowadays excavations of another city Pistiros which is situated in the middle of Thracian territories has being already carried out for a quarter of the century. Text of the treaty of residents of Pistiros with the Thracian leaders proves that stele came from Maroneia or the places close to it. Bulgarian city “Pistiros” is a group of scientists’ mistake.

Keywords: Pistiros; emporium; Aegean Sea; Thracia; Thasos; Maroneia.

С.В. Аверин

Индийская армия в битве за Эль-Аламейн (июль – ноябрь 1942 года)

В статье исследуется участие индийских войск в составе британской армии в битве у Эль-Аламейна. Автор определяет роль Индии в решающем сражении на Североафриканском фронте Второй мировой войны.

Ключевые слова: Эль-Аламейн; танковая армия «Африка»; 8-я армия; индийская бригада.

В отечественной исторической науке тема участия Индии во Второй мировой войне на стороне государств Антигитлеровской коалиции малоизвестна. Основное внимание индологов, занимавшихся периодом 1939–1945 годов, привлечено к другим важным темам истории страны – развитию национально-освободительного движения, деятельности ведущих политических партий и другим проблемам ее внутривнутриполитического положения. Однако следует отметить, что во многих важных сражениях Второй мировой войны Индия принимала активное участие и внесла свой вклад в победу Антигитлеровской коалиции. Не стала исключением и битва за Эль-Аламейн — оборонительную линию, названную в честь располагавшейся поблизости железнодорожной станции. Эта битва стала для западных союзников переломным моментом в войне на Североафриканском фронте. В данной статье целью является показать, как использовалась индийская армия в этой важнейшей битве Второй мировой войны.

В конце июня 1942 года итало-германская танковая армия «Африка» под командованием генерал-фельдмаршала Э. Роммеля вступила на территорию Египта и заставила отступить войска 8-й британской армии генерала К. Окенлека к оборонительной линии Эль-Аламейн, которая служила последним препятствием на пути итало-германских войск к Каиру, Александрии и Суэцкому каналу. Данный оборонительный рубеж укреплялся в течение года и состоял из нескольких опорных пунктов, протянувшихся примерно на 60 км. На севере он примыкал к морю, а на юге — к впадине Каттара, становясь таким образом непроходимым для техники [15: с. 254].

К началу битвы при Эль-Аламейне значительную часть 8-й британской армии составляли войска из стран ее колониальной империи: Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и Индии [13: с. 21]. Эта армия состояла из трех

корпусов: 10, 13 и 30. 10-й корпус прибыл из Сирии в конце июня 1942 года. В состав этого корпуса входила 10-я индийская дивизия. Корпус оказался не готов к ближайшим сражениям и оставался в дельте Нила. 13-й корпус, куда входила 5-я индийская дивизия, занял оборону в южной части оборонительного рубежа, 30-й корпус удерживал северную часть. Внешняя линия обороны состояла из четырех опорных пунктов. Северный укрепленный пункт у побережья, где находилась железнодорожная станция Эль-Аламейн, занимала 1-я южноафриканская дивизия. Южнее располагалась 18-я индийская бригада. Она недавно прибыла в Африку и, войдя в подчинение 1-й южноафриканской дивизии, заняла позицию у опорного пункта Дер-эль-Шейн. Еще южнее располагался укрепленный пункт Баб-эль-Каттара (в немецких источниках этот пункт называется Карет-эль-Абд), обороняемый 6-й новозеландской бригадой. Самый южный участок у Накб-эль-Двейс обороняла 9-я бригада 5-й индийской дивизии [4: с. 21]. До сентября 1942 года индийские войска не были единым целым в составе 8-й армии. Многие ее подразделения действовали разрозненно, переходя в подчинение разных дивизий британской армии.

План Роммеля по прорыву Эль-Аламейнского рубежа заключался в проведении атак одновременно по всей оборонительной линии в обход опорных пунктов. Предполагалось, что 90-я легкая дивизия обойдет оборонительный пункт у железнодорожной станции Эль-Аламейн, где находилась 1-я южноафриканская дивизия. Вместе с 21-м итальянским корпусом она должна была заняться его ликвидацией. 15-я и 21-я танковые дивизии должны были прорваться в районе хребта Рувейсат, а 20-й итальянский корпус — у Баб-эль-Каттара. Далее по плану войска армии Роммеля могли выйти в тыл 8-й армии. В последующем это привело бы к крушению всей обороны у Эль-Аламейна [6: с. 199]. Однако немецкий командующий просчитался.

Начавшееся 1 июля 1942 года наступление не принесло итало-германским войскам заметных успехов. Индийские войска в этот день приняли на себя основной удар. Немецкая разведка не выявила существование опорного пункта в Дейр-эль-Шейн. Вместо него на несколько километров западнее по плану должен был находиться пункт Дейр-эль-Абьяд. Роммель решил атаковать позиции 18-й индийской бригады у Дер-эль-Шейн. Бригада подверглась удару танковых дивизий Африканского корпуса и в 19:00 была разгромлена. По данным из дневника Роммеля, было взято в плен 2 тыс. индийских солдат, уничтожено и захвачено 30 единиц вооружения [15: с. 246]. При этом и немецкие дивизии понесли большие потери в танках от артиллерийского огня. По данным немецкого штабного офицера Ф. Меллентина, было потеряно 18 из 55 танков [6: с. 199]. Взятие Дер-эль-Шейн открывало армии Роммеля путь на хребет Рувейсат — возвышенность, контроль над которой гарантировал дальнейший успех всей операции.

На других направлениях танковая армия «Африка» не сумела продвинуться. 90-я легкая дивизия пыталась обойти оборонительный пункт Эль-Аламейн,

но была остановлена сначала песчаной бурей, а затем огнем южноафриканских бригад [4: с. 21]. 2 июля 1942 года Роммель сосредоточил внимание на наступлении Африканского корпуса от пункта Дер-эль-Шейн дальше на восток к хребту Рувейсат. Мобильная колонна «Робкол», сформированная из 18-й индийской бригады, пыталась сдержать продвижение Африканского корпуса. 3 июля к ней присоединились танковые дивизии [14: с. 72]. В районе хребта Рувейсат произошли танковые бои. Танковые дивизии африканского корпуса были остановлены, но и 8-я армия не смогла отбить у противника захваченную территорию.

Командующий 8-й армией К. Окинлек в сложившейся обстановке пытался силами 13-го корпуса нанести удар с южной стороны во фланг противника, ослабив натиск на северный участок фронта. В наступлении 3 июля 1942 года в направлении хребта Рувейсат и Эль-Мрейр участвовали 5-я индийская и 2-я новозеландская дивизия. Они заставили отступить итальянскую дивизию «Ариете», которая понесла большие потери, лишившись артиллерии и почти всех танков [5: с. 129]. 5-я индийская дивизия вышла к Дер-эль-Шейн. Из-за нехватки достаточного количества войск наступление остановилось.

Каких-либо значимых успехов в ходе усилий 8-й армии в первые дни июля 1942 года достигнуто не было. Главным результатом стало то, что Роммель остановил измотанные после непрерывных сражений войска. 8-я армия получила дополнительное время, чтобы накопить достаточно сил и выдержать натиск армии Роммеля, а затем разгромить итало-германскую группировку [12]. В начале июля 1942 года из частей 5-й индийской дивизии и других дивизий, занимавших опорные пункты, были сформированы 3 мобильные колонны: «Лангкол», «Гликол» и «Скоткол». «Лангкол» направилась к Джебель Химерсайт и имела задачей ослабление противника, уничтожая его незащищенный транспорт и позиции артиллерии. Как и раньше, эта колонна использовала артиллерийские орудия, охраняемые пехотой. «Лангкол» смогла определить позиции танков и транспорта противника и вела по ним огонь. 5 июля она присоединилась к остаткам 2-го батальона западно-йоркширского полка 9-й индийской бригады.

После 3 июля 1942 года план командования 8-й армии оставался приблизительно таким же, как и был, — держать оборону силами 30-го корпуса на севере, а 13-м корпусом на юге наносить удар по флангам противника. Германская служба перехвата 4 июля знала о намерениях командования 8-й армии и отвела 21-ю танковую дивизию назад для возможной контратаки в случае попытки 8-й армии нанести удар во фланг силами 13-го корпуса [4: с. 22].

4–9 июля 1942 года происходили лишь небольшие столкновения, особенностью которых была нерешительность английского командования из-за осведомленности противника о его планах.

Командующий 8-й армией К. Окинлек решил перехватить инициативу и начать наступление силами 30-го корпуса из северной части оборонительного рубежа. Он без боя оставил пункт Баб-эль-Каттара и перебросил на северный участок

высвободившиеся войска [4: с. 23]. 10 июля 9-я австралийская и 1-я южноафриканская дивизии атаковали итальянские позиции из оборонительного пункта Эль-Аламейн. Они овладели пунктами Тел-эль-Ейза и Тель-эль-Маххаде к западу от Эль-Аламейна, а 13 июля отбили атаки Африканского корпуса на опорный пункт Эль-Аламейн. С 14 июля 1942 года 2-я новозеландская, 1-я бронетанковая и 5-я индийская дивизии вели бои против итало-германских войск за хребет Рувесайт. В индийской дивизии главная роль была отведена 5-й индийской бригаде. Эта бригада была переформирована и заняла один из районов западной части хребта Рувейсат. Ей поручалось продолжить действия по изматыванию сил противника. Вместе со 2-й новозеландской дивизией 5-я индийская бригада должна была овладеть восточной частью хребта Рувейсат. Их задача заключалась в прорыве обороны противника на центральном участке фронта и овладении высотами 63 и 64. 4-й батальон 6-го полка и 3-й батальон 10-го белуджского полка в ходе ночной атаки прорвали позиции двух батальонов итальянской дивизии «Брешиа» и взяли около 1000 пленных [14: с. 73]. Эти войска заняли высоту 64 восточной части хребта Рувейсат и достигли опорного пункта Дер-эль-Шейн. 15 июля 1942 года 15-я танковая дивизия контратаковала, нанеся большой урон 2-й новозеландской дивизии. Однако отбросить индийские войска немецкая дивизия не смогла [12].

17 июля 1942 года в бой за хребет Рувейсат включился 2 батальон западно-йоркширского полка 9-й индийской бригады 5-й индийской дивизии. Его цель заключалась в продолжении захвата ключевых высот хребта Рувейсат. Батальон, имея небольшую численность, но хорошую поддержку артиллерии, двигался вдоль южных и северных склонов хребта. Он прошел через позиции 5-й индийской бригады и, практически не встретив сопротивления, сумел занять высоту 63. Несколько дней этот батальон удерживал высоту, пока не потерял почти весь свой личный состав. 20 июля 1942 года 2-й батальон западно-йоркширского полка был заменен 1-м батальоном 4-го эссекского полка 5-й индийской бригады [12].

В конце июля 1942 года сражения за хребет Рувейсат и овладение пунктом Дер-эль-Шейн продолжились. 20 июля 1942 года в состав 5-й дивизии вошла 161-я моторизованная бригада. Она состояла из 1-го батальона 1-го пенджабского полка, 3-го батальона 7-го раджпутского полка и 1-го батальона 2-го пенджабского полка. 22 июля вместе с 6-й новозеландской бригадой 2-й новозеландской дивизии 161-я бригада вновь попыталась прорвать оборону противника на центральном участке фронта. В этот прорыв предполагалось введение 23-й бронетанковой бригады, что позволило бы в дальнейшем ослабить противника, нарушив его коммуникации. Новозеландцы двигались в направлении впадины Эль-Мрейр, а индийцы вдоль хребта Рувесайт. Им противостояли итальянская дивизия «Брешиа» и 21-я немецкая танковая дивизия [13: с. 44]. Для индийской армии эта операция оказалась неудачной. Сначала индийская бригада успешно преодолевали сопротивление противника и осуществляла поддержку новозеландским войскам

при преодолении минного поля. Однако отвлечение на разминирование позволило немецким войскам провести контрнаступление. Продвижение 161-й бригады, 6-й новозеландской бригады и последовавшей за ними 23-й бронетанковой бригады было быстро остановлено войсками Африканского корпуса, намеченных целей достигнуть не удалось [15: с. 258]. Наступление завершилось разгромом 6-й новозеландской бригады, а затем и 23-й бронетанковой бригады. Главным образом это было связано с отсутствием взаимодействия между пехотными и танковыми войсками в этой операции. В результате чего они оказались не готовы к контрударам немецких войск.

Батальон 161-й индийской бригады пытался захватить Дер-эль-Шейн, но был быстро разгромлен. Была захвачена лишь небольшая часть местности, которую можно было использовать для следующего наступления.

22 июля 1942 года командование 8-й армии решило продолжить наступление с целью овладения хребтом Рувейсат. Для этого предполагалось использовать 9-ю бригаду Флетчера, состоящую из двух батальонов – 3-го батальона 14-го пенджабского полка и 2-го батальона западно-йоркширского полка. Бригада должна была в ходе ночной операции овладеть оконечностью хребта. По мнению командующего Бриггса, успешные действия 9-й бригады могли бы облегчить задачу по овладению районом Эль-Мрейр. 161-я бригада получала, таким образом, возможность вести по нему артиллерийский огонь.

При выдвигании на исходные позиции для наступления 9-я бригада столкнулась с трудностями, связанными с близостью расположения 161-й индийской бригады. Новые неувязки возникли в результате образовавшегося тумана, что привело к потере связи и перегруппировке войск. В результате наступление, планировавшееся в 2 часа, в полнолуние, началось только в 9 часов 23 июля. 3-й батальон 14-го пенджабского полка вышел к важному пункту хребта Рувейсат — высоте 63, однако удержать позиции не смог. Огонь противника и его контратака привели к тому, что 3-й батальон 14-го пенджабского полка понес большие потери и отступил за позиции 161-й бригады. Затем 9-я бригада была выведена в резерв [12].

В этих боях, происходивших с переменным успехом, большие потери понесла 8-я армия. Однако отсутствие снабжения и чрезмерная усталость основных сил танковой группы «Африка» постепенно приводили к безысходности дальнейших попыток прорвать оборону у Эль-Аламейна.

27 июля 1942 года после неудачной попытки австралийских и южноафриканских войск продвинуться на северном участке фронта военные действия временно прекратились. 8-я армия и танковая армия «Африка» перешли к обороне. Войскам требовался отдых и реорганизация. 5-я индийская дивизия занималась укреплением обороны своих позиций в районе Рувейсат. В ее задачу входило создание видимости подготовки наступления на юге хребта Рувейсат. Для этого проводился обстрел территории в районе Дер-эль-Шейн. В конце июля 1942 года в индийских войсках, как и во всей 8-й армии,

произошли изменения. 5-я дивизия понесла большие потери в боях за хребет Рувейсат и нуждалась в перегруппировке и пополнении. Несколько батальонов 161-й бригады были заменены. 3-й батальон 7-го раджпутского полка был заменен 4-м батальоном 7-го раджпутского полка, 1-й батальон 2-го пенджабского полка был заменен 1-м батальоном аргильцев и сазерлендских горцев.

До сентября 1942 года главнокомандующий на Среднем Востоке К. Окинлек не планировал проведения крупных наступательных операций. Он был убежден, что армии требуется усиление и подготовка. 8-я армия продолжила укрепление оборонительной линии, где возводились дополнительные минные поля.

В начале августа 1942 года произошли изменения в британском командовании на Среднем Востоке. Главнокомандующий на Среднем Востоке и одновременно командир 8-й армии генерал К. Окинлек был заменен. На посту главнокомандующего его место занял Г. Александер. Командование 8-й армией Окинлек передал генералу У. Готту [10: с. 206–209]. Однако его самолет 7 августа был сбит, и он погиб. Новым командующим 8-й армией стал Б. Монтгомери. Кроме этого, были заменены начальник штаба 8-й армии и командир 30-го корпуса [5: с. 179]. Монтгомери, вступив в должность 15 августа, сконцентрировал внимание на усилении армии и укреплении обороны. Его цель заключалась в подготовке к отражению ударов противника и наступлению 8-й армии. Важным мероприятием нового командующего было изменение тактики ведения войны, то есть переход от действий мелкими группами к действиям крупными силами — дивизиями.

В августе 1942 года в 8-ю армию прибыли новые дивизии. Она была усилена 44-й и 51-й пехотными, 8-й и 10-й бронетанковыми дивизиями. Новые дивизии находились в дельте Нила. Индийские войска входили в состав 13-го и 30-го корпусов. В 13-м корпусе генерала Хоррокса, удерживающем южный участок оборонительного рубежа, находилась резервная 21-я индийская бригада. Она располагалась у хребта Алам-Хальфа и заменила 4-ю индийскую бригаду, ушедшую в Каир для пополнения. Однако 21-я индийская бригада пробыла там недолго. 16 августа она была заменена 44-й пехотной дивизией [3: с. 17]. Также в 13-й корпус входили 2-я новозеландская, 7-я и 10-я танковые дивизии. В 30-м корпусе генерала О. Лиза, защищавшем северный участок фронта, находилась 5-я индийская дивизия. Вместе с 1-й южноафриканской дивизией она прикрывала хребет Рувейсат. Кроме них в корпус входила 9-я австралийская дивизия, оборонявшая территорию у побережья [5: с. 180]. 30-й корпус прикрывала резервная 23-я бронетанковая бригада. Из новых бронетанковых дивизий был создан резервный 10-й армейский корпус, который предполагалось использовать после прорыва обороны противника.

Итало-германская танковая армия «Африка» состояла из германского Африканского корпуса, 10-го, 21-го, 20-го итальянских корпусов, 22-й парашютной бригады.

Следующее столкновение между танковой армией «Африка» и 8-й армией на рубеже Эль-Аламейн произошло в конце августа – начале сентября 1942 года у хребта Алам-Хальфа.

Для итало-германской танковой армии «Африка» шансы на прорыв обороны у Эль-Аламейна стремительно уменьшались. 8-я армия продолжала укреплять оборонительную линию, создавая новые полосы минных полей с севера на юг [15: с. 264]. Прорыв на северном участке обороны становился почти невозможным. Роммель, получив к концу августа небольшие подкрепления в виде танковых и воздушно-десантных войск, решил нанести поражение 30-му корпусу путем быстрого и внезапного прорыва южной части оборонительного рубежа между Джебель-Калаха и Химмеймат через хребет Алам-Хальфа в секторе 13-го корпуса. По данным немецкой разведки, здесь не было сильной обороны. Далее итало-германские войска могли двинуться на северо-восток в сторону побережья и окружить противника. В случае успеха все это могло привести к разгрому 8-й армии на линии Эль-Аламейн.

Британское руководство было осведомлено об этих планах и собиралось подбросить противнику фальшивые данные о позициях за оборонительной линией 8-й армии [8: с. 128]. До начала столкновения они проводили ложные маневры и имитировали подготовку наступления. Монтгомери планировал удерживать силами 13-го корпуса хребет Алам-Хальфа, где противник предполагал нанести основной удар. 5-й индийской дивизии и остальным двум дивизиям 30-го корпуса ставилась задача удержания обороны от оборонительного пункта Эль-Аламейн до хребта Рувейсат.

Наступление Африканского корпуса Роммеля, планировавшееся на 26 августа, началось только 31 августа из-за задержки с поставками горючего. Индийские войска в начале наступления приняли на себя отвлекающий удар немецкого батальона из 288-й парашютной бригады Рамке в районе хребта Рувейсат [3: с. 25]. Немецкий батальон прорвал оборону 2-го батальона западно-йоркширского полка 5-й индийской дивизии. Одна рота этого батальона была выбита с позиций. Однако вскоре после прибытия 1-го батальона 4-го эссекского полка позиция была восстановлена [12].

Роммель сосредоточил основное внимание на прорыве между Дейр-эль-Мунасиби и Химмеймат, где на пути наступавших войск находилось минное поле. Командование 8-й армии решило воспользоваться отвлечением противника на его обезвреживание и нанести по нему артиллерийский и авиационный удары.

Удар артиллерии и авиации по саперам и пехоте ослабил силы Роммеля, и уже в первый день наступления его план провалился. Войска проделали проход в минных полях, а дальше так и не смогли продвинуться, встретив значительно превосходившие войска. Роммель изменил план действий, решив не двигаться дальше на восток, а повернуть в сторону побережья, захватив лишь западную часть хребта Алам-Хальфа [5: с. 182].

До 3 сентября 1942 года боевые действия велись за высоту 102 хребта Алам-Хальфы на территории между Дейр-эль-Мунасиби и Химмеймат, где оборонялась 7-я бронетанковая дивизия. Монтгомери усилил оборону у хребта Алам-Хальфа,

переместив туда 5-ю индийскую, 2-ю южноафриканскую и 151-ю бригады. Новые попытки Роммеля прорваться оказались безуспешны, но и противостоящие ему английские дивизии не решились на активное наступление. Проблемы с горючим, постоянные налеты британской авиации и неточные данные о силах противника в районе Алам-Хальфа привели к тому, что 3 сентября Африканский корпус начал отходить на позиции до начала наступления [15: с. 283]. 2-я новозеландская дивизия попыталась 4 сентября 1942 года отрезать путь отступавшим. Она понесла большие потери и не смогла выполнить свою задачу [4: с. 30]. Таким образом, войска Роммеля оказались практически на тех же позициях, с которых они начинали операцию.

В сентябре – первой половине октября 1942 года на фронте у Эль-Аламейна стороны не вели боевых действий. Итало-немецкая группировка возводила новую оборонительную полосу, состоявшую из минных полей [15: с. 300].

8-я армия продолжила наращивание сил и осуществляла перегруппировку войск. В индийских войсках была произведена перестановка. 5-я индийская дивизия была заменена 4-й индийской дивизией генерала Такера и навсегда покинула Африку. Техника и часть пехоты 5-й дивизии были переданы дивизии Такера. Так в ее состав вошли 5-я и 161-я бригады. 4-я индийская дивизия заняла ее позиции на хребте Рувесайт. 9-я индийская бригада была заменена 7-й индийской бригадой [12].

Сама тактика ведения боевых действий была реформирована. Индийские войска перестали действовать разрозненными формированиями. Теперь они входили в состав одной дивизии.

Были реорганизованы, перемещены и другие войска 8-й армии. Реорганизовалась 7-я бронетанковая дивизия. 51-я дивизия, не принимавшая в сражениях участия, заменила 44-ю дивизию в районе Алам-Хальфа. А сама 44-я дивизия сменила 2-ю новозеландскую на хребте Баре [3: с. 38].

Монтгомери планировал провести следующую крупную наступательную операцию в конце сентября, но из-за подготовительных мероприятий наступление было перенесено на 23 октября 1942 года. Выбор даты наступления определялся стремлением Монтгомери провести прорыв обороны в ночь полной луны. 30-й корпус, в состав которого входила 4-я индийская дивизия, должен был нанести главный удар и создать два прохода в северном секторе обороны итало-германских войск [7: с. 116]. Четыре дивизии этого корпуса (51-я, 9-я австралийская, 2-я новозеландская и 1-я южноафриканская) готовились к наступлению из района Эль-Аламейн. Они проводили учения, отправляя для этого по одной бригаде. В задачу 4-й индийской дивизии входило удержание хребта Рувейсат и осуществление диверсионных операций с целью отвлечения внимания противника от главного участка наступления [15: с. 302]. Активное участие дивизии в наступательной операции не планировалось, так как, по мнению командования, она еще была достаточно слабой. Для усиления наступающих дивизий 30-го корпуса у индийцев забрали весь автотранспорт.

Параллельно с атакой 30-го корпуса 13-й корпус южнее, в районе Мунасиба, должен был нанести отвлекающий удар. Предполагалось, что 10-й корпус последует за 30-м корпусом и займется разгромом немецких танковых дивизий [5: с. 187].

Армия Монтгомери в октябре 1942 года сумела добиться подавляющего превосходства над противником по численности. К 23 октября соотношение сил было следующее. В 8-й армии — 195 тыс. человек, 1029 танков, 2311 орудий. В танковой армии «Африка» — 104 тыс. человек, 489 танков, 1219 орудий [2: с. 22–23].

Командование Танковой армии «Африка» не рассчитывало на английское наступление в ближайшие несколько недель. В ней производилась перестановка и смена некоторых командующих, однако усиление армии практически не производилось. Армия «Африка» почти не получала пополнения техники, горючего. Господство в воздухе британской авиации и успешные действия британского флота на Средиземном море не давали возможности итало-германским войскам получать достаточное количество потенциала, необходимого для успешного противостояния 8-й армии. Небольшие подкрепления, посланные из Европы, не позволяли Роммелю даже думать о разгроме 8-й армии [11: с. 88].

Поскольку превосходство 8-й армии становилось подавляющим, он сделал ставку на оборонительные действия. Его тактика заключалась в сдерживании первых ударов англичан до подхода танковых сил. Таким образом и планировалось удержать оборону. Для этого укреплялись передовые оборонительные позиции. Сам Роммель в сентябре уехал на лечение в Европу, и его заменил генерал Штумме.

Наступательная операция 8-й армии «Лайтфут» началась в 21 ч. 23 октября 1942 года с артиллерийской подготовки. 24 октября 1942 года войска 30-го корпуса смогли частично преодолеть минное поле и занять несколько выгодных позиций в районе хребта Митейрия. Южнее 13-й корпус осуществлял отвлекающие действия, преодолевая минные поля. 4-я индийская дивизия успешно исполнила свою роль по отвлечению противника в районе хребта Рувейсат, атаковав итальянскую дивизию «Болонья».

10-й корпус осуществлял свою задачу по разминированию оборонительных участков и продвижению танковых дивизий корпуса, но заметных результатов не достиг.

Командование танковой армии «Африка» было временно дезориентировано. Ее временный командующий Г. Штумме погиб, а сам Роммель смог вернуться только 25 октября. До начала ноября 8-я армия не добилась крупных успехов по прорыву обороны танковой армии «Африка». Однако армия Роммеля понесла ощутимые потери.

Окончательно исход битвы в пользу 8-й армии завершился в ходе проведения операции «Суперчардж». Так же как и в операции «Лайтфут», главный удар наносил 30-й корпус, а 13-й корпус — вспомогательный удар. Операция

началась 2 ноября 1942 года после артиллерийской подготовки. Армия Роммеля хоть и оказывала ожесточенное сопротивление, но не могла восполнить больших потерь. К ним добавлялась нехватка топлива, боеприпасов и многого другого, необходимого для удержания позиций. 3 ноября, чтобы избежать полного разгрома и сохранить армию, Роммель начал отводить войска [15: с. 319]. Приказ Гитлера о запрете любого отступления не сыграл особой роли в его прекращении. Монтгомери понимал, что танковая армия «Африка» больше не сможет держаться. Ее основные силы сосредоточились на северном участке обороны в районе Сиди-Абд-эр-Рахман. Другие войска, в основном итальянские, находились южнее.

Монтгомери решил разгромить армию «Африка», нанеся удар в наиболее слабом месте — на стыке позиций итальянских дивизий «Тренто» и «Триесте» [9: с. 288]. Это могло привести к фактической изоляции большей части итальянских дивизий. В этом завершающем ударе по танковой армии «Африка» планировалось участие 5-й индийской бригады Рассела из 4-й индийской дивизии. Накануне операции «Суперчандж» бригада перешла в состав 30-го корпуса в качестве резерва. Вместе с 51-й дивизией 5-я индийская бригада должна была совершить атаку в юго-западном направлении и проделать проход в обороне 21-го итальянского корпуса [14: с. 75]. Наступление планировалось в два этапа. На первом этапе в наступление в районе южнее Тель-эль-Аккир должны были двинуться 5-й батальон 7-го гордонского и 8-й королевский полк 51-й дивизии. В 1:30 ночи в районе восточной части высоты 38 5-й индийской бригаде предстояло начать наступление. Она должна была выйти к месту чуть южнее позиции 5-го батальона 7-го гордонского полка [3: с. 98]. Предполагалось, что утром 4 ноября 1942 года 7-й аргальский полк 5-й индийской бригады захватит Тель-эль-Аккир. Наступление батальонов 51-й дивизии шло без поддержки артиллерии и наткнулось на ответный огонь артиллерии противника. Атака батальонов 5-й индийской бригады, поддержанная артиллерией, началась в 2:30 4 ноября 1942 года. 1-й батальон 4-го эссекского полка успешно действовал против немецкого гренадерского полка. 3-й батальон 10-го полка и 4-й батальон 6-го раджпутского стрелкового полка не встретили никакого сопротивления. На рассвете 7-й аргальский полк индийской бригады захватил Тель-эль-Аккир. К рассвету 4 ноября 1942 года индийская дивизия смогла обезвредить минное поле, создав брешь в обороне итало-германских войск шириной 20 км.

После выполнения 51-й и 4-й индийской дивизией своих задач планировалось наступление 10-го корпуса и 7-й бронетанковой дивизии. Он должен был блокировать отступление армии Роммеля от Эль-Аламейна. Через боевые порядки 5-й индийской бригады должна была пройти 7-я бронетанковая дивизия, что она и сделала 4 ноября в 8:30 [3: с. 101]. 5-я индийская бригада была заменена 51-й дивизией.

Успешные действия 4-й индийской дивизии по прорыву обороны в районе Тель-эль-Аккир, в который вошли другие войска британской 8-й армии, привели к тяжелым последствиям для танковой армии «Африка». 4 ноября

Роммель начал отводить войска от линии Эль-Аламейн в сторону пункта Фука, сосредоточив внимание на спасении немецких войск. Итальянские дивизии, лишившись транспорта, не смогли отступить [1: с. 149]. Войска 4-й индийской дивизии занялись разгромом итальянских частей. По данным индийских историков, колонны двух индийских батальонов захватили 102-х офицеров, включая командира дивизии «Брешиа», 2192 военнослужащих, несколько танков и множество орудий [14: с. 75]. Битва за Эль-Аламейн была проиграна, и вопрос победы Антигитлеровской коалиции в Африке стал лишь вопросом времени.

В битве за Эль-Аламейн, как и во многих других операциях, проведенных британской армией против государств фашистского блока, индийская армия оказывала помощь своей метрополии. Вместе с другими войсками британских владений индийская армия защищала ключевые для Великобритании территории на Ближнем Востоке. Особенно активное участие индийских войск можно выделить в первых сражениях в районе Эль-Аламейн в июле 1942 года, когда Германия и Италия совершили несколько попыток прорвать последнюю оборонительную линию союзников и выйти к Суэцкому каналу. Здесь индийские войска защищали территорию хребта Рувейсат, не давая противнику продвинуться дальше и пытаясь отбить захваченные территории. Достаточно хорошо они продемонстрировали себя в боях против итальянских дивизий. Однако в силу отсталости индийской армии в целом, не могли так же успешно противостоять немецким подразделениям. В результате индийские войска предпочитали использовать в основном против итальянских дивизий. После сражений июля 1942 года к основным проблемам индийской армии добавилась еще и измотанность индийских подразделений. В последующих сражениях у Эль-Аламейна индийские войска кроме обороны хребта Рувейсат использовались в основном в роли приманки, для участия в отвлекающих операциях, чтобы сбить противника с толку, совершали рейды на захваченные территории. Когда стало ясно, что танковая армия «Африка» не сможет больше удержать оборону, индийские войска привлекли к наступательным операциям, где они участвовали в прорыве обороны противника, помогая более мощным соединениям британской армии, на которые и возлагалась задача по полному разгрому немецкой танковой армии.

Однако не стоит объяснять неудачи индийских подразделений их слабостью по сравнению с передовыми армиями того времени. В целом действия индийских войск под Эль-Аламейном и в других операциях Второй мировой войны определялись решениями британских командиров всех уровней и особенностями ведения боевых действий британской армией.

Активное участие Индии в битве за Эль-Аламейн показывает, что у Великобритании оставался только один путь в отношениях с этой страной — предоставление долгожданной свободы.

Литература

1. *Головушкин В.И.* Вторая мировая война. Битва за Африку: Взгляд из России. М.: АСТ; Ермак, 2004. 432 с.
2. *Джоуэйтт Ф., Эндрю С.* Итальянская армия 1940–1943. Африканский театр военных действий. М.: АСТ; Астрель, 2003. 64 с.
3. *Карвер М.* Битва под Эль-Аламейном. Поражение танковой армии Роммеля в Северной Африке. М.: Центрполиграф, 2003. URL: <http://mirknig.com/> (дата обращения: 13.04.2014).
4. *Кащеев Л.Д.* Восьмая армия. Северная Африка 1942–1943. М.: АТФ, 2003. 44 с.
5. *Ланнуа Ф. де* Африканский корпус: Ливийско-Египетская кампания (1941–1943). М.: АСТ, 2008. 240 с.
6. *Меллентин Ф.* Бронированный кулак вермахта. Смоленск: Русич, 1999. 528 с.
7. Мемуары фельдмаршала Монтгомери виконта Аламейнского. М.: Изографус; Эксмо, 2004. 560 с.
8. Роковые решения. М.: Воениздат, 1958. 320 с.
9. *Секистов В.* Война и политика. М.: Воениздат, 1970. 496 с.
10. *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 6 т. Т 4: Поворот судьбы. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 384 с.
11. *Шмидт Х.Ф.* С Роммелем в пустыне. Африканский танковый корпус в дни побед и поражений 1941–1942 годов. М.: Центрполиграф, 2004. 124 с.
12. *Brett-James A.* The Fifth Indian division in the Second World War. Aldershot: Gale Polden LTD, 1951. URL: <http://ourstory.info/library/4-ww2/Ball/fireTC.html#TC> (дата обращения: 14.04.2014).
13. *Ford K.* El Alamein 1942. The Turning of the Tide. New York: Osprey Publishing, 2005. 96 p.
14. *Praval K.C.* The Red Eagles. A History of Fourth Division of India. New Delhi: Vision Books, 1982. 447 p.
15. The Rommel Papers / Ed. by Liddel Hart B. Collins, 1953. 547 p.

References

1. *Golovushkin V.I.* Vtoraya mirovaya vojna. Bitva za Afriku: Vzglyad iz Rossii. M.: AST; Ermak, 2004. 432 s.
2. *Dzhou'e'tt F., E'ndryu S.* Ital'yanskaya armiya 1940–1943. Afrikanskij teatr voenny'x dejstv'ij. M.: AST; Astrel', 2003. 64 s.
3. *Karver M.* Bitva pod E'l'-Alamejnom. Porazhenie tankovoj armii Rommelya v Severnoj Afrike. M.: Centropoligraf, 2003. URL: <http://mirknig.com/> (data obrashheniya: 13.04.2014).
4. *Kashheev L.D.* Vos'maya armiya. Severnaya Afrika 1942–1943. M.: ATF, 2003. 44 s.
5. *Lannua F. de* Afrikanskij korpus: Livijsko-Egipetskaya kompaniya (1941–1943). M.: AST, 2008. 240 s.
6. *Mellentyn F.* Bronirovanny'j kulak vermaxta. Smolensk: Rusich, 1999. 528 s.
7. Memuary' fel'dmarshala Montgomeri vikonta Alamejnskogo. M.: Izografus; E'ksmo, 2004. 560 s.
8. Rokovy'e resheniya. M.: Voenizdat, 1958. 320 s.
9. *Sekistov V.* Vojna i politika. M.: Voenizdat, 1970. 496 s.

10. *Cherchill' U. Vtoraya mirovaya vojna: v 6 t. T 4: Povорот sud'by'*. M.: TERRA-Knizhny'j klub, 1998. 384 s.

11. *Shmidt X.F. S Rommelem v pusty'ne. Afrikanskij tankovy'j korpus v dni pobed i porazhenij 1941–1942 godov*. M.: Centrpoligraf, 2004. 124 s.

S.V. Averin

Indian Army in the Battle of El Alamein (July – November of 1942)

The article examines the participation of Indian troops as a part of the British army in the battle of El Alamein. The author defines the role of India in the decisive battle in the North-African front of the Second World War.

Keywords: El Alamein; tank army «Africa»; 8th army; Indian brigade.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

**С.В. Банников,
Ф.А. Михайловский,
С.Н. Новикова**

Типология уроков в современной школе согласно требованиям ФГОС

Авторы предлагают классификацию современных уроков на основе требований ФГОС с учетом традиций российской педагогической школы. Они выделяют пять типов уроков, характеризуют их структуру. В качестве примеров берутся фрагменты технологической карты уроков по истории Древнего мира в 5 классе.

Ключевые слова: методика преподавания истории; учебники; ФГОС; типы уроков.

В соответствии с требованиями ФГОС¹ основой для реализации идей развивающего обучения в образовании является системно-деятельностный подход, обеспечивающий развитие личности обучающегося как субъекта деятельности, способного ставить цели, формулировать задачи, находить пути решения проблем и отвечать за результаты своей работы.

В современной системе образования недостаточным, хотя и по-прежнему необходимым, является освоение школьниками только предметного содержания (приобретение знаний, умений и навыков по конкретному предмету), важно овладение ими метапредметными умениями (способами деятельности, применимыми как в обучении, так и при решении различных проблем в реальных жизненных ситуациях), а также достижение личностных результатов (сформированности познавательных мотивов, системы ценностных отношений и этических установок, способности к саморазвитию).

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897; Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования: утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413 (<http://standart.edu.ru>).

Системно-деятельностный подход, таким образом, включает традиционную «ЗУНовскую» составляющую (систему взглядов, теорий, ключевых понятий и методов базовых наук, лежащих в основе школьных предметов, а также предметных умений и навыков) и создает условия для овладения универсальными учебными действиями как метапредметными результатами обучения.

Независимо от реформ в сфере образования урок был и остается главной формой организации обучения и представляет собой целостную самостоятельную часть образовательного пространства. При системно-деятельностном обучении, когда каждый урок в первую очередь направлен на формирование и развитие у обучающихся универсальных учебных действий [4], главной методической целью на каждом занятии является создание условий для проявления познавательной активности школьников. Учитель на современном уроке управляет процессом обучения, пробуждает у обучающихся потребность в знаниях и стимулирует их учебную деятельность. При правильной организации занятий школьники становятся активными субъектами учебного процесса, они приобретают знания по предмету и овладевают ключевыми компетенциями.

Классификация современных уроков основана на требованиях ФГОС с учетом традиций российской педагогической школы.

Необходимость внесения изменений в традиционные структуры уроков объясняется следующими причинами:

- изменением роли и функции учителя на уроке: переход от трансляции знаний и демонстрации способов учебной деятельности к организации и координации деятельности обучающихся, направленной на приобретение новых знаний и освоение универсальных учебных действий;
- изменением направления деятельности обучающихся на уроке: переход от усвоения набора знаний, умений и навыков и использования их в рамках конкретного учебного предмета — к способности их применять в любой учебной и жизненной ситуации;
- изменением структуры современных учебников и УМК.

Система разных типов уроков, используемых учителем, должна обеспечивать восприятие, осмысление, закрепление, применение знаний и учебных действий на практике.

К современному уроку предъявляются требования:

- *общепедагогические*: учет возрастных и личностных особенностей обучающегося, приоритет развития личности школьника, ориентация на педагогическое взаимодействие, доминирование деятельностного подхода в организации обучения, становление и поддержание устойчивой мотивации к учению, ориентация процесса обучения на достижение предметных, метапредметных и личностных результатов освоения основной образовательной программы, чередование видов и форм работы при их соответствии поставленным целям;
- *дидактические*: рациональное использование времени, интегрированное применение вариативных методов обучения, ориентация на активные

методы освоения новых знаний и учебных действий, опора на субъектный опыт обучающихся, дифференцированный и личностно-ориентированный подход к обучению, стимулирование учебной деятельности школьников;

• *психологические*: учет психологических особенностей обучающихся и их состояния в данный момент обучения, создание благоприятной психологической среды общения на уроке за счет сочетания доброжелательности и требовательности в отношениях с обучающимися.

Современные типы уроков:

- урок освоения новых знаний и видов учебных действий;
- урок применения знаний и видов учебных действий;
- урок обобщения, систематизации и закрепления знаний и умений выполнять учебные действия;
- урок развивающего контроля;
- комбинированный урок.

Система занятий по любому предмету имеет циклический характер. Один цикл обычно связан с крупной дидактической единицей — темой, в рамках которой учитель использует различные *типы* уроков. Данная классификация позволяет четко определять цель, задачи и структуру каждого занятия и не препятствует выбору учителем *формы (вида)* проведения урока (лекции, беседы, семинара, урока-путешествия и др.) и использованию различных педагогических технологий.

Структура уроков

1. Урок освоения новых знаний и видов учебных действий

Данный тип урока используется:

- при освоении новых знаний и формировании новых видов учебных действий;
- при освоении новых знаний на основе уже сформированных видов учебных действий;
- при формировании новых видов учебных действий на основе имеющихся знаний.

Целью данного типа урока является формирование у обучающихся новых знаний и (или) видов учебных действий в рамках учебной ситуации.

В каждом из трех случаев структура урока имеет следующий вид:

1 этап — мотивация учебной деятельности путем создания внутреннего позыва у обучающихся к освоению новых знаний и (или) видов учебных действий;

2 этап — актуализация учебной деятельности путем выполнения действий, позволяющих извлечь из памяти обучающихся знания и навыки выполнения учебных действий, которые будут необходимы при освоении новых знаний и (или) видов учебных действий; привлечение обучающихся к постановке цели урока и формулированию задач, необходимых для ее достижения, а также к планированию учебного занятия;

3 этап — формирование вариативных алгоритмов освоения новых знаний и (или) видов учебных действий;

4 этап — освоение новых знаний и (или) видов учебных действий на основе алгоритма деятельности;

5 этап — выполнение пробного учебного действия;

6 этап — самопроверка (взаимопроверка) уровня усвоения новых знаний и (или) сформированности видов учебных действий на основе сопоставления их с эталоном;

7 этап — рефлексия учебной деятельности по освоению новых знаний и (или) формированию видов учебных действий.

Деятельность:

- учителя: создание социально-педагогических условий освоения обучающимися новых знаний и (или) формирования умений выполнять учебные действия; формирование у обучающихся способностей к рефлексии;

- обучающихся: восприятие, осмысление, запоминание новых знаний и (или) освоение новых видов учебных действий; формирование способностей к рефлексии.

Так, например, урок освоения новых знаний и видов учебных действий может быть использован при изучении темы «Египет — дар Нила» в 5 классе [2: с. 42–48].

Фрагмент технологической карты урока

Тема урока	Тип урока	Цель деятельности учителя	Деятельность обучающихся
Египет — дар Нила	Освоение новых знаний и видов учебных действий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мотивирование обучающихся к получению знаний о причинах и условиях возникновения древнейших цивилизаций и развития навыка составления аналитической таблицы. 2. Формирование регулятивных УУД путем актуализации учебной деятельности обучающихся. 3. Формирование познавательных и личностных УУД обучающихся посредством работы с текстом, картой [2: с. 45], иллюстрациями учебника и освоения навыков построения аналитической таблицы [2: с. 48]. 4. Формирование у обучающихся способностей к рефлексии. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Восприятие и принятие информации, значимой для организации учебной деятельности на уроке. 2. Участие в постановке цели урока и формулировании задач, необходимых для ее достижения. 3. Коллективная (групповая, парная) работа с текстом, картой и иллюстрациями параграфа по предложенному алгоритму при консультативной помощи учителя с последующей взаимопроверкой (самопроверкой) результатов учебной деятельности. 4. Самоанализ и самооценка.

2. Урок применения знаний и видов учебных действий

Целью данного типа урока является формирование у обучающихся способностей применять знания и (или) учебные действия для решения практических задач.

Структура урока:

1 этап — мотивация учебной деятельности путем создания внутреннего позыва у обучающихся к применению знаний и (или) учебных действий;

2 этап — актуализация учебной деятельности путем выполнения действий, позволяющих извлечь из памяти обучающихся знания и навыки выполнения учебных действий, которые понадобятся при решении практических задач; привлечение обучающихся к постановке цели урока и формулированию задач, необходимых для ее достижения, а также к планированию учебного занятия;

3 этап — формирование вариативных алгоритмов применения знаний и (или) учебных действий при решении практических задач в рамках стандартной и (или) нестандартной учебной ситуации;

4 этап — выполнение учебных действий;

5 этап — самопроверка (взаимопроверка) применения знаний и (или) видов учебных действий при решении практических задач в рамках стандартной и (или) нестандартной учебной ситуации;

6 этап — выявление места и причин затруднений в практической учебной деятельности и выработка алгоритмов коррекции этих затруднений;

7 этап — коррекция результатов деятельности;

8 этап — рефлексия учебной деятельности по применению знаний и (или) учебных действий при решении практических задач в рамках стандартной и (или) нестандартной учебной ситуации.

Деятельность:

- учителя: создание социально-педагогических условий для практического применения обучающимися знаний и (или) видов учебных действий; формирование у обучающихся способностей к рефлексии, коррекции знаний и (или) умений выполнять учебные действия;

- обучающихся: закрепление знаний и (или) умений выполнять учебные действия; фиксация и преодоление затруднений практического применения знаний и (или) умений выполнять учебные действия.

Так, например, урок применения знаний и видов учебных действий может быть использован при изучении темы «Вавилонский царь Хаммурапи и его законы» в 5 классе [2: с. 55–61; 3].

Фрагмент технологической карты урока

Тема урока	Тип урока	Цель деятельности учителя	Деятельность обучающихся
Вавилонский царь Хаммурапи и его законы	Применение знаний и видов учебных действий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мотивирование обучающихся к изучению важнейшего исторического источника — законов Хаммурапи путем выполнения практической работы. 2. Формирование регулятивных УУД путем актуализации учебной деятельности обучающихся. 3. Формирование навыка извлечения прямой и косвенной информации из исторического источника [3]. 4. Проверка уровня усвоения новых знаний и видов учебных действий посредством составления сводной таблицы [2: с. 61, задание 1]. 5. Формирование коррекционных способностей обучающихся. 6. Формирование у обучающихся способностей к рефлексии 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Восприятие и принятие информации, значимой для организации учебной деятельности на уроке. 2. Участие в постановке цели урока и формулировании задач, необходимых для ее достижения. 3. Групповое выполнение практической работы с опорой на теоретический материал учебника при консультативной помощи учителя. 4. Индивидуальное построение сводной таблицы с последующей самопроверкой (взаимопроверкой) 5. Индивидуальная работа по выявлению мест и причин затруднений в учебной деятельности. Самостоятельная коррекция результатов деятельности. 6. Самоанализ и самооценка

3. Урок обобщения, систематизации, закрепления знаний и умений выполнять учебные действия

Целью данного типа урока является обобщение, систематизация и закрепление знаний и умений выполнять учебные действия каждым обучающимся по итогам изучения раздела курса или крупного тематического блока.

Структура урока:

1 этап — мотивация учебной деятельности путем создания у обучающихся внутреннего позыва к обобщению, систематизации и закреплению знаний и умений выполнять учебные действия;

2 этап — актуализация учебной деятельности путем выполнения действий, позволяющих извлечь из памяти обучающихся знания и навык вы-

полнения учебных действий; привлечение обучающихся к постановке цели урока и формулированию задач, необходимых для ее достижения, а также к планированию учебного занятия;

3 этап — формирование вариативных алгоритмов обобщения и систематизации знаний и умений выполнять учебные действия;

4 этап — применение алгоритмов обобщения и систематизации знаний и умений выполнять учебные действия;

5 этап — выполнение вариативных диагностирующих заданий для определения индивидуального уровня усвоения знаний и сформированности умений выполнять учебные действия по итогам изучения тематического раздела курса;

6 этап — самопроверка (взаимопроверка) выполнения диагностирующих заданий, сопоставление результатов деятельности с эталоном;

7 этап — выявление места и причин затруднений в учебной деятельности и выработка алгоритмов коррекции этих затруднений;

8 этап — коррекция результатов деятельности;

9 этап — рефлексия учебной деятельности по обобщению, систематизации и закреплению знаний и сформированности умений выполнять учебные действия.

Деятельность:

- учителя: создание социально-педагогических условий для организации обобщения, систематизации и закрепления знаний и (или) умений выполнять учебные действия; выявление индивидуальных достижений обучающихся и затруднений при выполнении учебных действий на основе сформированных знаний; формирование у обучающихся способностей к рефлексии, коррекции знаний и (или) умений выполнять учебные действия.

- обучающихся: обобщение, систематизация и закрепление знаний и (или) умений выполнять учебные действия; самоанализ и самооценка индивидуальных учебных достижений; развитие контрольно-коррекционных способностей.

Так, например, урок обобщения, систематизации и закрепления знаний и умений выполнять учебные действия может быть использован после изучения главы «Древний Египет» в 5 классе [2: с. 67–89].

Фрагмент технологической карты урока

Тема урока	Тип урока	Цель деятельности учителя	Деятельность обучающихся
Древний Египет	Обобщение, систематизация и закрепление знаний и умений выполнять учебные действия	<p>1. Мотивирование обучающихся к обобщению, систематизации и закреплению знаний и умений выполнять учебные действия.</p> <p>2. Формирование регулятивных УУД путем актуализации учебной деятельности обучающихся.</p> <p>3. Обобщение, систематизация и закрепление знаний и умений выполнять учебные действия.</p> <p>4. Формирование познавательных и личностных УУД обучающихся посредством выполнения ими вариативных диагностирующих заданий.</p> <p>4. Формирование коррекционных способностей обучающихся.</p> <p>5. Формирование у обучающихся способностей к рефлексии</p>	<p>1. Восприятие и принятие информации, значимой для организации учебной деятельности на уроке.</p> <p>2. Участие в постановке цели урока и формулировании задач, необходимых для ее достижения.</p> <p>3. Коллективная работа по обсуждению основных вопросов пройденной темы [2: с. 89] с последующим составлением синхронистической таблицы.</p> <p>4. Индивидуальное выполнение вариативных диагностирующих заданий [1: с. 51; 2: с. 89] с последующей самопроверкой (взаимопроверкой) результатов, сопоставление результатов деятельности с эталоном.</p> <p>4. Индивидуальная работа по выявлению мест и причин затруднений в учебной деятельности. Коллективная (групповая) работа по созданию алгоритмов коррекции, осуществляемая при консультативной помощи учителя. Самостоятельная коррекция результатов деятельности. Взаимопроверка (самопроверка) результатов учебной деятельности.</p> <p>5. Самоанализ и самооценка</p>

4. Урок развивающего контроля

Целью данного типа урока является осуществление контроля за способностями обучающихся применять новые знания и умением выполнять учебные

действия при помощи диагностирующего материала разного вида, а также формирование способности обучающихся к самоконтролю, самоанализу и самооценке.

Урок развивающего контроля предполагает организацию учебного взаимодействия в течение двух часов.

Структура уроков имеет следующий вид:

1 урок

1 этап — мотивация учебной деятельности путем создания у обучающихся внутреннего позыва к проверке уровня усвоения знаний и сформированности умений выполнять учебные действия, готовности к реализации нормативных требований к учебной деятельности на основании определенных, обоснованных критериев.

2 этап — актуализация учебной деятельности путем предъявления обучающимся требований к контрольно-коррекционной работе и критериев оценивания;

3 этап — выполнение вариативных диагностирующих заданий;

4 этап — педагогический контроль.

2 урок

1 этап — сопоставление обучающимися результатов своей работы с эталоном, осуществление самоанализа и самооценки учебной деятельности;

2 этап — выявление места и причин затруднений в учебной деятельности и выработка алгоритмов коррекции этих затруднений;

3 этап — самостоятельная коррекция результатов деятельности по итогам выполнения диагностирующих заданий с самопроверкой по эталону;

4 этап — педагогический контроль итогов выполнения коррекционных мероприятий;

5 этап — рефлексия учебной деятельности на уроке. Самооценка результатов контрольно-коррекционной деятельности, отработка способов преодоления затруднений в учебной деятельности, обоснование необходимости контрольно-коррекционной деятельности.

Деятельность:

- учителя: создание социально-педагогических условий для мотивации обучающихся к осуществлению контроля уровня усвоения знаний и сформированности умений выполнять учебные действия; контроль уровня усвоения знаний и сформированности умений выполнять учебные действия; анализ правильности выполнения коррекционной работы обучающимися, уточнение алгоритмов исправления ошибок и устранения затруднений в учебной деятельности;

- обучающихся: выполнение диагностирующих заданий; само- и взаимопроверка результатов выполнения диагностирующих заданий; выявление причин затруднений в учебной деятельности, выработка и применение алгоритмов коррекции этих затруднений; рефлексия учебной деятельности.

Так, например, урок развивающего контроля используется в конце учебного года после изучения курса «История Древнего мира».

Фрагмент технологической карты урока

Тип урока	Цель деятельности учителя	Деятельность обучающихся
Развивающего контроля	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мотивирование обучающихся к проверке уровня усвоения знаний и видов учебных действий. 2. Актуализация учебной деятельности обучающихся. 3. Контроль уровня усвоения знаний и умений применять виды учебных действий. 4. Формирование коррекционных способностей обучающихся. 5. Формирование у обучающихся способностей к рефлексии 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Восприятие и принятие информации, значимой для организации учебной деятельности на уроке. 2. Восприятие и принятие информации о нормативных требованиях к контрольно-коррекционной работе и критериях оценивания. 3. Выполнение вариативных диагностирующих заданий. 4. Сопоставление результатов учебной деятельности с эталоном. Самооценка и самоанализ. Индивидуальная работа по выявлению мест и причин затруднений в учебной деятельности. Коллективная (групповая) работа по созданию алгоритмов коррекции, осуществляемая при консультативной помощи учителя (учеников-консультантов). Самостоятельная коррекция результатов деятельности. Взаимопроверка (самопроверка) результатов коррекционной деятельности. 5. Самоанализ и самооценка

5. Комбинированный урок

Целью данного типа урока является создание ситуации, при которой учитель имеет возможность наряду с освоением обучающимися новых знаний и (или) видов учебных действий провести закрепление и коррекцию усвоенных ранее знаний и (или) видов учебных действий.

Структура урока формируется в зависимости от цели деятельности учителя на основе структуры разных типов уроков.

Деятельность:

- учителя: создание социально-педагогических условий для организации повторения, закрепления и коррекции усвоенных знаний и (или) видов учебных действий; создание условий для освоения обучающимися новых знаний и (или) видов учебных действий; формирование у обучающихся способностей к коррекционной деятельности и рефлексии;

• обучающихся: закрепление знаний и (или) умений выполнять учебные действия; восприятие, осмысление, запоминание новых знаний и (или) освоение новых видов учебных действий; фиксирование и преодоление затруднений применения знаний и (или) умений выполнять учебные действия.

Так, например, комбинированный урок может быть использован при изучении темы «Страна двух рек» [2: с. 49–55].

Фрагмент технологической карты урока

Тема урока	Тип урока	Цель деятельности учителя	Деятельность обучающихся
Страна двух рек	Комбинированный	<p>1. Мотивирование обучающихся к интеграции уже полученных знаний с новыми знаниями, к развитию умений давать сравнительную характеристику исторических явлений и устанавливать причинно-следственные связи.</p> <p>2. Актуализация знаний обучающихся путем проверки домашнего задания и привлечения к постановке цели урока и его планированию.</p> <p>3. Формирование познавательных и личностных УУД обучающихся посредством работы с историческими источниками [2: с. 53–55; 1: с. 35].</p> <p>4. Проверка уровня усвоения новых знаний и видов учебных действий и степени интеграции новых знаний с уже имеющимися.</p> <p>5. Формирование коррекционных способностей обучающихся.</p> <p>6. Формирование у обучающихся способностей к рефлексии</p>	<p>1. Восприятие и принятие информации, значимой для организации учебной деятельности на уроке.</p> <p>2. Индивидуальная работа на карточках [1: с. 33]. Индивидуальные развернутые ответы на вопросы у доски с использованием карты.</p> <p>3. Коллективная работа с текстом параграфа. Групповая работа с историческими источниками (сравнительная характеристика сказания о потопах в Библии и в поэме о Гильгамеше).</p> <p>4. Индивидуальное выполнение вариативных диагностирующих заданий с последующей самопроверкой (взаимопроверкой) результатов, сопоставление результатов деятельности с эталоном.</p> <p>5. Индивидуальная работа по выявлению мест и причин затруднений в учебной деятельности. Самостоятельная коррекция результатов деятельности.</p> <p>6. Самоанализ и самооценка</p>

Эффективность учебного процесса зависит от комплексного системного использования учителем разных типов уроков.

Литература

1. Михайловский Ф.А. Книга для учителя: Всеобщая история. История Древнего мира. 5 класс: учебное пособие. М.: Русское слово-учебник, 2013. 184 с.
2. Михайловский Ф.А. Всеобщая история. История Древнего мира: учебник для 5 класса общеобразовательных учреждений. 2-е изд. М.: Русское слово-учебник, 2013. 296 с.
3. Михайловский Ф.А., Новикова С.Н. Изучение «Законов Хаммурапи» в 5 классе в свете требований ФГОС // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2014. № 2 (14). С. 102–111.
4. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.; под ред. А.Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2010. 159 с.: ил.

References

1. Mixajlovskij F.A. Kniga dlya uchitelya: Vseobshhaya istoriya. Istoriya Drevnego mira. 5 klass: uchebnoe posobie. M.: Russkoe slovo-uchebnik, 2013. 184 s.
2. Mixajlovskij F.A. Vseobshhaya istoriya. Istoriya Drevnego mira: uchebnik dlya 5 klassa obshheobrazovatel'ny'x uchrezhdenij. 2-e izd. M.: Russkoe slovo-uchebnik, 2013. 296 s.
3. Mixajlovskij F.A., Novikova S.N. Izuchenie «Zakonov Xammurapi» v 5 klasse v svete trebovanij FGOS // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2014. № 2 (14). S. 102–111.
4. Formirovanie universal'ny'x uchebny'x dejstvij v osnovnoj shkole: ot dejstviya k my'sli. Sistema zadaniy: posobie dlya uchitelya / A.G. Asmolov, G.V. Burmenskaya, I.A. Volodarskaya i dr.; pod red A.G. Asmolova. M.: Prosveshhenie, 2010. 159 s.: il.

*S.V. Bannikov,
F.A. Mikhailovsky,
S.N. Novikova*

Typology of Lessons in the Modern School According to the Requirements of the FSES

The authors offer classification of modern lessons on the base of the requirements of the FSES taking into account traditions of Russian pedagogical school. They distinguish five types of lessons and describe their structure. As examples they take fragments of technological map on the history of the ancient world in the 5th form.

Keywords: methods of teaching History; textbooks; FSES; types of lessons.

**Английский историк
о партизанском движении
на северо-западе России
(рецензия на книгу Alexander Hill
«The War Behind the Eastern Front:
the Soviet Partisan Movement
in the North-West Russia 1941–1944.
London – New York: Frank Cass,
2005. 195 p.)**

История партизанской борьбы в тылу немецко-фашистских войск занимала и занимает важное место как в российской, так и в зарубежной историографии. Более 2 тысяч книг, посвященных данной теме, были опубликованы в России лишь за три послевоенных десятилетия [1: с. 143]. Значительное внимание было уделено проблемам партизанской борьбы и зарубежными исследователями. Впрочем, вплоть до недавнего времени ввиду ограничений допуска к основным источникам эта тема освещалась весьма односторонне и тенденциозно.

«Архивная революция» в России начала 1990-х годов дала мощный толчок исследованию отечественной истории, включая историю партизанского движения. Заметным явлением в историографии истории борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов стала монография английского историка из Университета Калгари (Канада), выпускника Кембриджского университета Александра Хилла. В течение нескольких лет работы ему удалось собрать обширную коллекцию архивных материалов из собраний российских (ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, ЦАМО РФ, ЦВМА, ЦМВС, ЛОГАВ, ЦГАСпб, ФСК по ЛО) и зарубежных (Германского государственного военного архива — ВА-МА, Национального архива США — NARA) архивохранилищ, изучить практически

всю имеющуюся по теме литературу, о чем свидетельствует обзор историографии во вводной главе книги. Глубокое и критическое изучение как первичных, так вторичных источников позволило исследователю в целом весьма успешно реализовать цель работы: «выявить и объяснить успехи и поражения советского партизанского движения как военной силы в контексте германской оккупационной политики и, в частности, антипартизанских ее методов» (р. 4).

Автор скрупулезно исследует географию и демографию северо-западных районов и областей СССР, оказавшихся в немецкой оккупационной зоне. Данные факторы, как известно, во многом определяли условия и характер партизанской борьбы. По мнению А. Хилла, численность населения в этих районах к приходу немцев сократилась всего лишь на 17–18 % (в том числе мужского населения — на 35–36 %), что почти совпадает с советскими данными о покинувших зону оккупации, но вдвое меньше приводимых немецкими историками цифр (р. 30–32).

Весьма любопытна третья глава монографии, посвященная «советским и германским приготовлениям к оккупации и сопротивлению». Соглашаясь с мнением авторитетных советских исследователей П. Пономаренко и А. Маслова, автор утверждает, что с середины 1930-х годов в связи с изменением военной доктрины в СССР подготовка к партизанской борьбе в будущей войне была остановлена. Между тем германское командование разработало стройную систему управления оккупированными территориями, включая создание специальных отрядов для подавления сопротивления.

Особое внимание исследователь уделяет установлению и характеру германского военного управления. Большие потери в дивизиях СД (свыше 50 % состава в августе и октябре 1941 года), предназначенных, как известно, и для борьбы с партизанами, во многом обусловили жесткие карательные меры немцев по отношению к местному населению уже в начале войны. Массовые казни стали обыденным явлением на оккупированной территории. Вместе с тем нацистский режим в этом районе был менее «агрессивным», нежели на Юге, что, как считает автор, во многом было связано с небольшим количеством проживавших здесь евреев. Поначалу германское командование даже «заигрывало» с местным населением, проводя «политику пряника», раздавая конфеты детям и женщинам, сахар — крестьянам. Но с затягиванием войны, с обострением транспортных проблем, обусловивших подвоз продовольствия, и саботажем новая администрация, опираясь на кулаков, бывших заключенных и «клерикалов», приступила к изъятию средств у местного населения. При этом германское руководство не спешило распускать колхозы и совхозы, пообещав сделать это после войны. Такая политика, по мнению А. Хилла, вполне оправдала себя, поскольку позволила весьма оперативно собрать урожай и контролировать поставки продовольствия для войск вермахта.

В определенной степени оправдала себя и политика в отношении Православной церкви на оккупированной территории. Открытие храмов (более

200 только на территории Ленинградской области) и возобновление богослужения в начале войны привлекло на сторону оккупантов немалое число прихожан. Впрочем, в большей степени тому способствовала ситуация на фронте и развернутая немцами пропаганда (при бездействии или слабой убедительности пропаганды с Большой земли). Во всяком случае, в 1941 году существенная часть населения, по мнению А. Хилла, была настроена прогермански, что во многом объясняет масштабы коллаборационизма в начале войны (р. 62).

Анализируя в пятой главе («Расширение партизанского движения») первые партийные директивы по организации партизанской борьбы, автор отмечает, что их реализация проходила весьма вяло, без должной поддержки центра. Некоторые отряды возникали стихийно, до появления партийных указаний. Причем немногие отряды (около 10 %) возглавлялись партийными руководителями. Большинство партизанских подразделений командовали кадровые военные (свыше 70 %) или сотрудники НКВД (около 15 %) (р. 72, 76). Крайне недостаточным было и военно-техническое оснащение отрядов. Вплоть до середины 1942 года лишь треть отрядов имела радиостанции, а половина отрядов не имела связи даже с соседями (р. 76). Впрочем, и общее число партизан (около 4000 человек в декабре 1941 года), действовавших в тылу Группы армий «Север», было явно незначительным, принимая во внимание специально выделенную для антипартизанской борьбы 30-тысячную группировку противника (3 охранных дивизии, часть *Einsatzgruppe A* и полк 2-й бригады СС) (р. 86). Приход зимы вынудил партизан уйти в глубь лесов и снизить свою активность.

На активность партизан, наряду с их вооружением, временем года и действиями антипартизанских подразделений во многом влияли ситуация на фронте и связанная с ней политика оккупационных властей по отношению к местному населению, составлявшему главную опору партизанского движения. Изучению этой политики автор посвящает седьмую и восьмую главы. По мнению А. Хилла, это была гибкая политика «кнута и пряника», для обеспечения которой при командовании Группы армии «Север» была создана строгая структура управления (агенство *WiStabOst*), призванная, при поддержании порядка и дисциплины, обеспечить потребности немецкой армии в рабочей силе и продовольствии.

Оккупационные власти ввели обязательное всеобщее обучение детей в возрасте от 8 до 12 лет; во избежание эпидемий продолжали работать больницы; началась раздача земли крестьянам и создание фермерских хозяйств. Оставшееся в тылу население оказалось перед альтернативой: либо умереть зимой 1941–1942 года в партизанских отрядах, либо работать на оккупантов. При этом, что эта работа оплачивалась в среднем от 300 до 500 рублей при 10–12 % налогообложении. И хотя по существовавшим нормам снабжения продовольствием этих средств едва хватало для выживания, тем не менее обеспеченность продовольствием населения на оккупированной территории была в среднем в 1,5–2 раза выше, чем в блокадном Ленинграде (р. 103–104).

Подобный режим вынуждал большинство населения вполне лояльно принимать оккупационную власть, тем более что всяческие акты сопротивления или саботажа сурово наказывались «кнутом». По приказу генерала Кейтеля от 16 сентября 1941 года за каждого убитого в тылу немецкого солдата предлагалось казнить до 100 мирных жителей. Данный приказ освобождал солдат вермахта от ответственности за расправы с мирным населением. За 161 немецкого солдата и офицера 281-й карательной дивизии, погибших в ходе антипартизанской борьбы в январе – сентябре 1942 года, были казнены свыше 1800 партизан и «их пособников» (р. 118). Нередко во время «антитеррористических» рейдов уничтожались целые деревни. Автор при этом отмечает, что в более тяжелом положении, как по жестокости наказаний, так и в материальном положении, пребывали крестьяне, проживавшие в районах, находившихся в прифронтовой зоне.

Расчетливая германская политика «кнута и пряника», при неустойчивой структуре управления партизанским движением с Большой земли и отдельным просчетам советского командования, обусловила относительно стабильное ведение партизанской борьбы вплоть до середины 1943 года. Численность партизан Ленинградской области до осени 1943 года почти не менялась и составляла в среднем 4500–5000 человек. Лишь в отдельные зимние месяцы, а также в ходе крупной карательной операции «Весеннее очищение» (апрель 1943 года) число партизан уменьшалось почти вдвое (р. 165).

В девятой главе автор исследует один из важнейших факторов развития партизанской войны — организацию движения из центра, убеждая читателя в том, что вплоть до середины 1943 года Ставка пыталась найти наиболее эффективную систему управления движением. Об этом свидетельствуют несколько раз проведенные радикальные изменения в структуре руководства партизанской борьбой. Спустя два месяца после организации 30 мая 1942 года Центрального штаба (во главе с П.К. Пономаренко) вводится новая, по сути, дублирующая структура Главнокомандующего партизанским движением (К.Е. Ворошилов), просуществовавшая чуть более двух месяцев. В марте 1943 года распускается и сам ЦШПД, вновь восстановленный в мае того же года. Относительная стабильность военных действий на Северо-Западе до конца 1943 года во многом обуславливала и относительную стабильность действий партизанских отрядов в этот период. Поэтому наибольший ущерб, нанесенный партизанами противнику, как считает профессор А. Хилл, был не военным, а экономическим. В 1941 году немцам удалось собрать с оккупированных областей не более 23 % урожая, в 1942 году — 41 %. Сборы по основным и подушным налогам также не превышали 30 % (р. 100–102).

Резкая активизация партизанского движения на Северо-Западе наблюдается с осени 1943 года. Основными причинами тому стали наступление советской армии на Юге и подготовка к масштабной операции по полной деблокаде Ленинграда. По мнению автора, расширению партизанского

движения во многом способствовал приказ ГКО № 1226 от 14 июня 1942 года, предусматривавший суровое наказание за сотрудничество с оккупантами. В результате с октября 1943 года по январь 1944 года численность партизан в Ленинградской области увеличилась более чем вчетверо. За счет местного населения (67 %), бывших военнопленных (30 %), а также полицаяев и власовцев (3 %) только состав 5-й партизанской бригады в течение осени 1943 года увеличился с 222 до 5096 человек (р. 157–158). Улучшилась координация партизанских действий. В это время уже 94 % отрядов имели радиосвязь с Большой землей. И хотя оружия по-прежнему не хватало (55–60 % от необходимого), партизаны развернули ширококомасштабную деятельность, обеспечивая наступление Красной армии.

В заключении, отвечая на главный вопрос, поставленный в исследовании, автор приходит к выводу, что партизаны, без сомнения, внесли значительный вклад в достижение Победы, особенно на завершающем этапе войны. В то же время как военная сила партизаны Ленинградской и Псковской областей нанесли противнику наиболее ощутимый экономический, а не военный ущерб, хотя и притягивали на себя с фронта весьма значительные силы вермахта.

М.Н. Супрун

Литература

1. *Азясский Н.Ф., Князьков А.С.* Вооруженная борьба советских патриотов на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны (Историографический обзор) // *Историография Великой Отечественной войны: сб. ст. / Под ред. М.П. Кима.* М.: Наука, 1980. С. 142–153.

References

1. *Azyasskij N.F., Knyaz'kov A.S.* Vooruzhennaya bor'ba sovetskix patriotov na okkupirovannoj territorii SSSR v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' (Istoriograficheskij obzor) // *Istoriografiya Velikoj Otechestvennoj vojny': sb. st. / Pod red. M.P. Kima.* M.: Nauka, 1980. S. 142–153.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2014, № 3 (15)**

Аверин Сергей Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (averin157@yandex.ru)

Банников Сергей Валерьевич — руководитель научно-методического центра издательства «Русское слово» (dar-68@mail.ru)

Ефимова Виктория Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Петрозаводского государственного университета (efimova1870@rambler.ru)

Захарченко Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, докторант общеуниверситетской кафедры истории МГПУ (zaharchenkoav@gmail.com)

Карпачёв Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (spk1950@yandex.ru)

Крыкин Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГПУ (smkrykin@mail.ru)

Лобачева Ирина Николаевна — аспирант кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (irina3478@yandex.ru)

Михайловский Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории МГПУ (f.mikhailovsky@yandex.ru)

Мусаева Улкера Кязимовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета (ulkercrimea@gmail.com)

Новикова Светлана Николаевна — ведущий редактор, методист издательства «Русское слово», учитель высшей категории (serentina@yandex.ru)

Рябов Виктор Васильевич — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, заведующий общеуниверситетской кафедрой истории МГПУ

Супрун Михаил Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Северного Арктического федерального университета (suprun.ru@mail.ru)

Хатанзейская Елизавета Владимировна — аспирант кафедры отечественной истории Северного Арктического федерального университета (lisavett@yandex.ru)

Юрьев Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (Yuriev@)mggu.ru)

**«MCTTU Vestnik» / Authors,
Series «Historical Studies», 2014, № 3 (15)**

Averin Sergei Vladimirovich — postgraduate of World History department, MCTTU (averin157@yandex.ru).

Bannikov Sergei Valerjevich — head of Scientific and Methodological Centre of the publishing house «Russian Word» (dar-68@mail.ru).

Efimova Viktoria Viktorovna — Ph.D. (Law), docent, Theory and History of State and Law department, Petrozavodsk State University (efimova1870@rambler.ru).

Zakharchenko Alexey Vladimirovich — Ph.D. (History), docent, postgraduate of all university History department, MCTTU (zaharchenkoav@gmail.com).

Karpachyov Sergei Pavlovich — Doctor of History, full professor of History of Russia department, MCTTU (spk1950@yandex.ru).

Krykin Sergei Mikhailovich — Ph.D. (History), docent, World History department, MCTTU (smkrykin@mail.ru).

Lobacheva Irina Nikolaevna — post-graduate, History and Archeology department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (irina3478@yandex.ru).

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, full professor, head of World History department, MCTTU (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Musaeva Ulkera Kyazimovna — Ph.D. (History), docent, head of History department, Crimean Engineering-Pedagogical University (ulkercrimea@gmail.com).

Novikova Svetlana Nikolaevna — editor-in-chief, methodologist, publishing house «Russian Word», teacher of higher category (sepentina@yandex.ru).

Ryabov Victor Vasilievich — Doctor of History, full professor, president of Moscow City Teacher Training University, head of all-university History department, MCTTU.

Suprun Mikhail Nikolaevich — Doctor of History, full professor, head of History of Russia department, Northern Arctic Federal University (suprun.ru@mail.ru).

Khatanzeiskaia Elizaveta Vladimirovna — post-graduate, History of Russia department, Northern Arctic Federal University (lisavett@yandex.ru)

Yuriev Aleksandr Ivanovich — Doctor of History, full professor, History of Russia department, Sholokhov MSHU (Yuriev@)mggu.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 3 (15), 2014

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
Е.П. Карезина
Корректор:
Л.Г. Овчинникова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВПО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 12.11.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 7,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.